

Джон Стивенс

Морихеи Уесиба Непобедимый

Иллюстрированная
биография
основателя Айкидо

ВОИН

Грандмастер

合気道開祖 植芝 盛平翁

John Stevens

ИЗДАТЕЛЬСТВО

INVINCIBLE WARRIOR

*An Illustrated Biography of
Morihei Ueshiba, Founder of Aikido*

SHAMBHALA
Boston & London

ДЖОН СТИВЕНС

БЕЛЫЙ ДУК

БЕЛЫЙ ДУК (БЛЮЗ)
БЛЮЗ

СИНЕЙ ДУК

• Мориhei Уесиба. Непобедимый воин

Иллюстрированная биография
основателя Айкидо

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД
Фанд пресс

Москва
2001

УДК 796.8

ББК 65.290-2 (7США)

C80

Стивенс Дж.

C80 Морихеи Уесиба. Непобедимый воин: Иллюстрированная биография основателя Айкидо/ Пер. с англ. С. Холоднова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 304 с.: ил. — (Грандмастер).

ISBN 5-8183-0322-5 (рус.)

ISBN 1-57062-394-5 (англ.)

Эта книга дает возможность познакомиться с удивительным и загадочным человеком нашего столетия, величайшим магистром боевых искусств и фантастическим мистиком Морихеи Уесиба, посвятившим свою жизнь поиску философского смысла идеологии и сущности боевого искусства, что привело в итоге к созданию айкидо, позволяющего достигнуть истинного просветления. Это не только биография великого учителя, но и описание его философско-духовного учения. В книге приведено около двухсот фотодокументов, иллюстрирующих жизнь непобедимого мастера и его уникальную технику.

Для широкого круга читателей.

УДК 796.8

ББК 65.290-2 (7США)

Публикуется по соглашению с SHAMBHALA PUBLICATIONS, INC (P. O. BOX 308, Boston, MA 02115, USA) и Агентством Александра Корженевского

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 5-8183-0322-5 (рус.)

ISBN 1-57062-394-5 (англ.)

© 1997 by John Stevens

© Серия, оформление, перевод.

ФАИР-ПРЕСС, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга дает возможность читателю познакомиться с удивительным и отчасти загадочным человеком нашего столетия, несомненно наивеличайшим магистром боевых искусств и фантастическим мистиком Морихеи Уесиба, посвятившим всю свою жизнь поиску истинного философского смысла идеологии и сущности боевого искусства, что привело в конечном итоге к созданию «искусства мира» айкидо, считаемого прогрессивным и позволяющим достигнуть настоящего просветления и практикуемого во всем мире. Это не просто чисто биографическое повествование, ибо оно включает в себя описание трех основных аспектов существа человеческой природы, проявляемых в процессе жизненного пути. Это — взаимоотношения с внешними условиями (место, время, учения), внутреннее формирование личности (цель и суть поиска истины) и, наконец, соприкосновения с непознанно-мистическим (духовно-религиозное воспитание и опыт мистического).

Часть I — «Жизнь и эпоха Морихеи Уесиба» — это, по сути, переработанный и дополненный материал первоисточника «Богатый мир Морихеи Уесиба — основателя айкидо». Люди, события, даты и все то, что сопутствовало эпохе великого мастера боевых искусств, оказывало на него влияние и формировало его идеи.

Часть II — «Морихеи Уесиба и создание айкидо» — это иллюстрированные документальные материалы, запечатлевшие не только весь его жизненный путь, но и отражающие характерные особенности и моменты становления великого непобедимого воина.

Часть III — «Удивительная техника Морихеи Уесиба» — это ознакомительно-учебный материал по технике айки-будо (проповедуемой Морихеи до войны) и по технике айкидо (проповедуемой после войны). Представление материала в таком виде позволит, по моему мнению, составить читателю наиболее полный портрет этой неординарной личности, жившей в наше с вами столетие.

Естественно, что в рамках данной книги я ограничился лишь беглым упоминанием наиболее выдающихся учеников великого мастера, ибо их также несомненно интересные биографии требуют создания более объемной истории айкидо, которая ждет своего автора.

В заключение хотелось бы выразить особую благодарность Кисшомари Уесиба, любезно представившему фотографии из своего семейного архива, а также Алани Нагахисе, предложившему свой документальный материал, повествующий о посещении Морихеи в 1961 году Гавайских островов, и Чарлзу Хиллу, пожертвовавшему фотоматериалы, запечатлевшие великого мастера в период его жизни в Танабе и Кумано. Я благодарен также и всем тем, кто принял непосредственное или косвенное участие в создании этой книги.

Составлено в свободное от работы время
— Юрий Усанов

ЧАСТЬ I

ЖИЗНЬ И ЭПОХА МОРИХЕИ УЕСИБА

он — это неожиданно ярко выраженный и яркий стиль, который включает в себя не только японские, но и западные элементы, а также различные художественные техники, включая живопись, скульптуру и архитектуру.

Что же изменилось в жизни Иваси? Стартом карьеры стала работа над иллюстрациями для журнала «Модерн», где он изображал различные аспекты жизни в то время, от модных тенденций до политических событий.

Ильинский Гатоарий — это одна из самых известных работ Иваси, созданная в 1908 году. В ней изображены различные аспекты жизни в то время, от модных тенденций до политических событий.

Азоте Панчук Альбум Индюком — это один из самых ярких образцов японской фотографии, созданный в 1910 году. В нем изображены различные аспекты жизни в то время, от модных тенденций до политических событий.

Более поздние работы Иваси, такие как «Красивые девушки Японии» и «Священные горы Кумано», были созданы в 1910-х годах. В них изображены различные аспекты жизни в то время, от модных тенденций до политических событий.

Однако, самое главное достижение Иваси — это то, что он сумел создать уникальный стиль, который объединяет в себе различные художественные традиции и техники, создавая новые и интересные образы.

Морихеи Уесиба родился в Японии 14 декабря (16 ноября по древнему лунному календарю) 1883 года в своеобразном селении-храме Танабе, что в двухстах милях южнее Осаки. Это поистине живописное местечко на побережье провинции Кии (сейчас это префектура Вакаяма), у самого подножия горного массива Кумано.

Кумано — это святая земля, священное место для каждого японца. Здесь, по преданию, боги синто спустились на грешную землю, и именно тут находятся незримые Врата Очищения, ведущие в Амиду — райские кущи Будды. Вполне естественно, что Кумано считалось во все времена не просто особо почитаемым местом, но и было неким своеобразным домом-прибежищем, этакой горной меккой, для аскетов, чудотворцев и мудрецов. Чистый прозрачный воздух, горные источники и ключевые воды, сочные питательные фрукты, целебные растения и травы в условиях мягкого умеренного климата этого благословленного места способствовали как нельзя кстати не только укреплению физического тела, но и очищению души. Всякий буддист, истинно верующий в синто, включая, конечно же, и самого императора, стремится хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Нии, к святым местам Кумано — водопаду Начи и горе Коя, тайно лелея в душе заветную надежду увидеть хотя бы одним глазком

одного из Восьми Великих Повелителей Драконов, резвящихся в водах Начи. Кобо Даиси, патриарх тантрического буддизма в Японии, более тысячи лет назад вошел, как утверждают, в вечную медитацию на горе Кояя, где до сего дня существует якобы его незримое живое присутствие, ощутить которое, впрочем, могут лишь избранные, которым и будет дано узреть светлый образ Великого Учителя, идущего бесконечной тропой познания Истины.

Сотни лет назад в окрестных горах успешно применял на практике методику таоистской медитации, перелетая, словно птица, с одной вершины на другую, известный великий маг и чародей Энно-Гайджя, «живой образ» которого неоднократно созерцали, по их утверждению, современные ямабаси (горные отшельники). Существует точка зрения, что для того, чтобы по-настоящему научиться воспринимать цветовые оттенки и звуковые тона, необходимо попасть в Кумано, а результатами аскетических опытов, проведенных здесь, являются невероятная чистота ума и ясновидение. В год рождения Морихеи один из ямабаси, по имени Джитсукаге, спрыгнул с вершины, вздымающейся над водами Начи, совершив наивысший акт сутеми-гайо — абсолютное отречение от реалий бытия во имя Одухотворенности. Именно в такой вот атмосфере, насквозь пропитанной сверхъестественностью, загадочностью, мистикой и святостью, и появился на свет божий Морихеи. Люди, проживавшие в Нии, всегда отличались своей набожностью, однако это отнюдь не означало, что все человеческое им было чуждо. Многие из них были весьма удачливыми предпринимателями, взять хотя бы известного в XVIII веке тор-

говца Кинокунию Бунзаемона, который невероятно разбогател, монополизировав мандариново-апельсиновый, а впоследствии и деревообрабатывающий рынки. Однако бизнесмены Кии всегда жили по принципу «много зарабатывать — много тратить», а посему и Бунзаемон, прожив большую часть жизни в роскоши, умер в нищете. Морихеи получил от отца довольно солидное наследство и поэтому отнюдь не бедствовал, однако общий царивший здесь дух наплевательского отношения к золотому тельцу не мог не коснуться и его. Богатство прошло сквозь пальцы, словно песок.

Селение Танабе расположилось вдоль побережья Тихого океана, что гарантировало весьма благоприятные климатические условия — солнечную погоду и спокойную водную гладь. Хотя иногда, конечно, Тихий океан не оправдывал своего названия и яростные штормы начинали бушевать вблизи селения. Но такие вспышки гнева Посейдона были, по счастью, весьма непродолжительными. Подобным нравом всегда отличались и танабейцы — их вспышки ярости и гнева исчезали так же быстро, как и возникали. Кроме того, в их натуре превалировали своеоление и упрямство. Как истинный сын своего народа, Морихеи унаследовал все эти черты на всю жизнь.

Родители Морихеи были несказанно рады его рождению. У них уже было три дочери (еще одним из ребенком также была девочка), и вот, наконец, боги Кумано услышали их молитвы и подарили им мальчика. Отец Морихеи, Йороку, удачливый земледелец и член муниципального совета (на этой должности он прослужил восемнадцать лет), был человеком крепкого телосложения и стойкой само-

райской закалки. Эти качества он унаследовал от деда Морихеи, Кичицемона, родоначальника клана Уесиба, широко известного в Японии своими размерами и невероятной мощью. Мать Морихеи, Юки, была родственна связана с кланом Такеда — одним из величайших самурайских семейств. Она была образованной и благочестивой женщиной.

Морихеи родился худеньким и слабым. Причиной этому были, по-видимому, преждевременные роды. Родители и старшие дочери всячески оберегали малыша, заботились о нем, и во многом благодаря этому Морихеи вырос крепким и здоровым юношем. Он много времени проводил на свежем воздухе — мать с детства приучила его вставать с восходом солнца и совершать утренний моцион поклонения святым местам родного края. Весной и летом Морихеи гарпунил рыбу и плавал в заливе, а осенью и зимой лазил по горам. Лет в шесть он пошел в школу, открытую при храме. Скучная классная Конфуция его не привлекала, однако он был буквально очарован изысканными ритуалами, мистическими псалмами, экспериментами, связанными с вызыванием зрительных образов, а также методикой медитации эзотерического буддизма школы сингон («истинных слов»). У него также проявился неподдельный и живой интерес к эзотерическим наукам — он буквально проглатывал одну за одной сотни книг по физике, химии и математике.

Став старше, Морихеи начал исследовать потенциальные возможности своего организма. Будучи юношем, он усиленно занялся закалкой. Чтобы укрепить кожу, он ежедневно выполнял водный моцион, а также просил товарищей забрасывать его колючими каштанами. Для укрепления мускулатуры и развития выносливости Морихеи подрядился ра-

ботать рыбаком — загарпунивал крупную рыбу, вытягивал большие сети, в часы досуга состязался в армрестлинге с наиболее сильными рыбаками. Не гнушался он и работой в доках, где старался ворочать самые тяжелые бревна, и поэтому зарабатывал в четырехкратном размере. Всякий раз, когда устраивались соревнования по сумо, Морихеи старался непременно принять в них участие и, как правило, выходил победителем. Предметом особой гордости он считал умение размочалить до основания максимальное количество толкушек во время деревенского праздника дробления риса. Для укрепления мышц ног Морихеи отправлялся к главной святыне Кумано, что находилась на расстоянии примерно пятидесяти миль*, неся на себе какого-нибудь большого или престарелого паломника. Морихеи жаждал быть сильным, таким сильным, чтобы отомстить шантажистам отца, нанятым его политическими оппонентами, таким сильным, чтобы справиться с любым своим потенциальным соперником.

Уделяя столь пристальное внимание физическому развитию своего тела, Морихеи ни на минуту не забывал и о своей душе, оставаясь истинно верующим человеком — он продолжал свято верить в мантру сингон, которой навсегда отдал свое сердце с детских лет. Соблюдение ритуалов очищения в водах океана и водопадов было для него строго обязательным. Одним из наиболее важных для себя достижений в юношеские годы Морихеи считал совершенное им вместе с матерью паломничество в западную часть Японии к Тридцати Трем Священным Местам.

* 1 миля равна 1,6 км. — Здесь и далее прим. пер.

В 1896 году в возрасте тринадцати лет Морихеи было записали в новую среднюю школу Танабе, однако не прошло и года, как он уговорил родителей забрать его оттуда. Ему явно не хватало терпения учиться по строго отработанной программе, ограничивающей к тому же его желания больше времени проводить на свежем воздухе. Он поступил в счетную академию и, благодаря острому складу ума и ловким рукам, чуть более года исполнял здесь обязанности ассистента инструктора.

Закончив академию, Морихеи получил работу аудитора в местном налоговом бюро. Проявив себя как отличный сотрудник, он получил приглашение перейти на службу в Центральное бюро в Токио. Однако Морихеи отнюдь не желал просиживать штаны в канцеляриях до конца дней своих, а посему не только отказался от столь заманчивого приглашения, но и вообще оставил свою работу в знак солидарности с возмущенными рыбаками, протестующими против новоиспеченного Нормативного акта рыбодобывающей индустрии, существенно ущемляющего их права. Несколько богатых торговцев, вступив в коррупционныйговор с чиновниками, издали суровый закон с целью устранения конкурентов. Возмущению семнадцатилетнего Морихеи не было предела. Он приложил все свои силы и знания налогового кодекса для защиты рыбаков. Он был готов отстаивать справедливость и с помощью кулаков.

И хотя такая активность не могла не вызывать гордости родителей за своего сына, отец все же посоветовал ему попытать счастья в столичном бизнесе, чтобы проверить себя в настоящем деле,

а заодно и, как говорится, от греха подальше. Итак, девятнадцатилетний Морихеи прибывает в 1902 году в Токио, где с помощью одного из своих богатых родственников открывает небольшое дело в сфере торговли канцелярскими принадлежностями. И надо отметить, весьма небезуспешно. Здесь же, в Токио, Морихеи, скорее всего, и начал увлекаться Тэнсин Синъё джиу-джитсу и искусством фехтования Синкагэ, получив первые уроки боевых единоборств. Несмотря ни на какие успехи в сфере бизнеса, сердце Морихеи было отдано другому. Да и столичная жизнь, честно говоря, была не для него. Он просто задыхался в стенах мегаполиса. Оставив дела своим работодателям, Морихеи в конце года вернулся в Танабе с тем, с чем и уехал. Вскоре по возвращении он женился на дальней родственнице Хатсу Итогава.

НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ У МЭЙДЗИ

Японский сёгунат приказал долго жить в 1868 году, одной из причин чего явилась неспособность противостоять внешнему врагу — западный империалистический спрут медленно, но верно опутывал своими жадными щупальцами маленькую островную страну. После заключенного в 1854 году Канагавского договора Япония еще не раз была вынуждена подписывать унизительные для нее и неравноправные для сторон соглашения с Западом. Новые лидеры монархии Мэйдзи никак не желали мириться с таким положением дел и во избежание колонизации страны встали на весьма опасный путь национальной милитаризации. К 1880 году пра-

вительство Мэйдзи почувствовало, что Япония уже достаточно окрепла в плане того, чтобы при случае стукнуть кулаком по столу в процессе спора с Западом, а посему возникла насущная необходимость пересмотреть в духе времени ряд ранее подписанных договоров. К тому же разыгрались и собственные империалистические аппетиты. Благо, что опыт старшего учителя из матушки-Европы, основанный на доминировании «белой» расы над остальными «неграми», был всегда перед глазами.

Первым лакомым кусочком, на который пал взор новоиспеченного международного империалистического жандарма, оказалась Корея. На ней было решено опробовать западную модель угроз, шантажа и навязывания неравноправных, ущемляющих права договоров. Китай, считающий Корею своим вассалом, понятное дело, резко воспротивился столь наглым притязаниям своего распоясавшегося восточного соседа, что и спровоцировало в конечном итоге начало японо-китайской войны в 1894 году. Не может не вызывать удивления тот исторический факт, что такая маленькая Япония, которая еще в 1868 году казалась совершенно беззащитной от внешних врагов, сумела наголову разбить китайские войска и захватить такое большое государство, дойдя чуть ли не до Пекина. Впрочем, японцам пришлось в 1895 году заключить с Китаем перемирие, так как последний обратился за помощью к своим западным союзникам, особенно к России. Прекрасно понимая, что с таким числом объединившихся против нее врагов ей в одиночку не справиться, Япония была вынуждена уступить угрозам сил Запада и отказаться от значительной

части полученных от китайцев концессий. Тем не менее японские генералы отнюдь не желали вкладывать свои мечи в ножны. Они жаждали реванша и в душе поклялись отомстить за унижение. Война с насолившей Японии Россией на зревала неизбежно, и поэтому примерно пятьдесят пять процентов национального бюджета правительство выделило на военные нужды. Именно в эти годы и зародился термин «империалистическая Япония», обязанный ее авантюристической внешней политике и ставший своеобразным клеймом государства на долгие последующие годы.

Упоенные победой над Китаем, японцы с чувством глубокого одобрения поддерживали милитаристический курс государства. Противостояние между Японией и Россией на континенте постоянно усиливалось, и угроза широкомасштабных военных столкновений неотвратимо приближалась. В 1903 году Морихеи оказался среди тысяч призванных под ружье резервистов.

Морихеи всегда стремился быть воином и проявить себя в ратном деле. Однако первая же военная комиссия его забраковала — он был ниже ростом, чем предусмотренный допустимый минимум (пять футов и два дюйма)*. Раздосадованный отказом, Морихеи принялся за дело — увеличивать свой рост. Он привязывал к ногам тяжести и часами висел на суке дерева, чтобы добрать недостающие ему полдюйма.

Спустя год он был назначен в полк, базирующийся в Осаке, что явилось настоящим бальза-

* 1 фут равен 0,3 м; 1 дюйм — 2,5 см.

мом для его душевных ран. Митсудзи Фудзимото, учитель Морихеи, в соответствии с идеологией буддизма школы сингон, потребовал, чтобы его ученик перед отъездом в Осаку исполнил обряд «огненной закалки», который, собственно, и положил начало целой серии последующих опытов, через которые прошел Морихеи на своем жизненном пути. Этот же, первый, он описывает так: «В процессе обряда я ясно ощущал, как внутри меня под воздействием божественных сил формируется настоящий воин, непобедимый и несокрушимый ни при каких обстоятельствах». Митсудзи выдал Морихеи специальный аттестат школы сингон — «Печать Знания» (по аналогии с аттестатом инку, выдаваемым учителями дзэн своим подопечным, достигшим ступени сатори — просветления). Движимый неистовым желанием компенсировать свой недостаток, связанный с невысоким ростом, Морихеи старался изо всех сил, чтобы выделяться среди других новобранцев в учебном лагере. Будучи от природы быстроногим, Морихеи всегда был одним из первых, завершивших двадцатипятимильный марафонский бросок, несмотря на дополнительные ранцы, которые он брал у отстающих товарищей на протяжении всего пути. Даже скакавшие на лошадях офицеры далеко не всегда поспевали за ним. Ни на что и ни на кого не обращая внимания, Морихеи упорно шел к заветной цели, укрепляя и закаляя физически свое тело. Он неоднократно удивлял своих командиров, жонглируя тяжелыми ядрами, ломая бамбуковые палки над головой, завязывая в узлы металлические прутья голыми руками, ворочая громадные валуны. Морихеи сразу же стал признанным чемпионом лагеря по борьбе сумо и непревзойденным мастером

штыковых атак. Добросовестно изучив западные военные науки, он здорово преуспел также и в огневой подготовке.

Прославился он среди сослуживцев и как обладатель необычной головы, в буквальном смысле этого слова. Еще раньше на протяжении ряда лет Морихеи упорно отрабатывал упражнение по укреплению лобовой части головы, необходимое для каждого стремящегося к успехам в борьбе сумо и заключающееся в раскалывании каменных пластин. Ежедневно он по сто раз отрабатывал этот прием. Офицеры в японской армии в качестве воспитательной процедуры успешно применяли старый проверенный способ — устраивали с помощью плащ-накидок провинившимся в чем-либо своим подчиненным «темную». Не один офицер потом сокрушался о своей чрезмерной несдержанности, залечивая выбитые суставы и переломанные о гранитоподобный череп Морихеи пальцы. С уважением вспоминали «коротышку» и все те задиры и забияки, которые пытались было «указать мальчишке его место» и получали от него в ответ умопомрачительной силы удары головой. (Пятьдесят лет спустя, демонстрируя свое искусство, Морихеи спокойно выдержал удар по голове деревянным мечом. Напуганные звуком удара страшной силы, наблюдатели сего зрелища были нескованно удивлены последующим высказыванием Морихеи, произнесенным с ясной, неподдельной улыбкой на устах: «Ничто на свете не сокрушит сего каменного лба».) Молодецкая удасть и ловкость Морихеи-воина вызывала, несомненно, всеобщее восхищение и уважение у его сослуживцев, однако они никак не могли понять, почему он упорно не желает разделить с ними радости свет-

ской жизни в часы досуга. А в часы досуга Морихеи совершенствовался в боевых искусствах. Он был принят в додзё Масакатсу Накай в пригороде Осаки Сакаи, где изучал гото-ха Ягю Рю джиуджитсу с мечом и копьем. Здесь впервые традиционное классическое боевое искусство было поставлено на систематическую основу, давая возможность научиться владеть мечом, копьем и дэё (деревянным посохом длиной четыре фута) под руководством опытных наставников, бдительно следящих за правильностью координации движений оружия и тела.

(В 1908 году Морихеи получил диплом наставника в этой школе.) В Ягю Рю традиционному боевому искусству, возможностям человеческого разума, физическому совершенству придавалось одинаково большое значение. Хотя, конечно, стойкость разума, вера в непоколебимость идеологии учения всегда рассматривались как превалирующее над чисто физической силой. Всякому ученику школы Ягю известна такая притча.

Некий Иемитсу, третий сёгун Токугава, в подарок от императорского двора Кореи получил тигра. Сёгун предложил известному фехтовальщику Ягю Рю Тадзима Муненори попытаться приручить зверя. Тот с готовностью согласился, не раздумывая уверенно вошел в клетку. Едва тигр приготовился атаковать смельчака, тот ударил грозно рычащего зверя по голове плоскостью своего меча. Тигр отступил и замаялся в углу. Учитель дзэн Такуан, присутствующий при этом, упрекал фехтовальщика, что тот якобы выбрал неверный подход к выполнению поставленной задачи. Решив показать, как надо дрессировать тигра, он вошел в клетку совершенно безоружным и, поплевав на руки, ласково по-

гладил зверя по морде и за ушами. От ярости тигра не осталось и следа — он замурлыкал и начал теряться о монаха, как кошка. Выйдя из клетки, Такуан сказал воину: «Удар по голове превращает его в извечного врага, а ласковые уговоры — в друга на всю жизнь».

Русско-японское противостояние вылилось в конце концов в войну. В феврале 1904 года в Порт-Артуре японский флот атаковал и окружил российский. Полк Морихеи выступил в боевой поход, однако его самого отзвали в резервные части. Возмущенный Морихеи настаивал на том, чтобы его отправили на фронт. Командование определило его в полк, дислоцированный в Маньчжурии. Неизвестно, успел ли Морихеи понюхать там пороху, ибо его отец написал прошение высоким военным начальникам, в котором пытался убедить их в необходимости избавить его единственного сына от потенциальной опасности, угрожающей любому вблизи линии фронта. Морихеи был переведен в военную полицию и отправлен в тыл. Как ни парадоксально, но как раз именно на этом поприще ему и удалось вдоволь попрактиковаться в стрельбе, участвуя в ликвидации преступных группировок.

По окончании войны в 1905 году Морихеи был уже в первых рядах кандидатов в военную офицерскую школу, зарекомендовав себя как бесстрашный боец антигангстерского фронта. Понятное дело, его отцу далеко не по душе была столь опасная профессия единственного наследника, да и сам Морихеи по своей натуре не одобрял военные действия. Особенно, как это продемонстрировала японская сторона в недавних ба-

талиях, когда тактически неоправданные пехотные атаки приводили к огромным потерям. Много лет позднее, в 1962 году, Морихеи сказал в одном интервью: «Мне очень нравилось служить в армии, однако я всегда подсознательно чувствовал, что война как таковая не решает проблем. Война — это прежде всего смерть и разрушение, которые вряд ли кому-то по душе». В те годы такая позиция была, честно говоря, большой редкостью в Японии. Победа над Россией означала, по большому счету, победу над Западом — давним противником Страны восходящего солнца. Эйфория национализма витала над народом. Почетная служба в вооруженных силах в качестве офицера была не только великой честью и гордостью всякого молодого здорового японца, но и его заветной мечтой.

Морихеи, однако, не поддался общему идеологическому настрою и вернулся в Танабе в 1906 году, благополучно отойдя от ратных дел. В последующие несколько лет судьба подготовила ему нелегкие испытания. Начался духовный кризис. На несколько дней он становился затворником, усиленно молясь в своей комнате-келье, скитался где-то в горах, мог часами исступленно жонглировать мечом. Совершенно не общаясь со своими домочадцами и друзьями, лежа часами ничком в состоянии, напоминающем некий транс, он казался окружающим, мягко говоря, не совсем нормальным, что не могло не вызывать их беспокойства.

В период этого кризиса Морихеи тем не менее не прекращал совершенствоваться в боевых искусствах. Продолжая изучать го-ха Ярю Рю, он практиковался и в некоторых элементах Кодокан

Дзюдо в построенном отцом семейном додзё. В 1909 году в возрасте двадцати пяти лет Морихеи сильно увлекся весьма эксцентричной школой Кумагусу Минаката.

КУМАГУСУ МИНАКАТА

Кумагусу родился в 1867 году в городе Вакайама. До шести лет никто не слышал от него ни слова, но потом его буквально прорвало. Движимый жаждой познания, Кумагусу от руки переписал 105-томную энциклопедию, потратив на это пять столь драгоценных для каждого человека юношеских лет. Процесс обучения для него был подобен процессу поиска и сбора одержимым естествоиспытателем образцов фауны, флоры и полезных ископаемых. Кроме стремления к познанию истин бытия, Кумагусу также практиковался в джиу-джитсу. В 1886 году он отправился в Соединенные Штаты, бросив занятия на подготовительном курсе Токийского университета. Здесь он посещал различные курсы в ряде высших учебных заведений, дольше всего обучаясь в сельскохозяйственном колледже Лансинга, что в штате Мичиган. Впрочем, он редко посещал аудитории, предпочитая самообразование: штудировал и конспектировал чуть ли не каждую книгу в библиотеке, подкрепляя теоретический материал практическими изысканиями на природе.

Посчитав свои дела в Лансинге законченными, Кумагусу отправился в Джексонвилл, что во Флориде, чтобы встретиться с известным ботаником. В 1891 году он отправился в Вест-Индию, затем в

Центральную и Южную Америку в составе экспедиции ботаников. Некоторое время он даже скипался с итальянскими цирковыми артистами. В 1892 году Кумагусу приезжает в Лондон, где устраивается в Британский музей на должность научного ассистента. В течение последующих восьми лет он публикует около трехсот научных статей, эссе и монографий по различным областям естествознания, в том числе по ботанике, астрономии, антропологии, археологии и восточным религиям. Кроме, естественно, японского, Кумагусу свободно владел английским, французским, итальянским, испанским, португальским, греческим, латинским, китайским, арабским и персидским языками. Будучи ученым, Кумагусу и ко всем вопросам бытия подходил с познавательно-исследовательской точки зрения. Он любил посещать известный всем и каждому Гайд-Парк, чтобы послушать импровизированные выступления уличных ораторов. При этом он с большим удовольствием для себя и многочисленных завсегдатаев опрокидывал залпом не одну пинту в соседних питейных заведениях. Именно благодаря своим недюжинным способностям «на фронтах по борьбе с зеленым змием» Кумагусу заслужил прозвище Профессор Паб*.

Пристрастие к Бахусу было, пожалуй, единственным крупным недостатком его натуры. Никто не мог, в частности, обвинить его в нескромном поведении в отношении противоположного пола. До своей женитьбы в возрасте сорока одного года он, по его словам, вообще не знал женщин. Тем

не менее Кумагусу, как это ни странно, считается чуть ли не первым японским сексологом, автором ряда публикаций по научно-философским и фольклорно-литературным аспектам данной науки. Кумагусу вел переписку с довольно известным учителем школы дзэн Д. Т. Сузуки и находился в дружеских отношениях с лидером китайской революции Сунь Ятсеном. В 1900 году, после шестнадцатилетнего скитания на чужбине, Кумагусу решил вернуться в родную Японию. • Причиной этого явилось его увольнение из Британского музея, новое начальство которого решило провести националистическую чистку рядов своих сотрудников под эгидой борьбы с «засильем желтой азиатской орды».

В 1904 году Кумагусу уже постоянно обосновался в Танабе, где открыл гуманитарный университет, в котором читал для местного населения лекции по общеобразовательным дисциплинам. В них он делал основной упор не на узконаправленную теорию сотворения мира махаяны-сингон, а на идею всеобщей взаимосвязи и совместности со всеми народами Востока и Запада. Главным ключевым моментом Кумагусу считал условия окружающей среды и ее состояние. Он совершенно обоснованно утверждал, в частности, что угольные шахты и медные рудники на равнине Канто, возникающие словно грибы после дождя, медленно, но верно погубят местные реки, вызывая их разливы, эрозию почвы, уничтожение фауны и флоры. Бряд ли кто-то из жителей префектуры Вакайама мог не согласиться с ним. В этой связи совершенно понятно, что его позиция явно противоречила национальной правительственный программе консолидации святынь, выдвинутой в

* Pub (англ.) — пивнушка.

1906 году. Эта программа предусматривала, в частности, соединение более мелких святынь, список которых составлялся «в верхах» с более крупными. Таким образом решено было формировать священные центры, фактически лишая периферию мест поклонения. Кумагусу грамотно и аргументированно доказал, что такого рода политика разрушит не только патриархальный традиционный уклад японской деревни, но и природные заповедники и жизненно важные источники водоснабжения. Кроме того, он развеял в пух и прах лживые обещания капиталистов, объяснив труженикам текстильной индустрии, что им платят меньше, чем их коллегам в Вест-Индии, став, таким образом, лидером в борьбе за права фермеров, рыбаков, мастеровых и ремесленников Танабе. В этот период к движению за права трудящихся селения как раз и примкнул Морихеи, став не только телохранителем Кумагусу, но и активным сочинителем пламенных речей и всевозможных петиций, направленных как в адрес местных властей имущих авторитетов, так и в адрес правительства страны. В ответ на решение правительства открыть музей естественной истории, в функции которого входила бы компенсация утраченных вследствие индустриализации природных заповедников, Кумагусу возмущенно заявил: «Природу необходимо изучать в ее живом виде, а не посредством чучел, макетов и образцов в пыльных кабинетах! Лучшим музеем естествоведения является нетронутая природа в ее первозданном виде». За слишком яростные обличительные антиправительственные выступления Кумагусу на несколько недель даже посадили в тюрьму. При этом он категорически отка-

зался от услуг своих сторонников, предлагающих ему освободиться под залог: «Почему я должен оставлять здесь своих последователей, не имеющих возможности заплатить? Все мы должны одинаково разделять нашу участь». Благодаря такой вот стойкости и целенаправленности идей своего лидера движение протesta в Танабе оказалось наиболее мощным в стране. В результате лишь совсем немногие исторические святыни были утрачены здесь безвозвратно, чего, увы, нельзя сказать о других провинциях Японии. (Даже в наше время Кумано остается своеобразным «островком девственной природы» — использование железнодорожного сообщения началось здесь только в 1961 году, тогда как на остальной территории страны оно уже эксплуатировалось вовсю.)

Динамичная, жаждущая постоянно новых познаний натура Кумагусу оказала на Морихеи огромное духовно-интеллектуальное влияние, научив его не просто смотреть на все невзгоды и трудности бытия сквозь открытое забрало, но и самому искать непроторенные пути к познанию истины. Морихеи перенял от своего учителя также и обостренное чувство несправедливости и стремление к защите родной матушки-природы.

ПРОЖИВАНИЕ НА ХОККАЙДО

Рождение дочери Матсуко в 1911 году внесло в жизнь Морихеи определенные корректизы. Когда приобретение недвижимости на Хоккайдо стало не просто данью моде, но и весьма перспективным делом, он отправился в эту северную

провинцию с разведывательной целью. Встретившись с губернатором, он обогнал весь остров по указанному им маршруту. Довольный и под впечатлением увиденного, Морихеи возвратился в Танабе, где стал набирать желающих отправиться на поселение на Хоккайдо. Он не сомневался, что водные области сиратаки в северной части острова весьма пригодны для нормального проживания, о чем довольно аргументированно проповедовал в своих призывах. В этом, впрочем, ему особенно усердствовать не приходилось — упадочная экономика государства давно уже лишила сыновей и внуков древних семей Танабе какой-либо реальной перспективы на будущее, и многие из них отправились искать счастья на чужбине, главным образом на Гавайях и западном побережье Соединенных Штатов. Караван переселенцев состоял из пятидесяти двух семей и насчитывал восемьдесят четыре первопроходца. С помощью богатых родственников Морихеи нашел средства для спонсирования мероприятия, и 29 марта 1912 года отважные переселенцы, помолясь и простились с прежней родиной, отправились на новую.

Провожая эмигрантов в дальнюю дорогу, цветки сакуры дружно махали им лепестками вслед. Склоны же Китами на Хоккайдо встретили вновь прибывших снежными буранами. Много дней потребовалось для того, чтобы совершить переход через заснеженные горные вершины, и лишь только к 20 мая караван добрался до места предполагаемого поселения. Первым делом люди, естественно, позаботились о крове, а так как строительство заняло довольно много времени, сельскохозяйственные работы пришлось отложить до сле-

дующего года. Возделывание целинных земель в новых, пока что незнакомых условиях не позволило добиться значительных успехов в этом направлении, и первые три года урожаи в коммуне были весьма скромны — картофель и местные овощные культуры. Только рыба из близлежащих водоемов могла хоть как-то разнообразить скучное меню колонистов. Такое неутешительное начало жизни на новой родине не могло не вызвать ропот и недовольство переселенцев своим лидером. Осторожно чувствуя личную ответственность за все происходящее, Морихеи работал в поте лица с раннего утра до позднего вечера, стараясь вдохновлять своих собратьев, дабы те не теряли чувства уверенности в собственных силах ни при каких невзгодах.

К 1915 году ситуация наконец-то улучшилась и урожаи, выращиваемые нелегким трудом поселенцев, стали куда более значительными. Для дальнейшего развития экономики коммуны Морихеи предложил развивать коневодство, свиноводство и даже горное дело, активно помогал создавать систему здравоохранения и санитарии, а также и образования. Едва только в коммуне начала налаживаться нормальная жизнь, как жуткий пожар 1916 года внес свои негативные корректизы, уничтожив около восьмидесяти процентов жилого фонда деревни (включая и дом Морихеи) и унеся жизни трех человек. Катастрофа была, конечно же, ужасающей, однако Морихеи вновь своим самоотверженным трудом не позволил духу отчаяния и разочарования завладеть сердцами колонистов. Уважение и авторитет Морихеи как безоговорочного лидера коммуны были подтверждены практически единогласным

выбором его на пост главы деревенского совета старейшин в 1917 году.

С самого начала своей эмигрантской жизни в сиратаки совершенствование в боевых искусствах для Морихея заключалось главным образом в ворчании огромных бревен и в поединках с горцами, нападавшими на него из засад во время его прогулок по окрестным сопкам. (Хотя Морихея никогда особо не церемонился с явными преступниками и отпетыми негодяями, он весьма сострадательно относился к тем, кто встал на тропу разбоя просто по чисто житейским нуждам — прежде всего к так называемым беглым наемным труженикам, доведенным до рабского состояния, которых на Хоккайдо было не так уж и мало.) Периодически он также совершенствовался в методике укрощения свирепых хоккайдских медведей. Оказавшись как-то в снежно-ледяном плена в горах, он разделил свою скромную трапезу с громадными зверями, которые настолько привязались к своему новому другу, что, когда снег сошел, провожали его чуть ли не до самого поселка.

За время, проведенное на Хоккайдо, Морихея еще более физически и морально окреп, воспитав в себе чрезвычайную выносливость, главным образом благодаря своей неуемной целеустремленности. За год он валил, как правило, до пятисот деревьев изготовленным им лично топором, весящим втрое больше обычного. Он корчевал пни голыми руками, ломал толстенные ветви на спине, мерился силой с ломовыми лошадьми. Известен случай, когда бричка кабриолета съехала в овраг и Морихея выволок ее оттуда вместе с кучером, седоками и их скарбом одним могучим усилием. Во время прогулки верхом, давая менкея лоша-

ди, ему приходилось принимать меры предосторожности, чтобы не сломать ей ребра. Не прекращал Морихеи и своих занятий медитацией на открытом воздухе, а также упражнений по закалке тела ледяной водой, невзирая ни на снег, ни на стужу. По всей видимости, ему удалось в совершенстве овладеть методикой генерации внутреннего тепла тела, успешно используемой тибетскими монахами при размораживании льда, помещаемого на обнаженные торсы. Позднее Морихеи говорил своим ученикам, что подобное умение владеть своим телом было для него тогда просто жизненно необходимым, не позволяя замерзнуть в самых суровых климатических условиях местных зим. Вообще говоря, Морихеи всегда выглядел подтянутым, бодрым и не по годам молодым, что, конечно же, влекло к нему представительниц прекрасного пола. Однако история не сохранила о нем памяти как о ловеласе и сердцееде.

Во время проживания на Хоккайдо судьбе было угодно свести Морихея с известным великим мастером Дайто Рю джиу-джитсу Сокаку Такедой (1859—1943), одно упоминание имени которого вселяло страх в окружающих.

СОКАКУ ТАКЕДА

Сокаку, последний из старой гвардии воинов, родился в Аизу (сейчас это префектура Фукусима) — местечке, известном в стране самураев как родина самых свирепых из них. Всякий мальчик, едва научившись ходить, должен был овладевать, в соответствии с местными традициями, боевыми искусствами. Нерадивых воспитывали огнем. И

хотя любые шрамы считались украшением мужчины, Сокаку страстно желал овладеть боевыми искусствами.

Под руководством деда и отца он учился фехтованию, единоборству с копьем, боевому джиуджитсу и сумо. Этим любимым занятиям отдавал все свое время, совершенно не желая учиться читать и писать. Всякие книги и науки ему были чужды. «Я уверен, что найду тех, кто будет читать и писать вместо меня», — спокойно реагировал Сокаку на любые предостережения по поводу его потенциальной неграмотности.

Несгибаемые воины Аизу были одними из последних, кто капитулировал-таки перед императорскими войсками во время гражданской войны 1868 года, и если бы не юный возраст Сокаку, то он бы сделал себе сеппуки (разновидность харакири) вместе со своими старшими соратниками по Биякко-Тай (армия молодых воинов Аизу). Для Сокаку баталии в непосредственной близости от его отчего дома были, несмотря на кровопролитность, весьма поучительными и даже в некотором смысле забавными — он не понаслышке, а воочию наблюдал, как надо расправляться с соперниками, ведя даже счет смертоносным поединкам.

В конце концов клан Аизу все же был побежден, мать Сокаку умерла, и он, тринадцатилетний юноша, отправился в скитания под эгидой этакого «крестного похода» одинокого мастера боевых искусств, вызывая на бой всякого, кто имел наглость усомниться в этом, — всякого от Окинавы на юге до Хоккайдо на севере страны. Он был хорошо известен как уличный боец, сторонник борьбы без правил, поразивший насмерть не одного своего соперника. Так, в 1882 году он что-то не

поделил с целой группой строителей в Фукусима и бесстрашно пошел на вооруженных острыми топорами, железными прутьями и кирпичами разъяренных мужчин, расчищая себе путь с помощью меча, оставляя за собой раненых и бездыханных. Храбреца арестовали по обвинению в убийстве, однако позднее отпустили, ибо суд квалифицировал его действия как самооборону. Меч, правда, у него конфисковали и порекомендовали «поскорее забыть о золотых временах самураев» для его же собственной пользы.

В 1875 году Сокаку вызвали в Аизу, чтобы предложить ему наследственную должность священника синто. Известный мастер и учитель боевых искусств и духовный наставник Саиго Таномо (известный также как Чиканори Хосина), последний из клана Аизу, кто хранил секреты техники осики-ути, проинструктировал новоиспеченного религиозного деятеля.

К сожалению, точно не известно, что, собственно, представляет собой техника осики-ути. Ряд исследователей японских искусств считают, например, что это некий самурайский этикет (возможно, исходя из самого названия, переводимого примерно как «в замке господина»). Кроме того, существует мнение, что Таномо вообще не имел никакого отношения к боевым искусствам. Тем не менее у Сокаку было несколько старинных свитков (прочитать их он, естественно, не мог), в которых довольно подробно описывалась техника боевого искусства, корнями своими уходящая аж в двенадцатое столетие, во времена императора Минamoto (Генджи) Йошимицу, когда система осики-ути процветала вовсю. Кроме того, сам Сокаку считался одним из тридцати пяти великих мастер-

ров традиционных искусств, что позволяет вполне обоснованно полагать, что Таномо, передавший ему сии свитки по наследству, не мог не понимать тонкостей описанной в них методики боевого искусства. Так или иначе, Сокаку изучил данную систему, которую назвал Йамато, а впоследствии переименовал в Дайто Рю. Она, по сути, представляла собой некую комбинацию классического джиу-джитсу и практической боевой техники самого Сокаку, непревзойденного мастера рукопашного боя, владевшего к тому же в совершенстве различными видами оружия. (Между прочим, так называемая кусаригама — серп и цепь — наиболее грозное оружие Сокаку, против которого крайне трудно найти защиту.)

Сокаку, что вполне очевидно, больше полагался на свои необычайные способности в боевых искусствах, нежели на духовную деятельность в качестве священника синто. Где-то в 1888 году, в возрасте тридцати лет, он решает проверить себя в настоящем деле в качестве ведущего учителя боевых искусств. И хотя он был весьма невысоким, менее пяти футов ростом, и худощавым, своих соперников он побеждал довольно быстро.

И прежде всего благодаря экстраординарным способностям самоконтроля сознания, помноженным на безупречную технику, отточенную в бесконечных боях, и мастерству айки — гармоничности сочетания позитивной и негативной энергий. И хотя Сокаку никогда в жизни не прочитал и буквы, он был отличным психологом. Перед проведением инструктажа среди потенциальных учеников он внимательно изучал каждого и выбирал из них далеко не всех, отсеивая остальных без видимых на первый взгляд причин. Если его

спрашивали о причинах, повлекших за собой отсев, он мог ответить, например, следующим образом: «Первый — пьяница, второй — слаб характером, а третий — смутьян безысходный. Я не хочу на таких тратить силы и время впустую». Интуиция, и только она, позволяла Сокаку безошибочно разбираться в людях.

Пытаясь нормализовать и как-то упорядочить свою жизнь, Сокаку женился и построил дом, однако его жена умерла во время родов второго ребенка, а позднее сгорел их дом. Сокаку отдал своих детей на воспитание родственникам и вновь вернулся к кочевой жизни отшельника.

В период с 1898 по 1915 год Сокаку странствовал по северной части Японии, зарабатывая средства к существованию уроками по единоборствам. Находясь на Хоккайдо, он впервые встретился с Морихеи. В 1904 году Чарлз Перри, британский подданный, преподававший английский язык в высшем учебном заведении Сендай, был весьма удивлен и шокирован внешним видом какого-то японского странника, ехавшего вместе с ним первым классом, а посему и обратил внимание кондуктора на него. Сокаку, а это был именно он, действительно был одет весьма экстравагантно — в поношенное японское платье, высокие деревянные сандалии, шляпу-котелок и держал в руках видавший виды дорожный посох-палку, внутри которой находился острый штык-нож, а также большую матерчатую сумку, в которой была лицензия на преподавание и религиозная книжка. Когда Сокаку высказал свое удивление по поводу того, что кондуктор решил проверить билет только у него одного, тот указал на иностранца. Разозлившийся Сокаку вскочил

со своего места и потребовал у почтенного джентльмена объяснений. Самоуверенный Перри, рост которого был порядка шести футов, решил запугать наглого «малыша», однако не тут-то было — Сокаку ловко перехватил удар соперника и, применив болевой прием захват-бросок, опрокинул гиганта Перри на пол купе. Слегка отойдя от шока, полученного при падении, Перри не только смиленно принес свои извинения Сокаку, но и попросился к нему в ученики, став, таким образом, первым иностранцем в школе Такеда. (Всего, кстати, согласно регистрационным книгам Сокаку, у него занималось в разное время более тридцати тысяч учеников.)

В 1911 году Сокаку пригласили в отделение полиции Хоккайдо и попросили позаниматься с личным составом. Дело в том, что наряду с законными поселенцами, наподобие колонистов под руководством Морихея из Танабе, на Хоккайдо устремились и представители криминальных структур общества — здесь был просто рай для бандитов, пиратов, бродяг и прочих отщепенцев. Шайки, банды, «малины» росли как грибы после дождя. Немногочисленная полиция не справлялась со своими обязанностями. Над островом нависла реальная угроза превращения его в криминальную империю.

Сокаку в свои пятьдесят отправился в этот дикий край, где нещадно попирались все нормы социального правопорядка, чтобы выполнять функции этакого судебного исполнителя в отдаленных от цивилизации «ковбойских поселках на заре зарождения Соединенных Штатов». Узнав о прибытии нового поборника справедливости, бандиты тут же сели на хвост маленькому

невзрачному борцу с преступностью. Заметив, что он ежедневно утром отправляется в одиночку и без оружия в общественные бани, шестеро хулиганов решили было «преподать ему урок местного гостеприимства» в лучших традициях идеологии гангстеризма. Сокаку совершенно спокойно отреагировал на нападение. Используя мокрое полотенце в качестве крайне болезненно разящего хлыста, он до крови отдал самонадеянных задир. Могучий «киай» в исполнении Сокаку буквально вырубал напрочь нападающих, безжалостно круша им ребра. Напуганные способностями нового противника, гангстеры собрали целую толпу под окнами отеля Сокаку и стали вызывать его на бой. Когда терпение Сокаку лопнуло, он высунулся из окна с мечом в руках и клятвенно пообещал, что порубает всех попавшихся ему под горячую руку как капусту. Естественно, народец попритих. И чтобы окончательно избежать последующего кровопролития, шеф местной мафии, в лучших традициях голливудского вестерна, поспешил заключить с Сокаку перемирие.

Положа руку на сердце, надо сказать, что жизнь Сокаку сладкой и спокойной никак не назовешь — за свою такую вот репутацию неустранимого, непобедимого и непокорного человека он был вынужден платить дорогой монетой. Прекрасно осознавая, что везде и всегда в подавляющем большинстве его окружают враги, а не друзья, Сокаку и жил по адекватным ситуациям законам, основной сутью которых было устрашение и обман потенциального противника в условиях готовности номер один. Так, он никогда не входил ни в какой дом или иное учрежде-

ние, включая и свою собственную резиденцию, без провожатого, которому всецело доверял. Известен такой случай. Сокаку и Морихеи играли в го в доме Морихеи. В это время к ним вошел один из соседей хозяина. По какой-то причине лицо вошедшего было частично закрыто большим шарфом. За это бедолага и поплатился — Сокаку схватил тяжелую игорную доску и принял дубасить ею незнакомца по голове.. И если бы Морихеи не вмешался, неизвестно, что бы ждало несчастного впоследствии. Сам же Сокаку с детским простодушием заявил: «Мне показалось, что это кто-то из моих врагов пришел по мою душу». Сокаку никогда не притрагивался к пище или питью, пока кто-либо из его учеников не отведает их прежде, опасаясь быть отравленным. Никто (кроме его жены, конечно) не смел приблизиться к нему менее чем на три фута. Под подушкой его постели всегда лежал кинжал, а рядом — железное опахало. Он просыпался несколько раз за ночь и перемещал по комнате свое ложе, дабы не быть застигнутым врагами во время сна. Да и вообще спал он плохо, то и дело вскрикивая от кошмаров преследования врагами или видений лиц убитых им в многочисленных баталиях.

В феврале 1915 года во время поездки в Ингари Морихеи случайно узнал, что Сокаку проводит занятия в местной гостинице, и сразу же поспешил туда. Понаблюдав за впечатляющей демонстрацией техники и ловкостью хрупкого на вид Сокаку, Морихеи попросился к нему в ученики по Дайто Рю и остался тут на месяц, позыв оба всем на свет. Впоследствии Морихеи тренировался вместе с Сокаку все свое свободное

время, спонсировал строительство додзё и в конце концов предложил Сокаку остаться с ним на столько, на сколько тот пожелает. Практически каждое утро в течение двух часов Морихеи получал инструкции от Сокаку и помогал своему наставнику с утра до ночи во всем, в чем только мог, — готовил пищу, стирал, делал массаж, парил в бане.

При случае Морихеи выполнял и роль дублера Сокаку в наиболее опасных операциях, что, конечно же, послужило отличной практикой и проверкой сил для будущего великого бойца, которого Сокаку видел в своем преуспевающем ученике. Морихеи, таким образом, научился противостоять врагам, стремящимся убить соперника. История не сохранила подробностей такого рода поединков с идеологическими противниками, однако доподлинно известно, что сам Морихеи никогда не стремился убить своего оппонента, предпочитая бескровные способы его низвержения.

После пожара 1916 года Морихеи затратил много времени и сил на восстановительные работы, хотя и старался все свободное время уделять тренировкам и поездкам со своим учителем на показательные выступления и уроки в различные области Хоккайдо.

В конце 1919 года Морихеи со своей семьей (пополнившейся в 1917 году сыном Такемори) покинул остров Хоккайдо. Из родного Танабе пришло печальное известие о тяжелой, смертельно опасной болезни его отца (Йороку в течение некоторого времени жил в Сиратаки вместе с сыном, однако из-за неблагоприятного, холодного климата был вынужден в конце концов вернуть-

ся в Танабе). С Сокаку пришлось расстаться. Правда, Морихеи оставил ему все свое наследство, нажитое в Сиратаки, переоформив его на нового хозяина, который успел жениться на более молодой, нежели он сам, женщине, подарившей ему семерых детей. Тридцатишестилетний Морихеи тем не менее не особо торопился прямо в Танабе, он сделал небольшой крюк, посетив Айабе — небольшой городок в пригороде Киото, где судьба уготовила ему еще одну знаменательную для его карьеры встречу. На этот раз с самой, пожалуй, загадочной личностью двадцатого столетия — Онисабуро Дегути.

ОМОТО-КЁ И ОНИСАБУРО ДЕГУТИ

Девятнадцатое столетие японского общества с его идеологией и социальным порядком ушло в небытие, и рождение нового века вселяло в сердца людей новые надежды на лучшую жизнь и преодоление хаоса. Естественно, что в такой атмосфере, пропитанной эйфорией тотального обновления мировоззрения, не могли не возродиться и не окрепнуть многочисленные мессии, пророки и провидцы всех мастей и калибров, проповедующие «рай небесный» на грешной земле, клятвенно обещающие избавление от войн, болезней и прочих забот и тягот бытия.

Среди многих основателей новоиспеченных религий и различных духовных течений были и женщины, что, наверное, и неудивительно для эпохи всеобщего хаоса и не прекращающейся суэты. Это были, конечно же, не изнеженные

аристократки, не понимающие и не ведающие трудностей жизни, а простые и открытые душой представительницы беднейших слоев общества, главным образом крестьянки, которые искренне считали себя выразительницами божьей воли, заключающейся в необходимости кардинальных перемен. Одной из таких выдающихся пророчиц того времени была Нао Дегути, основательница Омото-кё. Она родилась в 1836 году в одной из наибеднейших семей, доведенной чуть ли не до абсолютной нищеты, как и множество других, которым судьба уготовила жить в те голодные годы в Японии. Чудным образом избежав страшной участи подавляющего большинства новорожденных девочек в жестоких условиях процветания идеологии детоубийства, малышка Нао встала на долгий нелегкий путь жизненных испытаний. О временах своего безрадостного детства она всегда с горечью и болью в душе вспоминала: «Я никогда не знала, что такое до-сыта поесть». Казалось, что апокалиптический всадник смерти на бледном коне проскакал над несчастными японцами в те годы — десятки тысяч людей умерли голодной смертью. Создавалось впечатление, что все и каждый только и заняты тем, чтобы отыскать и с жадностью проглотить хоть какую-то травинку, листочек, корешок, кусочек коры, веточку или, если повезет, зернышко...

Когда Нао было десять лет, умер ее пьяница отец, и маленькой девочке пришлось активно помогать зарабатывать деньги для семейного бюджета. Она не гнушалась никакой тяжелой работой, занимаясь служанкой, продавщицей, швеей. В семью Дегути она была принята в семнадцать лет

благодаря протекции ее тетушки, мрачноватой по характеру женщины, драматически покончившей с собой два года спустя. Первого претендента на руку и сердце Нао родственники забраковали, и она была помолвена с человеком, которого совершенно не любила. И произошло это в двадцать лет, когда молодое сердце так жаждет чистой и настоящей любви.

Муж Нао был высококвалифицированным и очень хорошо оплачиваемым плотником, поэтому казалось, что в материальном плане перспективы семьи будут весьма радужными. Однако судьба распорядилась иначе. Легкомысленный муженек, любящий повеселиться и погулять на всю катушку, здорово увлекся алкогольными напитками, чего, в отличие от жены, работодатели терпеть от своего горе-работника не желали. Незадачливый повеса вскоре лишился работы, и здоровья, превратившись в инвалида. Некогда радужные перспективы семейного благополучия сменились сурговой реальностью бедности, медленно, но верно переходящей в нищету.

С детьми Нао также не повезло. Хотя их было аж одиннадцать душ, да и родились они в самый благоприятный для этого периода расцвета женского организма — от двадцати до сорока семи лет, трое умерли во время родов, двое впоследствии оказались душевнобольными, один погиб во время китайско-японской войны, один пытался покончить с собой, а еще трое в разное время сбежали из дома. Когда Нао стукнуло пятьдесят один год, ее муж умер, и, чтобы хоть как-то свести концы с концами, она была вынуждена превратиться в тряпичницу.

С ранней юности Нао часто слышала какие-то внутренние голоса, что во многом способствовало ее увлечению религией Конко-кё, основателем которой считался простолюдин Бундзиро Каватэ, на которого благодатное озарение снизило в 1859 году. С этого времени Каватэ считал себя инкарнационным отображением некоего Тенти-Кане-но-Ками (известного также как Уситора-но-Кондзин, или просто Кондзин) — ранее неизвестного широкой публике божества, которое якобы было вначале воплощением зла средней руки (ками), но затем оказалось, по сути, чуть ли не наидобрейшим богом любви, только и думающим о том, как бы поскорее привести «заблудшее стадо неразумных овечек» в земли обетованные с реками молока и меда. Считая себя помазанником сего божества, Каватэ от его имени проповедовал неразумному народу, как с помощью реформ готовить себя к вступлению в новую золотую эру, где люди напрочь позабудут о войнах, голоде, болезнях и разрухе.

В 1892 году, наслушавшись проповедей гуру Конко-кё, Нао и сама получила божественное послание. Однажды ночью пятидесятисемилетняя Нао вдруг ощутила невероятную легкость в теле, словно она птицей парит в облаках, а не прозябает на гречной земле. Ее жалкая лачуга вдруг наполнилась божественными ароматами и мягким светом. Твердый мужской голос откуда-то из самых глубин ее души произнес торжественно-чинно: «Я — Кондзин». В течение последующих тридцати дней она, согласно повелению величайшего божества, соблюдала строжайший пост, позабыв о сне и постоянно совершая омовения хо-

лодной водой, дабы подготовить себя к дальнейшему этапу духовного очищения.

В соответствии с ним Нао должна была прощать все то жалкое, что у нее имелось, и с пустыми руками и чистой совестью пойти по миру проповедовать царство божие устами Кондзина. Ее тело то и дело сотрясалось в приступах религиозного экстаза, она кричала разными странными голосами об открывшихся ей божественных истинах и откровениях Кондзина, что, естественно, далеко не всегда доставляло радость окружающим и не могло не привлечь внимание служителей правопорядка. Так, одна из ее проникновенных проповедей по поводу очищения мира огнем драматически совпала с каким-то поджогом, произошедшим чуть позже. Подозрение о подстрекательстве пало, конечно, на ораторшу, и ее благополучно сопроводили в местный полицейский участок. Впрочем, в конце концов истина восторжествовала и невинную отпустили, когда доблестные защитники правопорядка отловили настоящего поджигателя. Выйдя на свободу с чистой совестью, Нао получает от Кондзина очередное задание — писать его мысли под диктовку, несмотря на то что бедная женщина от роду не прочитала и не написала ни одной буквы. Однако приказ есть приказ, и Нао, засучив рука-ва, с энтузиазмом взялась за нелегкое дело. Исписывая «автоматически» шрифтом канагана лист за листом, Нао составляла евангелие от Кондзина. Труд почти что на ста тысячах страниц был озаглавлен «Фудесаки» («Письмена»), и базовой квинтэссенцией его была сакраментальная идея учения о перестройке общества: «Все ближе час, и мир нуждается в полном очищении и реформи-

ровании! Императоры, короли и прочие богопротивные формы власти должны пасть, и на их месте возродятся истинные системы управления. Долой капитализм, назад к истокам, нельзя позволить алчным эгоистичным стяжателям процветать и править миром. Опомнитесь и прозрейте! Поклонитесь Кондзину — единственно великому и могучему!»

Способности ясновидения и излечения недугов вскоре позволили Нао не только завоевать известность, но и собрать вокруг себя учеников и последователей в Айабе. Вначале группа входила в состав приверженцев Конко-кё, однако позднее отпочковалась в свое собственное религиозное течение — Омото-кё.

В 1898 году Нао познакомилась с экстравагантным молодым человеком по имени Кисабуро Уеда. Он родился в пригороде Камеока в 1871 году в семье, которой, так же как и многим другим таким же небогатым семьям, пришлось с лихвой хлебнуть тягот голодных лет. (Позднее, правда, Уеда утверждал, что на самом деле он является незаконнорожденным сыном самого имперского принца.) Дед Уеда был заядлым, но весьма неумелым картежником. Он проигрался в пух и прах, доведя семью до нищенского уровня существования. Мальчика воспитывала бабушка — довольно образованная для того времени женщина. Она была талантливой поэтессой и рьяно увлекалась духовно-спиритическими учениями. Ее отец, весьма преуспевающий в одном из них, относящийся к категории углубленного спиритизма (кототама), естественно, всячески способствовал тому, чтобы дочь также овладела тайнами познания непознанного.

Уеда был слаб физически и часто болел, что на три года отсрочило начало его учебы в школе, однако ему удалось довольно скоро с лихвой восполнить этот пробел благодаря весьма неординарным умственным способностям. Впрочем, нельзя сказать, что они позволяли юному вундеркинду жить припеваючи, упиваясь славой и успехами, — и сотоварищи, и преподаватели не желали «терпеть выскочку», дразнили и издевались над мальчиком, проявляя во всей красе неадекватное восприятие природного человеческого таланта. Однако ситуация кардинально изменилась, когда в двенадцать лет Уеда был назначен помощником инструктора. Но здесь сказал свое слово юношеский максимализм и еще незрелый возраст — через два года он отказался от должности, чувствуя психологическую несовместимость со своими более старшими коллегами.

Уеда вернулся в отчий дом, где занялся фермерством, не гнушался и поденной работой, был и коробейником. При всем том он находил силы и время для самообразования, будучи, подобно Кумагусу, одержимым жаждой познания. По ночам в его комнате долго горел свет — он продолжал читать и писать (он добился того, что за минуту ухитрялся начертать шестьдесят китайских иероглифов, что, конечно же, считалось фантастическим достижением). Кроме того, он любил и умел рисовать. (Уеда был лично знаком с известным художником того времени Окё Маруяма, многому у него научился и вскоре сам стал не менее известным мастером живописи.) В восемнадцатилетнем возрасте он начал публиковать свои стихи и эссе в различных литературных журналах. Иногда даже для того, чтобы публи-

коваться в женских журналах, он писал стихи под женским псевдонимом. Весьма здорово преуспевал он и в искусстве кайока — сумасбродной сатиры.

Едва достигнув двадцатилетнего возраста, Уеда заинтересовался народной медициной и ветеринарией (он внимательно изучал строение различных животных, старательно препарируя их тушки перед тем, как поджарить и съесть). Он успешно овладел основами производства молока и молочных продуктов, что позволило ему в дальнейшем открыть свое дело в этой сфере. Он научился имитировать голоса различных зверей и животных, изумляя окружающих своими неординарными способностями в усмирении норовистых лошадей и уговаривании упрямых быков, не желающих пахать. Свое гуманитарное образование Уеда удачно дополнял изучением классической японской музыки и основ танца. Уеда не отличался высокомерием или пренебрежительным отношением к окружающим, никогда не жил по принципу «моя хата с краю». Он всегда был в первых рядах активистов и борцов за справедливость, невзирая при этом ни на звания, ни на чины. Поэтому неудивительно, что в одних кругах он заслужил репутацию возмутителя спокойствия, а в других — защитника прав и интересов обездоленных. Если к этому добавить его обостренное чувство несправедливости, несговорчивость и иногда не в меру щеголеватый внешний вид, то станет понятно, почему он не раз подвергался нападкам недоброжелателей и местных хулиганов.

В 1897 году в его семье произошло большое несчастье — не стало отца. Уеда впал в глубокий душевный кризис — пил, гулял, дебоширил,

страдал от приступов депрессии. В конце концов через пару лет двадцативосьмилетний молодой человек покинул деревню и уединился в пещере на горе Такакуса с целью познать истину бытия или же умереть в поиске таковой.

Здесь, по словам Уеды, ему удалось войти в некий духовный транс и в течение недели путешествовать в этом состоянии в космосе, где ангелы помогли ему открыть истоки сотворения мира, а также познать тайны будущего и истинное предназначение человека. При этом боги и Будды популярно объясняли молодому космическому паломнику, что есть что. Вразумленный, просвещенный, одаренный способностями ясновидения и яснослышания, а также проповедования, Уeda понял, что его истинным предназначением в этой жизни является спасение мира.

Поначалу, правда, мало кто поверил его мистическим рассказам — в лучшем случае его просто не принимали всерьез, а в худшем принимали за ненормального. Даже домочадцы смущались от высокопарно-напыщенных речей своего родственника. Его твердолобые, не верящие в Бога братья то и дело совершали акты волнившего богохульного вандализма, разрушая священные алтари Уеды, и бросали в него камни, когда божий человек совершил свои ритуалы очищения в реке. Едительные служители правопорядка требовали от него разрешения на право прозелитизации*. В конце концов бедолаге надоело слыть необразованным самозванцем, и он решил, что настало время законно утвердиться в статусе проповедника царства божьего.

* Прозелитизация — принятие нового вероисповедания.

Сначала Уеда отправился к известному духовнику Отате Нагасава, ставшему впоследствии учителем на горе Онтаке, являющейся мяккой одной из известнейших религий японцев. Сам Нагасава был когда-то одним из лучших учеников Синтоко Хонда, известного реаниматора древнейшей методики медитации синто-тинкон-кисин (« успокой дух и возвратись к божественности »). После нескольких месяцев интенсивных занятий под руководством опытнейшего наставника Уеда получил

• разрешение на право считаться санива — своеобразным психодуховым рефери, способным устанавливать степень одухотворенности того или иного человека. Однажды во время ритуала поклонения Уеда вдруг услышал некий голос, повелевший ему отправиться на запад, где его уже давно поджидают. Естественно, что набожный санива отправился в указанном направлении, нимало не беспокоясь о том, что голос не сообщил ему ни имени, ни фамилии того, кто так жаждет встречи с ним. Как-то в одной из чайных, где Уеда отдыхал после утомительного путешествия, хозяйка вдруг спросила его, кто он такой и куда держит путь.

— Я — санива, — ответил молодой путник.

— Какая удача! — воскликнула вдруг женщина. — Моя мама, проповедница учения бога Кондзина, не раз говорила нам, что давно уже ожидает святого посланника с востока. Мы даже специально открыли здесь эту чайную в надежде, что он когда-нибудь здесь остановится. Умоляю вас, пойдемте со мной — я вас познакомлю со своей мамой.

Глядя на этих двух совершенно не похожих друг на друга людей, трудно было даже предста-

вить себе, что же могло быть у них общего. Крошечная старая Нао Дегути была замкнутая по натуре, аскетичная и простодушная женщина, которая никогда в жизни не подстригала волосы, не знавшие к тому же, что такое расческа. Она ненавидела шелковые изделия, табак, животную пищу и все западное. Кисабуро Уеда был весьма общителен, ничуть не чурался удовольствий жизни и был себе на уме. Одевался щеголевато, причем сам придумывал фантастические фасоны, преимущественно из ярко-красного крепа. Нао старалась быть в тени, отличаясь простотой и скромностью, в то время как Уеда просто жаждал быть в центре внимания, словно красный цветок, выделяясь артистизмом и предприимчивостью. Интересно, что в соответствии с составленной позднее агиографией Омото-кё Нао характеризовалась как «женщина с мужским характером», а Уеда, наоборот, — как «мужчина с женским характером». (Это действительно подтвердилось позднее, когда стало ясно, что он не видит для себя никакой другой цели, кроме как быть во всем безоговорочным лидером.) Несмотря на то что они казались явными антиподами, всем и каждому вскоре стало совершенно очевидно, что встретились две неординарные личности. И как часто бывает в подобных случаях, они решили объединить свои усилия в поиске и проповедовании духовных истин. Уеда переехал в Айабе, где женился на шестнадцатилетней дочери Нао Суми (родившейся, когда ее матери было сорок семь лет), взяв при этом имя Онисабуро Дегути. У Онисабуро и Суми было восемь детей; два сына умерли в раннем детстве, одна дочь, когда ей было шестнадцать, а пять остальных

дочерей благополучно вышли замуж за представителей клана Дегути.

Активность Онисабуро не давала покоя не только ему, но и теперь уже его новым родственникам. Наполеоновские планы Онисабуро ставили в тупик и смущали темных, необразованных домочадцев и саму Нао (он даже дошел до «такой наглости», что решил было лично проверить и сертифицировать степень одухотворенности своей тещи). Дело в том, что он считал ее экстремальной фундаменталисткой — Нао не приветствовала образование, посещение детьми школ, не признавала канджи (иероглифическую грамоту), считая все это «дьявольскими соблазнами». Она, несмотря на предупреждения о штрафе и даже аресте со стороны служб здравоохранения и правопорядка, запрещала делать прививки своим внукам, ссылаясь при этом на то, что сыворотка для вакцины берется от животных и все это «придумали буржуи проклятые». (Пришлось зятю раскошевливаться за такие вот тецины выкрутасы.) Во время же русско-японской войны Нао вообще оплошала, предсказав поражение японцам. Короче говоря, медленно, но верно лидерство в идеологии течения переходило к Онисабуро. Даже несмотря на происки коварного оппонента — временное изгнание молодого претендента на роль гуру из состава религиозной братии по якобы настоятельно-му требованию свыше, полученному Нао после «полета» к пещере; распространение слухов о его несостоятельности как в духовном, так и в материальном отношении и преследовании его кредиторами и тому подобные козни и гнусные инсинуации. Нао умерла в 1918 году в возрасте восьмидесяти двух лет, пребывая последние дни жизни в

состоянии глубокой депрессии и повторяя только: «Бедные, бедные рабочие! Бедные, бедные солдаты!» После смерти Нао Онисабуро окончательно и бесповоротно стал священным гуру духовного течения, и его абсолютное лидерство уже ни у кого не вызывало никакого сомнения. Номинальное же лидерство в Омото-кё перешло к дочери Нао Суми Дегути — жене Онисабуро.

Онисабуро, по сравнению со множеством примитивных религиозных чудаков, убогих странников, лжемессий и хитроумных авантюристов-пророков, которых в те годы в Японии было пруд пруди, конечно же, был выдающейся и неординарной личностью. Он был умен и образован, талантлив и умел в плане антрепренерства. Он написал более 600 тысяч стихов и множество книг, включая гениальное творение «Рэйки Моногатари» («Сказки духовного мира») объемом в восемьдесят один том. В этой изумительной по своей художественной ценности работе автор более чем на четырехстах страницах подробно описывает свое фантастическое космическое путешествие в прошлое, настоящее и будущее. При этом в книге нашлось место и для чисто светских советов — например, какой должна быть высота кровати («менее трех футов, если вы, конечно же, не император»), или чисто гигиенические правила («мужчина вовсе не имеет привилегии входить в баню первым, все зависит от того, кто грязнее — он или женщина»), а также пожелания молодоженам («не следует постоянно уступать друг другу во всем, ибо поддержание должного порядка при домостроев требует и спорных решений»).

(Большая часть материала книги «Рэйки Моногатари» перекликается с исследованиями шведс-

кого мистика восемнадцатого столетия Эмануэля Сведенборга. Этот гениальный ученый и изобретатель, в трудах которого подробно рассмотрены устройства аэропланов и субмарин, в возрасте пятидесяти пяти лет впервые вдруг узрел лиц Христа и все последующие двадцать семь лет жизни совершил невероятные космические путешествия. Бытует даже мнение, что Сведенборг одну половину своей жизни провел на нашей грешной земле, занимаясь наукой и изобретательством, а другую — на небесах, в беседах с ангелами и другими духовными созданиями. В своих дневниках он даже пишет, что якобы имел там и возлюбленных. Онисабуро был хорошо знаком с творениями своего предшественника, так как некоторые из книг Сведенборга были переведены на японский Д. Т. Сузуки еще в начале столетия.)

Онисабуро любил музыку, исполнял народные песни и лирические баллады, вальсы и танго, церковные хоралы. Он также пробовал себя в театральной деятельности, в кино, как музыкант и скульптор, однако наиболее ярко его талант проявился все же в литературно-сочинительской деятельности, изобразительном искусстве и гончарном деле. Как бы ни относились к его идеям и манере живописи, совершенно очевидно, что Онисабуро был, несомненно, величайшим мастером Восточно-Азиатского региона. Его произведения в стиле свободного письма поражают жизненностью образов и характеров, а яркие керамические изделия в мелодраматическом концептуальном стиле по праву относятся специалистами к категории национальных сокровищ.

Онисабуро был прекрасным духовным наставником, научившим тысячи страждущих утеше-

ния в нашем бренном мире технике медитации тинкон-кисин. Если Нао и ее ближайшие последователи исповедовали неистовствующие формы религиозного экстаза, сопровождаемого дикими и неестественными жестами и воплями, то Онисабуро предпочитал куда более спокойные медитативные способы общения с богами. «Молящийся должен быть естествен и сосредоточен», — учил он. Его пророчества были выдержаны в лучших традициях дуализма и деконкретики, что не позволяло их опровергнуть с учетом текущего момента и обеспечивало их жизнеспособность во временном континууме. Так, например, относительно низвержения духовных ценностей во славу золотого тельца он говорил: «Придут времена, когда японцы переплавят священные колокола храмов и статуи Будды в пушки, пятнадцатилетние юноши найдут свою гибель на полях сражений и наступят всеобщая скорбь и тяжкие страдания». Нетрудно понять, что сия мрачная атмосфера соответствовала войне, на грани которой Япония и находилась в начале века. Вторая мировая война полностью подтвердила пророчества Онисабуро. Как и всякий харизматический лидер, он обладал и даром излечения психосоматических недугов. Будучи великолепным психологом и мастером читать чужие мысли, Онисабуро не раз поражал наивных скептиков своими возможностями ясновидения, угадывая, например, сколько денег лежит у того или иного человека в кармане. Несгибаемый оптимист, он всегда с юмором переживал многие жизненные неурядицы, способные сломать любого простого смертного. Так, он не раз сообщал своим ближайшим соратникам, что силу духа он приобрел, будучи в семидневном трансе

на горе Такакуса, где претерпел «убийство, разрушение пополам, замораживание в льдину, разрывание на мелкие кусочки, сгорание дотла и захоронение заживо». Что в нашем бренном мире может беспокоить хоть как-то человека, пережившего все это в духовном состоянии!

Сам же он считал себя очередной реинкарнацией некоего бога синто Сусаноо-но-микото, обладающего репутацией этакого проказника и обреченного на вечные неприятности за свои прежние проделки.

Все это искусно пополнялось его магически завораживающим внешним видом, состоящим из блестательного кимоно и цветастой шаманской шляпы, прикрывавшей пышную гризу волос, и, конечно же, свитой прекрасных поклонниц-гейш. Чем не образ неотразимого, впечатляющего и безоговорочного лидера-гуру? На первых порах новая религия привлекала, главным образом, интеллектуалов того времени, аристократов, правительственные деятелей и военных, а отнюдь не простой народ, хотя тому жилось ой как несладко. Одним из первых новообращенных Онисабуро, серьезно увлекшихся его учением, был известный профессор лингвистики Васабуро Асано, переводчик бессмертных творений Шекспира на японский язык. Естественно, что пример столь выдающихся людей не может не остаться незамеченным и не заражать энтузиазмом остальных, старающихся ему подражать. Период с 1919 по 1921 год можно с уверенностью окрестить как «золотой век Омото-кё». Несколько миллионов людей влились в ряды течения, и еще миллионы увлеченно читали и слушали многочисленные публикации и проповеди религиозного движения.

Даже в далекие глухие земли Хоккайдо, где в этот период проживал Морихеи, дошло божье слово, активно проповедуемое духовным лидером нового религиозного течения из Айабе. Сила его была настолько велика, что увлекла Морихеи, который по отъезду из Сиратаки отправился не прямо к постели больного отца в Танабе, а именно в Айабе, чтобы лично познакомиться с местным священным гуру.

Едва нога Морихеи ступила на святую землю железнодорожной станции Айабе, он тут же почувствовал, что вся окружающая атмосфера насквозь пропитана религиозно-духовной энергетикой. То, что он непосредственно увидел в самом духовном центре Омото-кё, поразило его до глубины души. Множество длинноволосых мужчин и женщин в цветастых кимоно и ниспадающих складками юбках суматошно перемещались по громадным холлам и вокруг священных водоемов, пространно рассуждая о реформировании мира и воцарении рая на земле. Ошеломленный и растерянный, Морихеи был подхвачен людским потоком и вынесен к Шатру Дракона. Здесь ему удалось найти более-менее укромное слабоосвещенное местечко, где он сел на какую-то скамью и принялся молиться и читать на память псалмы Сингон. Вдруг прямо перед ним возник призрак его отца, а вслед за ним из темноты появилась фигура человека, спросившего, что Морихеи сейчас видит.

«Отца, — печально ответил он. — Сильно постаревшего и чахлого». — «Ему хорошо, — спокойно сказал Онисабуро Морихеи, — пусть идет себе с миром».

Так и состоялась их первая встреча, после которой Морихеи, окончательно упоянный волшеб-

ной атмосферой Айабе, решил подольше тут задержаться, чтобы побеседовать с Онисабуро, познать истины учения Омото-кё и таинства методик медитации тинкон-кисин.

Когда же он в конце концов добрался-таки до Танабе, то был потрясен новостью о том, что его отец ушел с миром в мир иной, как и намекнул ему Онисабуро при их первой встрече. Ему передали и последние слова родителя к любимому сыну-непоседе: «Пусть ничто не мешает тебе идти выбранным жизненным путем».

МОРИХЕИ И ОМОТО-КЁ

В последующие несколько месяцев Морихеи всем своим видом напоминал окружающим сумасшедшего. Он ни с кем не разговаривал, а ночами уходил в горы, где как одержимый жонглировал своим мечом. В конце концов он заявил перепуганным насмерть домочадцам и близким, что собирается назад в Айабе, чтобы присоединиться к Омото-кё. В тот момент как раз об этом течении было сделано много публикаций весьма и весьма негативного толка. «Почему, скажи на милость, нужно покидать эту благодатную землю и приветливо относящихся к нам соседей? От добра добра не ищут», — пыталась удержать мужа Хатсу.

Но для Морихеи не было пути назад — то, что он задумал, требовало реализации. Весной 1920 года тридцатисемилетний Морихеи, его жена и двое детей, а также и престарелая матушка благополучно отправились в Айабе (непосредственно перед отъездом он получил некоторую сумму с трехгодичного страхового полиса).

Поселившись в небольшом домике вблизи главной святыни, Морихея начал активно участвовать во всех проектах Омото-кё, будь то строительные или сельскохозяйственные, а также, конечно же, и в различных религиозных службах, обрядах, празднествах, курсах по медитации, церемониях очищения, стараясь везде и во всем не уступать остальным членам общины. Он страстно и самозабвенно изучал основы и принципы учения Омото-кё, а после того как Онисабуро объяснил ему, что искусство — «мать, дающая жизнь любой религии», занялся каллиграфией и стихосложением.

Идеология Омото-кё базировалась на утверждении, что сельское хозяйство — основа основ нового мирового порядка, поэтому все члены общины проповедовали здоровый образ жизни и получение экологически чистых продуктов питания со своих фермерских угодий. В качестве удобрения применялся только очищенный компост, ибо скота в Айабе не держали, а использовать продукты жизнедеятельности человеческого организма для удобрения овощных культур, которые затем вносились в храм, богобоязненным членам коммуны даже и в голову не приходило.

Надо сказать, что занятие сельским хозяйством для Морихея было одним из любимейших увлечений на протяжении всей его жизни. Искоренив феодализм, многие бывшие самураи вновь почувствовали, что буддизм и сельское хозяйство отнюдь не противоречат друг другу, а, наоборот, являются двумя важнейшими занятиями, способствующими очищению и оживлению сознания. Морихея заказывал кузнецам самый что ни на есть тяжелый инвентарь, а мотыгой на поле работал с

таким остервенением и напряжением, как будто это был боевой меч.

Неся послушание в качестве заготовителя компоста, Морихея вставал в три часа утра и собирал оставшиеся на поле ботву и другие растения, проходя при этом значительные расстояния. Как-то он очистил целое поле от виноградных лоз, собрав огромную кучу вдоль дороги на Айабе. Случайно в этой куче запутался какой-то пешеход, однако увлеченный работой Морихея был настолько далеко от места событий, что услышал дикие вопли о помощи, лишь преодолев милю.

Вначале Морихея занимался боевыми искусствами в одиночку по вечерам, однако после того, как была сформирована боевая гвардия Омото-кё, Онисабуро попросил Морихея, чтобы тот начал заниматься с будущими бойцами, обучая их азам военного дела. Кроме того, Морихея охотно занимался и со всеми теми членами коммуны, кто хотел закалить свой характер. Так появилось первое додзё Морихея в Академии Уесиба.

Одной из первых в академию была принята дочь Онисабуро Наохи. Она часто вспоминала, что Морихея никогда не делал скидки для девушек, заставляя их выполнять те же задания и упражнения, что и мужчины. И хотя это было крайне тяжело, зато ни одна девушка не чувствовала себя ущемленной или униженной по отношению к представителям сильного пола. Морихея учил своих слушателей главным образом приемам самообороны, боевые удары мечом и копьем отрабатывал по-прежнему сам.

Нет необходимости говорить, что открытие первого тренировочного зала Морихеи в 1920 году

было самым памятным и наиболее счастливым событием с начала его жизни в Айабе. Тем более что затем его начали преследовать неудачи. В этом же году умерли от болезни один за другим с трехнедельным интервалом оба его сына — Такемори, которому было три года и который родился на Хоккайдо, и Кунихару, которому было всего шесть месяцев от роду и который появился на свет уже здесь, в Айабе. Ну и наконец 11 февраля 1921 года было совершено первое гонение на Омoto-кё.

В течение нескольких лет правительство страны с вниманием и тревогой отслеживало жизнедеятельность движения. Если Нао открыто критиковала имперское правление, то Онисабуро проявлял большую тактичность, сочиняя сатирические поэмы, которые явно никак не задевали честь и достоинство правительства Его Высочества (хотя, конечно, элемент насмешки имел место) и даже, более того, поддерживали его политику шовинистического национализма. (На самом деле Онисабуро тайно поддерживал связь с левыми радикалами, укрывая некоторых наиболее активных и преследуемых правительством членов у себя во владениях под эгидой Омoto-кё.) Антиkapиталистические нападки Онисабуро допускал лишь в отношении тех отдельных политических деятелей, которые явно подстрекали страну к разжиганию пожара войны. В 1895 году, после китайско-японской войны, Онисабуро писал: «Настоящая борьба — это не та, что ведется против иноземных врагов, а та, что ведется против внутренних душителей свободы, которые попирают права человека, ставят под угрозу мирное существование и разрушают нашу культуру на корню во имя

своих корыстных интересов». Сверхусердные последователи Омoto-кё усиленно муссировали слухи о том, что якобы и Нао и Онисабуро предрекают глобальную войну между Японией и всем остальным миром в весьма недалеком будущем, что повлечет за собой полнейшую перестройку социальной структуры страны; что на самом деле настоящим императором Японии надо считать не Таишо, обманным путем узурпировавшего дворец в Токио и власть в стране и практически уже недееспособного, а могучего духовного лидера, проживающего в провинциальном Айабе. А дальше, как водится, следовали призывы к поддержке новоиспеченного мессии — Онисабуро, который должен стать во главе всеобщего царства мира, любви и братства.

Не дремали и враги Онисабуро, распространяя еще более грязные сплетни: что Нао была похоронена как императрица, что главная резиденция Омoto-кё — прототип истинного императорского дворца, что именно там накапливаются оружие, провизия и финансовые ресурсы, что все уже готово к началу революции, что число сторонников ее постоянно увеличивается за счет подпольного воспитания членов в духе борьбы с властью, что множество подземных пещер и проходов изрезали страну, что там же где-то скрывают тела противников движения Омoto-кё и прочие сказки-страшилки, наслушавшись которых трудно было не начать погромы в офисах секты. Понятное дело, что обыски штаб-квартир Омoto-кё ничего из вышеперечисленного не подтвердили, однако, чтобы не ударить в грязь лицом, а заодно и в воспитательно-профилактических целях, Онисабуро и его нескольких наиболее приближенных сподвижни-

ков арестовали, «пришив» им статьи «За оскорбление Его Высочества» и «Нарушение Закона о печати». Ну а дальше, как говорится, все уже было делом техники. Онисабуро получил пять лет (он, правда, был довольно скоро отпущен под залог), судебные приставы быстренько и грамотно «раскулачили» имущество Омото-кё, и в некогда духовно бурном Айабе на пару лет наступила тишина и благодать. Морихеи ничего не оставалось, как заниматься фермерством, самообразованием и самосовершенствованием в боевых искусствах. В этот же период, а точнее, в июне 1921 года, у него родился последний и единственный выживший в дальнейшем ребенок — сын Кисомару. Бабушке Юки, матери Морихеи, недолго удалось понянчить малыша — она умерла в самом начале 1922 года.

В конце апреля 1922 года в Айабе со своей женой и десятилетним сыном приезжает Сокаку. Весьма трудно установить сейчас, произошло ли это по приглашению Морихеи или же явилось инициативой самого Сокаку. Но так или иначе, появление на горизонте такого задиристого и скандального субъекта пришлось явно не по вкусу Онисабуро. Впрочем, и сам Сокаку — «человек, пропитанный насквозь духом насилия и кровавой жестокости» — отнюдь не старался скрыть свою неприязнь к Омото-кё. Покантовавшись с полгода в условиях весьма недружелюбной и чужой для него атмосферы Айабе, Сокаку собрал вещички и благополучно покинул селение. Он потом еще несколько раз наведывался к Морихеи, однако постепенно их дружба угасала, ибо Морихеи выбрал для себя совершенно иной путь познания истины, нежели тот, по которому шел вели-

кий мастер Дайто Рю. После 1935 года они уже больше не встречались в этом мире. (В 1943 году вечный странник Сокаку в возрасте восьмидесяти четырех лет ушел из жизни.)

Ореол загадочности на протяжении всей жизни окружал одаренного во многих областях Онисабуро, поэтому нет ничего удивительного в том, что за ним прочно закрепилось два крайне противоположных мнения: спаситель мира и величайший шарлатан всех времен и народов. Многие отмечали необычайность и кажущуюся противоречивость натуры Онисабуро с ранних лет его жизни. «Никогда нельзя было определенно утверждать, кто перед вами — абсолютный гений или абсолютный дурак», — сия характеристика, выданная еще в детстве, сопровождала Онисабуро потом до самой гробовой доски. Несомненно, его вполне можно назвать последним донкихотом. Взять хотя бы такую строфу из одной его известнейшей поэмы:

На ужин из Солнца, Земли и Луны
Пирог я хочу замесить
И, звездною пылью посыпав его,
При свете свечи проглотить!

Очередной реинкарнационной заморочкой Онисабуро была идея о его предназначении наземным привратником некоего божества Мироку, а посему он должен незамедлительно совершить паломничество в Монголию по «великому пути приключений и опасностей»: «Второе пришествие Будды не за горами — надо помочь ему в создании царства небесного на Земле, царства мира и благополучия, нового золотого века».

ВЕЛИКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ ПУТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Японские националисты того времени спали и видели свою страну в центре «великой восточноазиатской зоны всеобщего благосостояния», отделенной колючей проволокой от остального мира, давно уже поделенного между «проклятыми европейцами и американцами». При этом их горящие алчным блеском и налитые кровью глаза то и дело косились в сторону обширных малонаселенных недоразвитых, но весьма богатых потенциальными ресурсами земель Маньчжурии и Монголии. Местное население было настолько бедно, невежественно и убого, что правящие им ненамного ушедшие вперед в своем развитии буддийские ламы, как говорится, что хотели, то и воротили. Поэтому японских освободителей, лишивших, в союзе с монгольскими патриотами, ненавистный Китай протектораторских замашек, встретили как богов, явившихся с небес не только для того, чтобы создать здесь независимое государство, но и научить своих «братьев и сестер», как им дальше жить и что делать.

Думается, вряд ли кого-то удивит тот факт, что в такой социальной атмосфере, возникшей на территории Северо-Восточной Азии, как грибы после дождя начали разрастаться и крепнуть многочисленные секретные общества и шпионские организации всех мастей и калибров, усиленно и плодотворно собирающие необходимую информацию для Токио. Среди них выделялось пресловутое и наиболее мощное Общество Черного Дракона (или, более точно, Общество Амур-реки), основателем которого являлся крайне правый активист и ма-

гистр военных наук Рехеи Уеда. Организовав свою контору с нуля в 1901 году, он добился того, что штабы организации медленно, но верно опутали не только министерские кабинеты, но и действующие военные штабы, расставив буквально повсюду прочные невидимые сети шпионской агентуры, провокаторов и наемных убийц.

Всему этому весьма и весьма способствовала социальная идеология японского общества. В отличие от европейцев и американцев, которые, мягко говоря, пренебрежительно-терпимо относились к тем, кто серьезно «играл в разведчиков-шпионов», у японцев в те годы господствовал менталитет «стукачества», а посему каждый уважающий себя гражданин Страны восходящего солнца считал своим патриотическим долгом разоблачать «врагов народа», не говоря уже о том, что служба в контрразведке считалась самой что ни на есть престижнейшей профессией. С невероятным рвением и самоотверженностью как гражданские лица, так и военные, как аристократы, так и простолюдины готовы были бросить все и по заданию родины отправиться в самые глубокие вражеские тылы для сбора по малым крупицам информации, которая могла бы быть полезна для борьбы с пресловутым Западом. Все они не задумываясь нанимались на любые работы — грузчиками, носильщиками, рикшами, служителями гостиниц и забегаловок, мальчиками на побегушках, проститутками, инструкторами по джиу-джитсу, буддийскими монахами, перекрестившимися в ислам или христианство, и прочими — главное, чтобы добыть как можно больше секретных данных о враге. Так, один западный офицер, служивший в то время в Маньчжурии, писал в своих мемуарах, что

японские шпионы в своем умении внедряться дошли до такой степени маскировки, что в них было крайне трудно угадать не только расовые отличия и возраст, но даже и пол, не говоря уже о способностях и профессиональных навыках.

Известен такой полуанекдотичный случай, когда у одного иностранного дипломата в качестве поварихи в течение пяти лет, до момента разоблачения, работал капитан императорской армии, переодетый женщиной. Потом тот дипломат долго сокрушался, что потерял такого искусного повара, готовившего на изумление вкусно. Воистину можно было практически со стопроцентной вероятностью считать всякого японца, находившегося в то время в Китае, шпионом.

Хитрый и скользкий по натуре Йутаро Йано, отставной морской капитан и активный поставщик контрабандного оружия, непосредственно связанный с Обществом Черного Дракона, пригласил Онисабуро в Монголию, с надеждой полагая, что харизматический религиозный лидер сможет духовно и морально подготовить местное население для того, чтобы оно на ура приняло угодное японским военачальникам правительство. (Впоследствии, правда, Йано и Онисабуро разошлись во взглядах. Судьба самого Йано сложилась трагически: по правительльному обвинению он был заключен в тюрьму, где вскоре умер, хотя многие утверждают, что его просто отравили.)

Онисабуро давно уже мечтал стать всемирным духовным лидером, не ограничиваясь рамками маленькой Японии. В этой связи он активно способствовал пропагандированию эсперанто и латинизированного японского языка как универсальных в своем будущем «всемирного царства». Они-

сабуро активно искал сподвижников по всему миру (в частности, он наладил контакты с деятелями религиозного течения Бахай*), которые разделяли его взгляды на создание международного правительства и универсальной всеобщей религии. Он широко проповедовал идеи Сведенборга относительно того, что Новый Иерусалим должен спуститься с небес на нашу грешную землю. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Онисабуро воспринял приглашение Йано как некий знак свыше, повелевающий начать формирование будущих границ земного рая Шамбалы из территорий Китая, Маньчжурии, Монголии, Тибета, Сибири, России и Индии. (Согласно учению Сведенборга, «великий Тартар» должен находиться на Востоке, поэтому для жившему на Западе Онисабуро для того, чтобы представить себе, как выглядит Шамбара, необходимо было отправиться в Чикаго. В 1909 году архитектор Дэниел Бэрнэм, автор хорошо известного проекта Белого Города, послужившего местом проведения в 1893 году Всемирной ярмарки, представил на рассмотрение план-проект Чикаго, который с удивительной точностью повторял описанный Сведенборгом план Небеснограда в его книге «Небеса, чудеса и ад».)

В начале февраля 1924 года Онисабуро со строго конфиденциальным заданием был тайно переброшен на территорию Китая. В этом вояже его сопровождал юрист Матсумура (как же могло новое правительство обойтись без законного установления своего статуса!), англоговорящий парикмахер по

* Вера Бахай провозглашает единство истоков всех религий, гармонию науки и религии, равенство мужчин и женщин, самостоятельный поиск истины.

имени Нада (спаситель мира должен быть всегда опрятен и иметь возможность вести беседы с представителями влиятельных кругов Запада), телохранитель-универсал Морихеи (будущий главнокомандующий интернациональной армии), а также импресарио Йано. Соблюдая все правила маскировки и конспирации, группа незаметно миновала транзитом Корею, которая в то время была оккупирована японцами, и добралась благополучно до Фентигана (нынешнего Шенъянга). Здесь их встретили агенты Общества Черного Дракона с целью передачи дальнейших инструкций. Вряд ли нужно особо напоминать о том, что положение в этом регионе в те годы было весьма напряженное и неопределенное. Молодая Китайская Республика, которой был всего год от роду, уже по уши погрязла в болоте междуусобных войн и бандитских разборок за раздел сфер влияния. Дислоцированная поблизости японская армия находилась в состоянии повышенной боевой готовности и могла в любой момент вторгнуться на территорию Маньчжурии, а находящаяся на границе Монголии Советская Красная Армия также была настроена на адекватные действия. Иными словами, Маньчжурия напоминала этакий криминально-шпионский содом и гоморру, где коррупция, убийства, торговля оружием, наркотиками, людьми и двойная, а то и тройная перепродажа развединформации расцветали буйным цветом в специфической атмосфере пестрой социальной структуры махинаторов, спекулянтов, проходимцев, мародеров, бандитов и прочей публики подобного пошиба.

Йано не раз был в деле и пользовался доверием одного из известнейших местных авторитетов Лу Чан-кё, в подчинении которого была солидная группировка, благодаря чему он получил кличку

Тигр Маньчжурии. Японский друг не раз уговаривал Лу объединить свои силы с Чанг Тсолинем, известнейшим военачальником, подразделения которого базировались тут же, чтобы вместе поднять мятеж против республиканского правительства, требуя создания Маньчжурско-Монгольской Автономии. (Чанг был убит в июне 1928 года во время столкновений с Квантунской армией, что во многом ускорило начало войны в Азии.) «Мы поможем тебе материально, — уговаривал бандита Йано, — а Онисабуро — духовно, вправив мозги народу в нужном направлении».

Сам факт встречи Лу и Онисабуро вполне соответствовал плану миссии духовного лидера Омото-кё, которому, в соответствии с таковым, надлежало идеологически возглавить Армию Спасения Монголии. Так как японская религия синто не очень-то подходила к местным условиям, Онисабуро начал проповедовать более приемлемый здесь Омото-буддизм. Провозгласив себя Майтрея инкарнации да-лай-ламы (в пику Авалокитешвара инкарнации да-лай-ламы Тибета), он назначил Матсумуру панчен-ламой. Остальные члены группы также получили соответствующие китайские титулы. Так, Морихеи стал Банг Шоу-као — Король-покровитель.

Суеверный и твердолобый Лу не очень-то вписывался в создаваемую иерархическую структуру, но был просто без ума от Онисабуро — великий физиономист и мистификатор, обладающий даром предсказания, запудрил темному Лу мозги, поделившись с ним «тайными секретами» своего великого предназначения и показав, что обладает не только положенными для такого случая тридцатью тремя специфическими знаками помазания самого Будды, но и еще имеет на спине звездообразный символ-отметину и

стигмату на пятне. Лу съято поверил в мессию Онисабуро, способного привести мир в земли обетованные. Бедняга так и не понял, что его просто используют в своих корыстных интересах такие, как Чанг, а посему сложил свою голову с твердой верой в будущее царства небесного, не став, таким образом, как и предполагал хитрый и коварный Чанг, конкурентом в борьбе за место под солнцем.

Вообще-то говоря, сам Онисабуро весьма неохотно шел на сотрудничество с бандитом Лу, ибо идеология Омото-кё подразумевала отсутствие насилия и жестокости, однако Йано упорно доказывал новоиспеченному далай-ламе, что его криминальный дружок — не кто иной, как маньчжурский Робин Гуд. Злополучная экспедиция в начале марта взяла курс на Монголию. Лу раздобыл два автомобиля, что по тем временам было весьма не просто. Впрочем, как показало будущее, процесия куда быстрее передвигалась пешим ходом — каменистые дороги, грязь и лед отнюдь не способствовали комфортному перемещению на автомобиле. Сорванным и развалившимся на куски стеклоочистителем здорово поранил лицо один из водителей. Терпя многочисленные задержки из-за ремонта средств передвижения, с лихвой испытав на своей шкуре все мыслимые и немыслимые катаклизмы капризной погоды этих мест, голод, постоянные разборки с местными коллегами Лу, а также с полицией и военными патрулями, то и дело отстреливаясь от диких собак, изможденная до невозможности экспедиция прибыла наконец-то в приграничный Таонан. Сделав небольшой привал для отдыха и консультаций с представителями действующей здесь агентурной сети японской разведки, группа благополучно направилась в Монголию, в тамошнюю мекку Уланхор.

Это был древний центр тантрик-буддизма, где Онисабуро и должен был развернуться вовсю, проповедуя свою новоиспеченную зажигающе-проникновенную религию. Его вход в святой город был организован в лучшем религиозно-ритуальном стиле. Величественно восседая на белоснежном коне, он сразу же поразил окружающих своей манерой выполнять молебно-ритуальные манипуляции. (Онисабуро имел склонность к изучению языков и умел бегло говорить по-монгольски, так что произнести проникновенную проповедь для местной публики не составляло для него особого труда.) Вдобавок он был прекрасным психологом и физиономистом, отлично разбирался в медицине и ветеринарии, хотя местное население и скот не особо страдали от заболеваний.

Заранее был распущен и слух о том, что сам он якобы монгол по национальности, а не японец, просто в возрасте шести лет оказался в Японии и вот теперь благополучно возвратился на родину; что он — второй Чингисхан, который приведет несчастных своих земляков к победе над поработителями и поможет создать независимое государство.

Онисабуро был буквально очарован бесконечными просторами монгольских ландшафтов. Посетив предгорья Большого Хингана, он вдохновенно написал:

Когда холодным серебристым покрывалом
Лунный свет
Укутает бескрайние монгольские равнины,
Я не решусь вам однозначный дать ответ,
Где небо, где земля, где горы, где долины...

А когда Онисабуро увидел бесстыднейшую коррупцию местных монгольских лам и так называемых живых будд, он был просто в ужасе и окрестил всю эту братию бандой бесстыжих, жадных, прожорливых и развратных самозванцев-шарлатанов.

Морихеи, находясь здесь, с удовольствием демонстрировал свои способности в технике тинконкисин, а также давал уроки целебного массажа по японским методикам. Вначале, правда, местные забияки смеялись над маленьким ростом Короля — покровителя воинства Онисабуро, однако когда большинство из них испытали на своей шкуре мощь его ударов по болевым точкам, от которых они надолго выходили из строя, насмешки быстро сменились на шепот уважения. Его даже окрестили чародеем и магом боевых искусств. Наиболее достойным он давал общие познавательные инструкции по боевым искусствам (впрочем, многие потом роптали: что может джиу-джитсу против пули?).

Вероятно, он должен был не раз склестнуться с китайскими боксерами, однако история умалчивает о подобного рода поединках. Хотя Онисабуро и Морихеи без особых проблем завоевали должный авторитет среди рядовой публики, скептики из кругов военного начальства хотели получить более весомые доказательства всемогущества и божественности великого ламы, прежде чем довериться ему всецело и безоговорочно, как это сделал простак Лу.

Для проверки возможностей далай-ламы и панчен-ламы им было предложено вызвать грозу, ибо считалось, что для любого живого будды сделать это — раз плюнуть. На подготовку была

дана неделя. В назначенный день на месте предполагаемого явления чуда собралась солидная толпа зевак. На чистом голубом монгольском небе не было ни облачка. Матсумура начал усиленно молиться, и вскоре неизвестно откуда на небе появились тучи, прогремел гром и хлынул дождь. Находившийся здесь же фотограф печально посетовал, что не сможет при такой погоде сделать качественные снимки. Тогда за дело взялся Онисабуро. Он вышел в самый центр грозового пространства, поднял руки к небу и громогласно произнес молитву. Ветер стих, небо прояснилось, выпало солнышко, и фотограф с радостью принялся за работу.

Впрочем, это представление, хотя и было весьма впечатляющим для окружающих, ни в коей мере не впечатлило военачальников, и Лу со своей командой оставались пока единственной опорой группы. Когда китайские войска и их союзники-бандиты начали серьезно теснить группировку Онисабуро, Лу предложил сменить дислокацию на более безопасную — в южную часть страны, в городок Пайнитала (сейчас это Тунглиао). Онисабуро, узнав о «повелении свыше», предупредил Лу об опасности подобного маневра. На это Лу ответил: «Если на нас нападут, то Ваше Святейшество сможет вызвать наводнение и потопить всех наших врагов».

Не имея никакой альтернативы, группа все же была вынуждена отправиться в Пайнитала. Попадая несколько раз в засады, устроенные бандитами на пути следования группы, Морихеи бесстрашно противостоял врагу, используя все свои способности владения боевыми искусствами — как с применением оружия, так и в рукопашной

схватке. Честно говоря, одному богу известно, как группе удалось практически без потерь добраться до ворот городка. Однако, ко всеобщему разочарованию японцев, местные власти приказали всех арестовать и конфисковать их имущество (в том числе платиновые часы Онисабуро, его бесценный японский меч и маленький золотой амулет). Впрочем, они все были также неожиданно освобождены из-под стражи и размещены в самой лучшей гостинице городка.

Лу и его соратники также были арестованы и затем отпущены и теперь пили и гуляли на всю катушку вместе с остальными членами миссионерской экспедиции. Всем приготовили баню и бассейн, дали возможность помыться, побриться и постричься. Для полноты сего праздника души на ужин при свечах пригласили женщин. Среди всеобщего веселья только два человека выглядели мрачными — Онисабуро и Лу, ибо только они, наверное, знали, что по старому китайскому обычью пленникам перед казнью дают возможность именно таким вот образом напоследок насладиться прелестями жизни.

События следующего дня начали развиваться по сценарию, который явно подтверждал самые худшие предположения. Рано утром японцев разбудили вооруженные до зубов китайские солдаты и каждого заковали в наручники и ножные кандалы. После чего под усиленной охраной не спеша повели к месту расстрела через окопы, заполненные доверху трупами казненных. С философским спокойствием, присущим настоящему духовному лидеру, Онисабуро описывал этот момент из истории экспедиции, для которой судьба уже не раз посыпала испытания:

Сто тридцать семь душ провожал к алтарю
Венчанья с наядами райских садов,
Как ангелов сонм, предваряя зарю,
Конвой вооруженных коварных врагов...

«Не сомневайтесь ни на минуту, что после нашей гибели я позабочусь о том, чтобы все наши души оказались в раю», — духовно наставлял своих товарищей по несчастью Онисабуро. При этом совершеннейшее непротивление злу и покорное ожидание своей участи со стороны такого бесстрашного воина, привыкшего побеждать врагов в поединках, как Морихеи, явилось наилучшим примером безоговорочного подчинения своему гуру, наилучшим примером для подражания всем остальным. Несомненно, что дух японцев укреплялся и от таких вот патриотических стихов, сложенных Онисабуро в тех критических условиях:

Врагам нас на чужбине не сломить —
Во имя дел святых не жаль и жизни,
Важнее память в сердце сохранить
О тех, кто предан был отчине...

На самом деле, как стало понятно из последующих событий, китайцы вовсе не собирались расстреливать японскую миссионерскую экспедицию. Скорее всего, они просто решили таким вот варварским способом проверить их дух на прочность. Что ж, можно вполне уверенно сказать, что Онисабуро и его товарищи с честью выдержали испытание. По крайней мере, в соответствии с летописью Омото-кё, никто из пленников не попросил у своих палачей пощады и смело смотрел смерти в лицо до самого последнего момента, когда отмена

приговора благополучно завершила этот гнусный по своей сути спектакль, в течение которого китайцы даже успели разыграть пресловутую сцену «неожиданной неисправности орудия казни». Китайцы, конечно же, прекрасно понимали, что расстрел группы японских граждан вызовет не только крайне негативную реакцию правительства Страны восходящего солнца, но и спровоцирует вооруженный конфликт между странами, ибо японская армия только и ждала малейшего повода, чтобы вторгнуться на сопредельную территорию. При этом никто даже и не посмотрел бы на то, что большинство находящихся в плenу граждан — бандиты, причем во главе с далеко не пользующимся уважением у себя на родине религиозным деятелем. Таким образом, китайцам не оставалось ничего другого, кроме как департировать группу Онисабуро. Что, собственно, и произошло в конце июля 1924 года, когда экспедиция возвратилась в Японию в сопровождении военного эскорта.

Там Онисабуро припомнили его прежние грехи трехлетней давности и благополучно вновь отправили на нары, где он, впрочем, не долго проваллялся, ибо в ноябре этого же года, как и тогда, был отпущен под залог. Нельзя сказать, что Онисабуро сильно опечалился по поводу провала его миссии по «утверждению царства небесного на земле». Да и его объяснения неудачи также были довольно незамысловаты: «Просто звезды не так расположились, и не более того». Морихеи же было весьма не по душе то, что лидер Омото-кё откровенно используется различными политическими фракциями для достижения их меркантильных интересов.

И вообще, пройдя великим монгольским путем приключений, Морихеи сильно изменился и стал по-иному смотреть на вопросы жизни и смерти:

Когда мы приблизились к Пайнитала, то попали неожиданно в засаду в небольшой долине. Враги начали обстреливать нас с такой интенсивностью, что казалось, будто с небес пошел свинцовый дождь. Удивительным образом я вдруг начал ясно понимать, что могу предвидеть полет пули, что позволяло мне всегда в нужный момент уворачиваться. Древние мастера единоборств называли способность предвидеть направление атаки соперника предчувствием. Для чистого, просветленного и обладающего ясной целью сознания такая способность является характерной, а посему я посчитал, что ко мне пришло то самое вожделенное чувство айки.

Морихеи за время похода по Монголии несколько раз участвовал в духовно-мистических опытах с Онисабуро во время молитвенных процедур и очистительных ритуалов, в процессе которых он чувствовал, что боги говорят непосредственно с ним.

ПРОСВЕЩЕНИЕ МОРИХЕИ

Несмотря на то что опыт, полученный Морихеи в Монголии, заставил его кардинально пересмотреть свое поведение в сфере социальных взаимоотношений в плане более внимательного и тактичного обращения с окружающими, это отнюдь не означало, что мастер боевых искусств начал вдруг проводить свои занятия вполсилы и с деревянны-

ми мечами. Внешне его жизнь мало изменилась — он по-прежнему проводил много времени в уединении в горах Кумано, совершил продолжительные молитвенные службы и обряды очищения в водопадах Начи и совершенствовался в технике боевых искусств. Тем не менее основной упор в поиске истин Морихея теперь делал на внутреннее самосовершенствование. Позже он не раз говорил своим ученикам: «До моего путешествия в Монголию я все свое внимание уделял совершенствованию физической силы и техники боя, в то время как после возвращения оттуда я усиленно начал искать духовные чувства, присущие буддизму».

По возвращении в Айабе Морихея еще более углубился в духовное самосовершенствование — его жена каждое утро просыпалась, вздрогивая от жутких свистящих звуков рассекающего воздух грозного меча мужа, проводящего свои тренировки где-то в горах. (Наиболее рьяные последователи Омото-кё утверждали, что именно в это время Морихея экзаменовал в искусстве фехтования некий свирепый гремлин-тенгу.) Она также смирилась и с тем, что трава вокруг ее дома с самого утра уже была примята, будто бы какой-то громадный дикий зверь валялся и кувыркался на ней, а также и с тем кошмарным грохотом и стуком, которые то и дело сотрясали домашний алтарь.

Весной 1925 года сорокадвухлетний Морихея впервые понял, что обладает даром духовного прозрения. На протяжении всей жизни с ним происходили весьма неординарные события, однако более-менее адекватную оценку им он смог дать, лишь будучи в преклонном возрасте. Скорее всего, именно тогда и появилось следующее описание одного случая из его биографии:

Однажды некий морской офицер, прибывший в Айабе, решил вызвать Морихея на поединок по кэндо. Морихея согласился, но вышел без оружия. Весьма опытный боец, каковым считал себя офицер, до глубины души оскорбленный таким вот пренебрежительным к нему отношением, с яростью бросился на Морихея. Однако, к своему глубочайшему удивлению и разочарованию, понял, что его соперник и без всякого оружия легко уклоняется от постоянных ударов и уколов мечом. Признав свое поражение, офицер попросил Морихея открыть свой секрет. «Едва ты еще только собирался нанести свой удар, я уже заранее знал его направление, ибо яркие вспышки наподобие молний появлялись у меня перед глазами, что и позволяло мне без особого труда уклоняться», — простодушно объяснил ему Морихея.

После поединка Морихея отправился к колодцу, дабы умыться и освежиться. Однако, едва выйдя в сад, он вдруг как-то странно затрясся и упал на траву без движения. Земля под ним задрожала, и он целиком погрузился в сплошной поток ярчайшего света, струившегося откуда-то с небес. Золотистый туман поглотил его, создавая, по его словам, ощущение полного растворения в нем и постепенного превращения в такую золотую статую. При этом внутреннее состояние было таким, что могущие космические силы создали полное душевное очищение и абсолютное совершенство сознания. «Я начинал явно ощущать свое единение со Вселенной. Мне были открыты тайны сотворения мира, путь, по которому должен идти настоящий воин — поборник святой любви; я понял, что существует дух, охватывающий и питаящий все и вся. Я ясно осознал, что все во Вселенной взаимосвязано, ибо смог пронизать ее всю вдоль и поперек, имея возможность прикоснуться к планетам и звездам. Слезы гордости, умиления и бесконечной благодарности Творцу щедро омывали мое лицо».

Думается, совершенно не важно, что вышеописанное описание пережитого Морихеи опыта духовного просветления представлено в виде некоего обзорно-кульминационного итога долгого жизненного пути этого неординарного человека, сумевшего гармонично соединить природные таланты с упорным трудом в достижении поставленной цели. Главное, чтобы у читателя сложилось правильное представление о том, что великим непобедимым воином, обладающим сверхъестественными способностями, Морихеи стал считаться именно после того, как окончательно убедился в своем просветлении.

ИЗУМИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МОРИХЕИ

Последователи Омото-кё клялись всеми святыми, что после просветления Морихеи они не раз видели необычное свечение, исходящее от тела великого учителя, что он мог преодолевать одним прыжком грандиозные расстояния, уклоняясь от нападения, ворочал невероятной тяжести валуны. Кроме того, для него не существовало соперника, которого он не смог бы победить, не было придумано оружия, противостоять которому он был бы не в силах.

Понятное дело, что столь неординарные возможности человека не могли оставаться не замеченными широкой публикой. В его додзё в Айабе тренировались многие бойцы и еще больше таковых то и дело прибывало даже из Токио, чтобы лично убедиться в способностях «мастера номер один всей Японии», вызывая его на состязания по боевым

искусствам. Когда Шутаро Нишимура, устраивающее могучий капитан известного клуба дзюдо университета Васеда, услышал, что сам Онисабуро представил ему Морихеи величайшим мастером боевых искусств современности, то с удивлением подумал, что гуру пошутил: «Как можно считать этого неотесанного провинциального мужичка средних лет сильнейшим бойцом Японии?» Впрочем, он вскоре сам имел возможность убедиться лично в технических способностях Морихеи, вызвав того на поединок. Пытаясь сразу же получить преимущество, он резко пошел на «провинциального мужичка», чтобы использовать прием «захват», однако буквально через какие-то секунды, даже не поняв как, оказался вдруг на ковре. Резко вскочив на ноги, он увидел прямо перед своим лицом полоску бумаги в руках Морихеи. «Поймай, если сможешь», — предложил тот своему могучему сопернику и начал играть полоской. Нишимура не только не смог схватить проклятую полоску, но и постоянно оказывался на матах. При этом ловкий Морихеи лишь посмеивался над нездачливым самонадеянным мастером дзюдо, который только и думал о том, является ли такой вот вид борьбы боевым, если один соперник с улыбкой на лице укладывает на ковер другого?

Во время интенсивных тренировочных занятий в глухих лесах Нишимура и еще несколько учеников жили вместе с Морихеи в небольшом шалаше. Никто из них не мог точно сказать, когда Морихеи спит, а когда бодрствует, ибо даже ночью, приближаясь к его постели, они видели его глаза открытыми. Тем не менее он всегда выглядел бодрым и веселым. Не имея никакой связи с внешним миром, Морихеи мог совершенно точно предсказы-

вать некоторые события из ближайшего будущего. Например, если он вдруг говорил, что некто через полчаса будет в их лагере, то можно было ничуть не сомневаться, что через тридцать минут этот самый некто будет уже сидеть возле их костра. Как-то раз Нишимура атаковал Морихеи толстым деревянным мечом, стараясь изо всех сил нанести мощнейший удар. Морихеи же полуспутя едва уловимым движением сломал меч пополам.

Изумительные технические возможности Морихеи, а также его учеников, в частности девушек, легко и непринужденно обращающихся в позорное бегство пристающих к ним пьяниц и насильников, стали известны в конце 1925 года выдающиеся адмиралу того времени Изаму Такасите, который решил поддержать Морихеи и приступил к этому с большим энтузиазмом. Он организовал для великого мастера специальное представление в Токио, на которое были приглашены избранные и влиятельные особы. Морихеи продемонстрировал собравшимся главным образом технику владения копьем, и, когда его спросили, сторонником какой школы он является, тот просто ответил: «Естественной и независимой».

Один из зрителей вдруг встал и сказал: «Говорят, что когда-то давно некий мастер по имени Генба Таварабаси мог с помощью своего копья перебросать с невероятной быстротой двадцать мешков риса. Можешь ли ты, мастер, продемонстрировать нам нечто подобное?»

Двадцать 125-фунтовых* мешков с рисом были подготовлены для показательного представления

и сложены в саду (представление Морихеи давал в каком-то частном особняке). Мешки разделили на две кучи, в одной из них мешки лежали лицевой стороной на восток, а в другой — на запад. Морихеи поддавал, поднимал и перебрасывал в дальний угол сада поочередно каждый мешок из обеих куч. В итоге через весьма короткое время там образовались две симметрично сложенные кучи мешков — в одной они лежали лицевой стороной на запад, а в другой — на восток. При этом на траву не упало ни единого зернышка.

Узнав о столь впечатляющем представлении, Йамamoto, будущий премьер-министр, потребовал, чтобы Морихеи провел двадцатидневный курс занятий во дворце Аойама с членами императорской семьи и их охраной. Первую неделю занятия проходили гладко, однако затем некоторым политическим деятелям явно пришло не по душе то, что какой-то там мужлан общается с императорскими особами, и они открыто выразили свое недовольство занятиями. Хотя Йамamoto и ряд других высокопоставленных особ поручились за Морихеи, он был настолько раздражен инсююциями в его адрес, что прекратил всякие занятия и, откровенно негодуя, заявил: «Я возвращаюсь в Айабе, где буду заниматься фермерством».

Морихеи вернулся в Айабе, однако весной 1926 года адмирал Такасита вновь пригласил его в Токио, заверив при этом, что больше недоразумений не возникнет. Морихеи согласился без особого энтузиазма, ибо не был полностью уверен в обещанном. Прибыв в столицу, он остановился у промышленного магната в районе Йотсуйя, а чуть

* Примерно по 60 кг.

позже перебрался в район Шинагава, к другому магнату, у которого имелось додзё.

Нельзя сказать, что в этот период жизни судьба уготовила ему блаженное существование. Однажды он потерял сознание после интенсивной тренировки и едва не отправился к практикам. Бу́дучи в бессознательном состоянии, он имел некое видение: прекрасная, одетая в радугоподобный наряд девушка восседала на небесной черепахе. Морихеи истолковал сие видение как благоприятный знак духовной благосклонности к нему.

Доктора же считали иначе, фактически поставив на пациенте крест, ибо находили у него рак желудка. Его организм был крайне истощен, и у него открылись язвы. Надо сказать, что у этого неординарного по своим физическим способностям человека оказалось весьма неважное здоровье, давшее о себе знать в этот и последующие периоды жизни. После этого случая он довольно часто жаловался на ненормальную деятельность желудочно-кишечного тракта и печени. Сам он объяснял это чрезмерным употреблением соленой воды во время занятий йогой в Айабе и суровыми условиями жизни во время монгольского похода, где он приобрел ряд хронических заболеваний.

Когда Онисабуро встретился с Морихеи в Токио, то был буквально ошеломлен его нездоровым, бледным видом, а посему настоятельно рекомендовал ему отправиться в Айабе, чтобы восстановить силы и здоровье. Однако сразу же после их встречи Морихеи отправился под конвоем двух полицейских в участок, где его начали допрашивать в отношении одного из учеников, являющегося якобы «ярым сторонником опасных для правительства и страны правых радикалов». Все дело

в том, что Онисабуро находился в тот период под бдительным надзором полиции. Естественно, что все вступающие с ним в контакт люди также попадали под колпак блюстителей правопорядка. Впрочем, Морихеи довольно скоро вернулся-таки в Айабе, так как в его деятельности невозможно было отыскать что-либо криминальное. А уж тем более политическое. «Я занимался со всеми, кто приходил ко мне в додзё, и ни у кого не спрашивал никаких документов. И совсем не интересовался их политическими убеждениями. Разве я был не прав и у вас есть ко мне какие-то претензии на этот счет, чтобы задерживать и допрашивать?» — был возмущен произволом Морихеи.

Полгода спустя Такасита и другие поручители и спонсоры Морихеи прибыли в Айабе опять. На этот раз, чтобы уговорить великого мастера переехать в Токио навсегда. Онисабуро также звал его к себе, дабы наконец-то воплотить в жизнь поставленные когда-то цели по спасению мира. Для него уже был приготовлен большой дом в районе Шиба Широгане, где могла бы удобно разместиться вся его семья. В октябре 1927 года Морихеи и все его домочадцы прибыли в Токио, однако по дороге у них пропали деньги, и им пришлось начинать жизнь в столице без единого гроша в кармане. Однако наблюдательные знакомые из его нового окружения быстро поняли проблемы Морихеи и обеспечили его семью всем необходимым на первое время — гордый учитель не привык жаловаться на свою судьбу. Не любил он и долго оставаться в долгур — через некоторое время его жена сполна рассчиталась с кредиторами. Вообще говоря, Морихеи был весьма непрактичным человеком, и члены его семьи то и дело

сталкивались с различного рода финансовыми проблемами. Достаточно сказать, что он все свое солидное наследство истратил на религиозно-духовные нужды и на изучение боевых искусств. Он мог запросто подарить бесценный меч едва знакомому человеку, восхитившемуся способностями мастера, или же легко отказаться от вознаграждения, если в данный момент не испытывал финансовых затруднений. Среди его учеников были многие весьма и весьма состоятельные люди, однако он никогда не выделял их как-либо на фоне других, менее обеспеченных, — в додзё для него все были равны. Иными словами, все то, что он зарабатывал, шло на алтарь синто. Конечно, когда семейный бюджет иссякал и приходилось потуже затягивать пояса, жена Морихеи нет-нет да и «занимала» ту или иную сумму у богов.

Были, конечно, у семьи Уесиба и хорошие времена — так, перед войной Морихеи в течение нескольких лет зарабатывал примерно по 200 тысяч долларов в год (в современном эквиваленте), когда у него занимались члены кабинета министров и правительства. В основном же боги то и дело «оказывались банкротами», и тогда миссис Уесиба получала приказ мобилизовать свои силы на трудовой фронт, дабы «дело Морихеи» жило. (Позднее ученики Айвама из своих личных сбережений создали специальный фонд, средства которого шли сугубо на ремонт и содержание в порядке тренировочного инвентаря и сооружений, после того как великий учитель отругал их за невнимательное и небережливое отношение к имуществу и пообещал учить бесплатно.)

В Токио Морихеи познакомился с Бондзи Каватсури (1862—1929), основателем Школы Мицоги древнего синто, у которого перенял методики ритуального очищения для подготовки перед тренировкой по системе будо. Временное додзё было создано в переоборудованном бильярдном зале особняка Шимацу. В течение года семья Уесиба была вынуждена переезжать то в большие апартаменты в Шиба Мита, то в еще большие в Шиба Курума, что находились вблизи кладбища Сорок Семь Ронинов. Когда стало очевидно, что временное додзё уже не в состоянии вместить всех желающих, богатые спонсоры Морихеи стали изыскивать возможности построить большой тренировочный зал. Удалось найти участок земли в ближайшем пригороде Токио Вакаматсу и собрать достаточные средства на строительство. Морихеи лично контролировал процесс возведения додзё — он чуть ли не ежедневно приезжал на объект и вдохновенно трудился, ворочая огромные тяжести, чем нескажанно удивлял строителей и вселял в них энтузиазм. Пока шло строительство додзё, Морихеи с семьей снимал дом в Мейдзиро, где провел несколько запоминающихся поединков.

ЗАПОМИНАЮЩИЕСЯ ПОЕДИНКИ

Первый поединок произошел с генералом Миурой, героем русско-японской войны, во время которой он лично своим офицерским мечом положил более пятидесяти солдат противника. Миура был когда-то учеником Сокаку и захотел в этой связи лично познакомиться с Морихеи, чтобы выясн-

нить, насколько он велик и могуч в боевых искусствах.

Едва расшаркавшись в приветствиях, Миура предложил Морихеи продемонстрировать свои неординарные способности непосредственно на ковре. Без всякого страха, с затаенной злобой и страстным желанием проучить прославленного мастера, генерал обрушился на Морихеи всей своей подавляющей мощью. Несмотря, однако, на столь мощный натиск доблестного воина, все его коварные планы и задумки рассыпались в пух и прах — искусство мастера проявилось во всей своей красе. Раскаявшись, генерал не нашел ничего лучшего, как попроситься к Морихеи ученики: «Вы воистину величайший боец современности, однако ваше искусство диаметрально противоположно по своей сути Дайто Рю. Теперь я понял, что такое настоящее будо, и очень бы хотел, чтобы вы научили меня всему, что знаете и умеете».

Способности Морихеи противостоять любому, даже самому могучему и свирепому сопернику и при этом побеждать его у Миура сомнений не вызывали, однако он хотел убедиться, насколько будет хорош великий мастер в противостоянии группе нападающих, которые будут атаковать его без всяких правил. И случай не замедлил представиться. В военной академии Тойама был организован поединок Морихеи с дерзкими, наускаными в соответствующем духе Миурой кадетами, которые, как свора голодных бездомных собак, набросились на мастера. Все они были вооружены деревянными штыками и старались изо всех сил сделать из этого плюгавого на вид мужичонки отбивную. Но тот не только отказался от защит-

ной амуниции, но и с удивительной, этакой наитранной легкостью раскидал молодых нахалов как котят.

Второй поединок произошел в октябре 1930 года, когда соперником Морихеи был Дзигоро Кано, основатель Кодокан Дзюдо, приехавший в это время в Мейдзию. Космополитичный, говорящий по-английски интеллектуал Кано был явно антиподом старомодному мистику Морихеи, однако он не скрывал своего удивления и восхищения техникой великого мастера. «Это просто идеальное будо — настоящее дзюдо!» — воскликнул заезжий мастер дзюдо после того, как убедился в возможностях Морихеи. (Это эмоциональное высказывание довольно долго потом стоило ему самому, когда его ученики вдруг спросили его: «Это что же, вы нам преподаете ненастоящее дзюдо, что ли?») Он учтиво попросил Учителя принять двух своих лучших воспитанников на тренировочные курсы. Морихеи согласился, и Кано вскоре начал получать от них восторженные послания, полные впечатлений от увиденного.

КОБУКАН

В марте 1931 года наступил радостный, долгожданный день открытия нового додзё, которое было названо Кобукан. Этот спортивный комплекс стал истинной меккой айки-будо, а сам Морихеи — «небесным ставленником» этого вида единоборства, оказавшись, таким образом, в самом водовороте событий. Он лично отбирал кандидатов в ученики из огромной массы желающих, которым, для того чтобы пройти тест, необ-

ходило было иметь еще и двух надежных спонсоров и соответствующие рекомендации. Во время теста каждому из кандидатов Морихеи предлагал атаковать его любым способом. При этом, естественно, демонстрировал всем и каждому, как надо побеждать любого соперника. Незадачливые испытуемые даже не успевали понять, как оказывались на ковре. Один из таких, по имени Йукава, поделился как-то своими впечатлениями от теста: «Мне казалось, что я уже схватил Морихеи и могу его победить, как вдруг все мое тело как будто бы онемело и я как мешок повалился на маты». Если Морихеи что-то не нравилось в испытуемом, тот мог сразу упаковывать чемоданы, причем без каких бы то ни было объяснений со стороны великого мастера. Чистоту и искренность намерений своих учеников он видел сразу же и именно из таких вот людей и начинал впоследствии формировать настоящих мастеров единоборств. Строгой системы оплаты и вступительного взноса не было, однако каждый из учеников обязан был либо внести в общую кассу денежный вклад, либо заменить этот взнос какими-то иными материальными ценностями, продуктами или же рабочими услугами. Практические занятия проводились с шести до семи и с девяти до десяти утра. Затем с двух до четырех дня и с семи до восьми вечера.

Спали ученики прямо в додзё, сами стирали, убирались, готовили и выполняли всякую другую хозяйственную работу. При этом каждый нес и обязательную службу по охране. Морихеи строго наказывал нерадивых и невнимательных — ученики всегда должны были быть начеку, запрещалось, без определенных мер предосторожности входить в

незнакомое помещение или заворачивать за угол и тому подобное. Он также требовал от каждого, чтобы тот развивал внимание и наблюдательность. «Сколько шагов отсюда до двери додзё?» — этот и другие подобного рода вопросы не должны были ставить ученика в тупик. «Если ты проходишь это место по нескольку раз на дню, то должен уж давно запомнить здесь все и вся. Настоящий боец обязан быть внимательным к окружающей обстановке», — сие назидание слышал каждый из учеников не раз и не два. Кроме того, Морихеи учил их не пренебрегать мерами предосторожности — не спать на верхних этажах, чтобы иметь возможность лучше ориентироваться ночью в темноте и не преодолевать пролеты лестниц, если необходимо быстро выйти, а также проверять, чтобы над кроватью не находилось каких-либо предметов, которые могли бы травмировать спящего ночью в случае землетрясения. Эти и многие другие жизненно полезные советы Морихеи давал с чисто отеческой любовью и заботой о своих подопечных.

Воспитывал Морихеи в своих учениках и чувство безразличия к материальным благам. Известен такой случай из жизни школы. Один шеф-инструктор Хомбу додзё вернулся из-за океана, где был в турпоездке, в кожаном пиджаке, которых в то время в Японии не производили. И надо же было такому случиться — пиджак украли в раздевалке. Разгневанный инструктор принял распекать невнимательных учеников, допустивших кражу в школе. Случайно проходивший мимо Морихеи услышал шум и решил выяснить, в чем там дело. Узнав, что произошло, он лишь задумчиво произнес: «Украли, говорите?» Затем не спеша обошел группу сидящих на матах учеников.

ников и вдруг злобно бросил инструктору: «Ты сам и есть виновник всего этого!» Повернувшись спиной к озадаченным ученикам, он медленно вышел из зала, оставил всех в недоумении и попытках понять, что хотел сказать этой фразой Учитель. Позднее он все же объяснил смысл сказанного наиболее дотошным питомцам: «Неужели вы не понимаете, что настоящий мастер боевых искусств не должен быть зависим от материальных благ? Такая зависимость оставляет его беззащитным перед теми, кто умеет грамотно эксплуатировать других, кто падок на сии блага. Тот инструктор позволил вещи стать выше разума, поэтому и сам себя обокрал».

Учил Морихеи своих подопечных искусству массажа, когда они вечерами поочередно массировали ему плечи, спину и ноги. Он охотно делился своими познаниями в древнейших способах лечения шиацу. «Все настоящие древние мастера знали практически все о своем теле», — не раз повторял он во время таких процедур, всегда сопровождавшихся старинными сказаниями и балладами о самураях того времени и об их выдающихся подвигах. Морихеи, когда был в духе, охотно демонстрировал своим ученикам многие приемы борьбы древних школ, для лучшего усвоения которых разыгрывал импровизированные представления.

Морихеи постоянно совершенствовался в боевых искусствах, искал новые формы и смело экспериментировал в технике мастерства, но никаких систематизированных методик обучения он не применял. Ученики первые узнавали от мастера то, что он в данный момент для себя открыл нового. Один из его учеников впоследствии вспо-

минал, что Морихеи даже и во сне открывал новые приемы и технические элементы, ибо он неоднократно поднимал его с постели посреди ночи и волок в спортзал, где демонстрировал приснившиеся ему новинки.

Кроме занятий в Кобукане и ряде других додзё, Морихеи инструктировал слушателей ряда академий — разведывательной Тояма, военно-морской, военно-полицейской, а также и колледжей — например, военно-офицерского.

Летом 1932 года под непосредственным патронажем и при активном участии Омото-кё было организовано Общество продвижения и поддержки боевых искусств Японии (Дайнихон Будо Сенъю Каи), главным инструктором которого стал Морихеи. Основное додзё Общества располагалось в Такеда, горной деревушке префектуры Хайого. Заброшенная пивоварня была переоборудована под тренировочный лагерь, где занимались члены Народной милиции Омото-кё. Каждое лето Морихеи лично приезжал сюда и руководил занятиями.

Он набирал рекрутов в организацию во время собраний Омото-кё. «Кто из вас, молодых и сильных, хочет быть еще сильнее — выходи на бой». После таких подзадоривающих слов как минимум четверо-пятеро новых членов пополняли ряды милиции, особенно когда пару-тройку раз отлетали от Морихеи как от стенки горох.

Тренировочный режим в далекой Такеда был довольно жестким — интенсивные занятия боевыми искусствами и полевые работы занимали большее время суток. Достаточно взглянуть на распорядок дня, и сразу же станет ясно, что маменькиным сынкам в том лагере делать было нечего.

5.00 — подъем и работа в поле
6.30 — утренняя молитва и медитирование
7.00 — завтрак
8.00—9.00 — лекция по Омото-кё
9.00—11.00 — тренировка по будо
11.00—14.00 — обед и отдых
14.00—16.30 — лекция по Омото-кё
17.00 — водные процедуры
18.30 — ужин
19.00—21.30 — неофициальная тренировка по будо
22.00 — отбой

Такой напряженный ритм был далеко не всем по душе, ибо в лагере кроме рьяных поборников истин Омото-кё, готовивших себя к священной миссии во имя великой цели, были также и те, кому эти истины были безразличны. В лагере нарывал серьезный конфликт. И хотя Морихеи всеми силами пытался охладить наиболее горячие головы, ситуация продолжала оставаться напряженной.

В эти же годы Морихеи активно увлекся методиками фехтования и продвинулся в этой области достаточно далеко, организовав свою школу кэндо при Кобукане. Зять Морихеи (он же его приемный сын) Кийоши Накакура, ученик известнейшего мастера кэндо Хакудо Накаямы, стал первым инструктором этой школы. (Через несколько лет, правда, он вынужден был оставить этот пост, уйдя из семьи Уесиба в связи с рядом проблем личного характера, а также, по всей видимости, из-за отсутствия должного энтузиазма, присущего истинным верующим Омото-кё.)

Как-то раз Накакура и Дзунити Хага, еще один известный талантливый фехтовальщик, ре-

шили лично проверить способности великого мастера, придумав коварный план — атаковать Морихеи одновременно спереди и сзади. Непобедимый воин и на этот раз оказался непобедимым — Накакура птицей полетел через весь спортзал, а Хага бесформенным мешком повалился на маты. После этого незадачливые «экзаменаторы» уже не решались проводить свои «эксперименты» с Морихеи.

Один из учеников как-то заметил, что Учитель при его атаках всегда уклоняется вправо. Решив превозойти своего великого наставника, он попытался нанести упреждающий удар в этом направлении еще до того, как Морихеи уклонится. Однако в этот раз он не отклонился ни на миллиметр в сторону. «Вставай, простудишься», — услышал ученик веселый голос Учителя, когда вдруг сам, не заметив как, оказался на матах.

Приходили померяться силами с Морихеи и профессиональные боксеры и борцы. «Поршень» Хоригути, бывший чемпион мира в наилегчайшем весе, известный как «самая быстрая рука в боксе», выйдя на ковер с Морихеи, попытался было провести свой коронный в челюсть. Однако опомнился чемпион только тогда, когда упал на колени от дикой боли в наносившей смертельный удар руке, которую в неуловимом движении Морихеи перехватил и сжал своими стальными пальцами. Борцов-профессионалов, приезжавших в додзё Морихеи с желанием побороть мастера, было предостаточно. Прибывали даже из-за кордона. Какими только захватами и подножками не пытались они свалить Морихеи на ковер. Морихеи же опрокидывал и аккуратно укладывал

на маты всех этих «кабанов» и «бегемотов», словно кукол-манекенов. Один из борцов, с присущей ему западной хваткой даже предложил Морихею: «Ты просто великолепен! Поедем со мной в Штаты — мы заработаем там миллионы долларов».

ВТОРОЕ ГОНЕНИЕ НА ОМОТО-КЁ

Это случилось 8 декабря 1935 года, когда пятьсот до зубов вооруженных офицеров полиции бесцеремонно ворвались в строго назначенный час «икс» во все основные центры Омoto-кё и арестовали Онисабуро и его шефов-помощников, предъявив им обвинения в оскорблении императорской особы и подготовке вооруженного восстания. Морихеи также попал в число «врагов нации», ибо его Дайнихон Будо Сенью Кай правительство считало весьма опасной полумилитаристической организацией, а этого было вполне достаточно, чтобы со спокойной совестью направить главе Департамента полиции Киото распоряжение на выдачу ордера на арест великого учителя.

Морихеи в это время находился в Осаке и, скопее всего, был предупрежден о готовящейся акции некоторыми из своих учеников, служивших в полиции. Шеф полиции Осаки Кендзи Томита (позднее он был одним из секретарей-генералов в кабинете Коноэ) был как раз одним из таких учеников, а посему весьма постарался свести процедуру задержания и ареста своего наставника к чистой формальности — освобождению по истече-

нии двенадцати часов пребывания в участке. Когда же разгневанный глава Департамента полиции Киото, узнав о таком своеволии своего подчиненного, потребовал применить к Морихею наказание в виде содержания под стражей, Томита отослал учителя к некоему Сонезаки — другому шефу полиции, также тренировавшемуся у Морихея, который, в свою очередь, предложил тому отсидеться под домашним арестом.

Скорее всего, влиятельные заступники Морихеи из полиции и правительства смогли-таки убедить власти сохранить тому меру пресечения в виде домашнего ареста, ибо авторитет Морихея как уникального учителя боевых искусств все же был весьма высок для того, чтобы гноить его в сырых темницах. Кроме того, сам Онисабуро, предвидя готовящееся гонение на Омoto-кё, порекомендовал Морихеи летом 1935 года сложить с себя полномочия шефа-председателя Дайнихон Будо Сенью Кай и всячески дистанцироваться от всех институтов Омoto-кё под любым предлогом. Естественно, это весьма и весьма огорчило большинство членов организации. Впоследствии во всех судебных инстанциях Онисабуро с неподдельной убежденностью доказывал, стуча себя в грудь кулаком, что Морихеи никогда не был вхож в ядро центрального аппарата религиозной секты. К чести самого Морихея, он не отрекся от своего учителя, несмотря на все попытки его влиятельных друзей склонить его к обратному: «Онисабуро — мой наставник, и я во имя спасения своей шкуры никогда не предам его».

Гонение на Омoto-кё было, пожалуй, одной из самых суровых и решительных акций со стороны правительства в отношении диссидентских движе-

ний Японии за весь период истории страны, несмотря на то что ни один из членов организации не оказал ни малейшего сопротивления органам правопорядка и во время обысков не удалось найти ни одной компрометирующей секту улики — бомбы или какого-либо иного оружия. Все ценности и имущество движения в Айабе и Камеока были опечатаны и затем проданы с молотка. Правительство не пожалело средств, чтобы нанять пятнадцать тысяч рабочих для минирования и поджога всех строений Омото-кё — неделю горели костры, превращая все в пепелище, которое затем разравнивали бульдозеры. Все, что так или иначе могло напоминать об Омото-кё, сжигалось, разбивалось вдребезги, крушилось. Лидеры движения были брошены за решетку и отправлены на каторгу. Тысячи членов организации были незамедлительно уволены с работы без выходного пособия.

Онисабуро получил шесть с половиной лет тюрьмы за оскорбление императорской особы и подготовку восстания. Обвинение было снято с него только в 1942 году, и семидесятидвухлетний старик с пошатнувшимся здоровьем был отпущен на поруки. Выжить ему помогло, вероятно, только природное чувство юмора, которое всегда и везде поддерживало крепость его духа. Все знали его как большого шутника и балагура, с которым от скуки не умрешь. В 1945 году новая администрация окончательно реабилитировала Онисабуро. Многие сторонники Онисабуро предлагали ему требовать компенсации у правительства за нанесенный ущерб, но он лишь отмахивался от них как от назойливых мух. «Все мы пострадали за время этой ужас-

ной войны, и если каждый теперь начнет требовать компенсаций, то это еще более усложнит сегодняшнюю жизнь народа». И это было в духе великого гуру — всегда стараться начинать все с нуля. Однако на этот раз он уже ничего не успел толком сделать — в 1948 году Онисабуро отошел в мир иной, прожив на этой грешной земле яркую, интересную и очень непростую жизнь.

ПОДВИГИ МОРИХЕИ

Существует множество сказаний о подвигах великого мастера в довоенный период. Так, он обещал выдать лично подписанную лицензию учителя тому из учеников, кто сможет захватить его врасплох. Наивные ученики считали, что с этой задачей они могут легко справиться, если застанут учителя дремлющим, возвращающимся с банкета, самозабвенно молящимся или оказавшимся в каком-то узкозамкнутом пространстве. Однако всякий раз проницательный мастер упреждал их замыслы и действия: «Боги шепнули мне на ухо, что вы собираетесь сделать со мной. Помните, что я умею читать мысли».

Ученики — любителиочных похождений старались с максимальной тщательностью скрывать от учителя следы своих «преступлений», однако, несмотря на строгую конспирацию, Морихеи на следующее же утро при встрече с учениками-гулемами огораживал их вопросом: «Ну как вчера повеселились?» Он мог подойти буквально к любому из своих учеников и рассказать тому о его сновидениях. Неоднократно демонстрировал Морихеи

своим подопечным и возможности предугадывать события, как он это делал когда-то в лесном лагере, где тренировался с Нишимурой и его товарищами. Как-то, когда он был в Осаке, ему сообщили, что его супруга серьезно заболела. Естественно, Морихеи распорядился, чтобы ему заказали билет на первый утренний поезд до Токио. Однако посреди ночи он вдруг разбудил своего помощника и сказал ему: «Отмени поездку — кризис миновал». Утренняя телеграмма полностью подтвердила слова провидца.

Один раз известный скульптор решил изваять могучий торс Великого Учителя. Оценивая мастерство ваятеля, Морихеи обошел скульптуру и вдруг заметил: «Вот эти мышцы не так выглядят. Как, впрочем, и вот эти». Автор произведения был нескованно удивлен тому, с какой точностью Морихеи определил несоответствия, поскольку речь шла о мышцах его спины, которые он, естественно, не мог непосредственно созерцать.

Всякий раз входя в додзё, Морихеи первым делом поклонялся алтарю синто. Однажды, когда он посетил один из залов и проделал эту привычную для него процедуру, он вдруг резко обратился к местному инструктору с укором: «Отчего вы пренебрегли сегодняшней утренней молитвой? Боги жалуются на вас!»

Хотя столь необычная сверхчувствительность Морихеи и служила ему величайшую службу при овладении боевыми искусствами, в повседневной его жизни она создавала значительные проблемы. Так, Морихеи совершенно не мог ездить в электропоездах, ибо сильное напряжение вызывало у него нестерпимые головные боли. Кроме того, он не мог посещать общественные

бани и бассейны, так как через воду чувствовал негативные аспекты натуры человека, входившего в воду до него. Даже в бассейне школы, где Морихеи преподавал и где никто не смел лезть в воду перед Великим Учителем, он всегда чувствовал, если тот или иной нерадивый ученик позволял себе дольше положенного держать палец в воде, определяя ее температуру. Поэтому Морихеи принимал водные процедуры исключительно в свежайшей воде. Он остро реагировал даже на насекомых, садящихся на дверь комнаты. Безошибочно чувствовал человеческое беспокойство и несдержанность. Некоторые истории о подвигах мастера вообще кажутся просто невероятными. О них вспоминает некий Годзо Сиода, который лично имел удовольствие видеть такие. Так, однажды Сиода вместе с Великим Учителем поднимались по ступеням на железнодорожную платформу. И вдруг находившийся на верху лестницы человек случайно оступился и покатился кубарем вниз прямо на Морихеи и его спутника. Учитель что-то громко крикнул, и несчастный вдруг испугался и вскочил на ноги, оказавшись в первоначальном положении на лестнице. Внешне это выглядело как прокручивание пленки назад при просмотре фильма.

Часто в Кобукан приходили военные, чтобы полюбоваться неординарными способностями Морихеи. Однажды пришла группа снайперов. Учитель, увидев их, сказал: «Спорим, что я могу уверачиваться от пуль?» Стрелки сначала просто ошалели от такого заявления, а затем потребовали, чтобы Морихеи доказал сказанное, а заодно написал расписку в том, что с них снимается всякая ответственность за последствия этого смертельного экс-

перимента. Сиода, который всякое уже видел в исполнении Великого Учителя, на этот раз порекомендовал ему написать заодно и завещание. Разумеется, жена Морихеи стала заламывать руки и умолять его опомниться, пока не поздно. На все это он лишь ухмыльнулся и, выполнив формальности, отправился в тир. Сиода засеменил за ним, молясь всем святым за упокой души мастера.

Морихеи встал прямо по центру мишени в се-мидесяти пяти футах* от группы стрелков. Те прицелились и дали залп. Почти одновременно с ним раздались громоподобные раскаты, от которых некоторые стрелки попадали навзничь. Морихеи же, целый и невредимый, словно вырос из под земли прямо перед стрелками. Совершенно обалдевшие снайперы принялись умолять Морихеи повторить чудо. Несмотря на то что на сей раз Сиода во все глаза смотрел на фигуру Морихеи, он не только ничего не разглядел сверхъестественного, но и вообще не понял, что же произошло на самом деле.

«Как может простой смертный сделать такое?» — спросил Сиода своего учителя с нескрываемым удивлением, когда они шли домой из тира. «Моя смерть еще не пришла, а посему я ничего и не боюсь пока, — голос Морихеи сохранил оттенки мистики и загадочности. — Что может помешать мне завершить задуманное на полу пути?» (Позднее, во время войны, когда Японию бомбили враги, Морихеи не раз советовал своим ученикам: «Когда полетят бомбы, прижимайтесь поближе ко мне, и будете живы и невредимы».)

* Примерно 23 м.

Сиода познакомился с известнейшим в то время снайпером по имени Тейдзиро Сато, человеком настолько эксцентричным и неординарным, что его вполне можно было сравнить в этом отношении с самим Морихеи. Этот самый Сато был отличным охотником и подолгу любил жить в горах, сливаясь с естественной природой. Все, кто знал и видел Сато в деле, в один голос утверждали, что он ни разу в жизни не давал промаха ни в одну из мишней. Узнав о подвиге Морихеи в тире, Сато сказал: «Допускаю, что он мог устоять против выстрелов этих салаг-молокососов, однако навряд ли он сможет устоять против моих выстрелов!» И Сато отправился в додзё Морихеи. Едва охотник поднял свое ружье, чтобы выстрелить в Морихеи, тот предупредительно поднял руку вверх: «Не надо! Я и так вижу, что ты не промахнешься». Позднее Великий Учитель сказал Сиоде: «Этот Сато — великий мастер своего дела. Нет способа уклониться от пули того, кто может выстрелить без ружья».

Наиболее одаренные и давно занимающиеся с Морихеи ученики довольно долго приставали к своему наставнику с просьбой показать им искусство настоящего ниндзя — мгновенного уклонения от ударов. Наконец учитель сжался над ними и согласился. Вооружив их деревянными мечами и колющими, он заставил окружить и атаковать себя одновременно со всех сторон. Едва наивные ученики бросились в атаку, как тут же почувствовали вдруг непонятно откуда взявшийся невероятный воздушный поток вокруг себя, затем последовал смех учителя и довольный возглас «ку-ку», раздавшийся откуда-то из дальней части

зала, футах в двадцати пяти от них. Когда же ученики, едва успев закрыть разинутые от удивления рты, принялись упрашивать Морихея повторить сей приемчик, тот вполне серьезно ответил молодым людям: «Когда какой-то человек действительно лелеет мечту убить другого, то его собственная жизнь автоматически сокращается при этом на пять—десять лет!»

В 1941 году Управление имперских дел соблаговолило устроить показательные выступления по айки-будо с участием великого мастера на территории дворца. (Сам Хирохито не интересовался этим боевым искусством, однако некоторые члены его семьи серьезно занимались по методике мастера.) За неделю до назначенного дня выступления у Морихея случился желудочно-кишечный приступ, один из тех, от которых он довольно часто страдал в преклонном возрасте. К моменту выступления его организм был крайне обезвожен и ослаблен. Однако, будучи даже в таком плачевном состоянии, Морихеи не пожелал отменять выступление. Во дворец учителя вели чуть ли не под руки всю дорогу. Йукава и Сиода, глядя на изнуренное болями и бледное как полотно лицо учителя, озабоченно перешептывались: «Как можно в таком состоянии выступать! Как бы нам не пришлось вызывать реанимацию или даже катафалк прямо к воротам дворца».

Ко всеобщему удивлению и изумлению, однако, Морихеи, едва ступив на родной ковер спортивного зала, словно заново родился, преобразился буквально на глазах. Войдя бодрым шагом в центр татами, Морихеи потребовал, чтобы Йукава атаковал его. Ученик решил, что его наставник сможет противостоять дай бог с одной

десятой силы, а посему и нанес свой первый удар с неполной мощью. В результате такой недооценки он здорово поплатился, сломав руку при падении от приема Морихеи, который провел его с привычным для него усилием. Пришлось Сиоде отдуваться за своего незадачливого напарника все оставшиеся сорок минут выступления. Позднее он вспоминал об этом выступлении: «Единственное, что я успевал увидеть в моменты исполнения учителем его приемов, так это его сверкающий взгляд и более ничего, ибо тут же мое сознание окутывал беспросветный туман и я как мешок с рисом валился на маты». В итоге это выступление для всей троицы закончилось в клинике — учитель мучился со своим желудком, Йукава лежал с загипсованной рукой, а Сиода — весь в синяках и в полной депрессии.

Морихеи был шефом-инструктором по будо в основанном японцами Кенкоку университете в Манчукуо, готовящем чиновников из граждан Японии и Китая для сформированного японцами в 1932 году марионеточного правительства «последнего императора» из династии Пу-и. Айки-будо считался обязательным предметом для всех студентов университета, и Морихеи регулярно приезжал в Манчукуо для того, чтобы давать уроки. Как-то в один из таких визитов Морихеи сошелся на татами в поединке с Тенруи — бывшим профессиональным чемпионом по сумо. Громадный «слон» Тенруи не только не смог даже с места сдвинуть «крошечного» соперника, но вскоре и сам повалился как мешок на маты, создав некое подобие «землетрясения под сводами додзё». Нет ничего удивительного в

том, что Тенруи стал одним из самых прилежных студентов великого мастера.

Способности и возможности великого мастера были воистину умопомрачительными, хотя сам он, наверное, не только адекватно не воспринимал свой величайший дар, но и весьма скромно о нем распространялся. Как-то раз, это было уже после войны, молодые ученики спросили своего выдающегося наставника: «Учитель, неужели вы ни разу в жизни не терпели поражений?»

В ответ Морихея рассказал им несколько поучительных эпизодов из своей жизни.

Нет, конечно же, я переживал неудачи много раз, и главным образом из-за невнимательности и неверной оценки ситуации. Однажды я путешествовал со своим бывшим учителем Сокаку Такедой, неся поклажу, и едва не столкнулся с какой-то пожилой женщиной, пересекающей мне дорогу. Дабы не допустить нежелательного столкновения, я свернул с пути в сторону, что, естественно, по всем законам и канонам будо приравнивается к поражению. Так я был сурово наказан за невнимание. Другой раз во время занятий я показывал одному из своих учеников какой-то прием, а он вдруг резко вырвался и сам попытался провести бросок. Конечно же, я вполне мог в последний момент предотвратить его атаку, однако поймал себя на мысли, что был не начеку. Так я еще раз получил урок — внимательным надо быть всегда, даже со своими учениками. Однажды я вышел на поединок с неким борцом сумо, одетым в маваши. Его тело было настолько потным и скользким, что мне долго не удавалось схватить его. В конеч-*

ном итоге, когда мне все же удалось повалить его на ковер и зафиксировать падение, я понял, в чем заключается суть древнейшего приема мастеров боевых искусств под названием «поймать скользкого угря». В один из дней, когда я проводил семинар в полицейской академии, я нанес одному из наиболее активно сопротивляющихся мне слушателей травму. Конечно, я мог бы спокойненько подумать: «Так тебе и надо, коль сопротивляешься так активно», — однако это противоречило бы, на мой взгляд, основным принципам новой философии айкидо, ибо я как учитель должен был настолько самосовершенствоваться, чтобы ни при каких обстоятельствах не наносить травм активным соперникам, а побеждать их за счет своего искусства. Все эти неудачи, которые мне пришлось пережить, послужили мне большим уроком — я стремился постоянно совершенствовать свою технику.

ТРАГЕДИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Морихеи всем сердцем переживал то, что Япониявязалась в войну с Китаем в 1937 году, а затем и с Соединенными Штатами Америки в 1941 году. Во время русско-японской войны, в которой Морихея непосредственно принимал участие, японцы с пониманием относились к деятельности Международного Красного Креста и оказывали посильную помощь мирному населению и пленным, поддерживая реноме военного джентльменства. Во время Второй мировой войны о таковом уже не было и речи, ибо оголтелый национализм и расизм превратили японских военных в нелюдей, готовых «рвать глотки» представителям всех других национальностей и рас.

* Набедренная повязка.

Вполне естественно, что Морихеи как проповедник идей будо, основанных на принципах любви и совершенства, ни в коей мере не мог одобрить массовую гибель людей, без которой не обходится ни одна война. Он много раз напоминал своим ученикам, что «убийство — это грех». Даже на войне нужно стараться изо всех сил избегать неоправданного кровопролития, прилагая все усилия к мирному разрешению конфликта.

Впрочем, его пацифистские проповеди в те годы, и, наверное, не только в те, были подобны гласу вопиющего в пустыне. С горечью Морихеи частенько жаловался своему сыну Кисомару: «Сердцами большинства вояк движут глупые и безрассудные идеи, не только попирающие основы религии и нормальных социальных взаимоотношений, но и вынуждающие мирных, ни в чем не повинных граждан отправляться на кровавую бойню, где все и вся подлежит глобальному уничтожению. Это, естественно, крайне противоречит воле богов, а значит, и обречено в конечном счете на абсолютный провал. Истины философии будо заключаются в оберегании и лелеянии символов жизненности и мира, любви и взаимоуважения, а отнюдь не в попытках разорвать мир на части и спалить его в пожарище войн и конфликтов». Позднее Морихеи всегда сокрушался по поводу того, что был вынужден обучать военных, отправляющихся на фронты, где его искусство будо применялось в сугубо деструктивных целях. В одном из своих послевоенных интервью Морихеи сказал: «Когда-то будо использовалось в милитаристических, захватнических целях, когда необходимо было нападать и уничтожать иноземцев. Япония проиграла ту

войну именно потому, что использовала идеологию зла и насилия. А это — явно разрушительный путь. Сейчас мы должны приложить все свои силы к тому, чтобы не повторить ошибку и использовать будо лишь в созидательных целях».

Известны многие факты, красноречиво подтверждающие, что во время войны Морихеи отчаянно пытался всеми силами помочь пацифистским движениям, призывающим заключить мир с Америкой и Китаем. Но, увы, слишком мало было сил, чтобы залить громадный пожар войны. Осенью 1942 года до предела утомленный физически и морально бесплодностью своих попыток хоть как-то остановить мировую войну, Морихеи бросил все свои дела и, передав управление токийским додзё своему сыну Кисомару, отправился поправлять крайне пошатнувшееся здоровье на маленькую ферму в Ивама, что в ста милях севернее столицы. В своих последних откровениях он ссылается на то, что его внезапный отъезд в Ивама был санкционирован «свыше», волей богов. Внутренний голос повелительно поведал Морихеи в те дни: «Отправляйся в провинцию поглубже, построй алтарь Великому Духу Айки и приготовься стать вечным светочем новой Японии».

В ИВАМА

Морихеи никогда не был поклонником городского образа жизни, а посему уже где-то в начале 1935 года начал обдумывать планы приобретения земли в Ивама, где намеревался построить сельское додзё. К 1942 году Морихеи вполне можно было считать богатым землевладельцем, ибо в

Ивама у него уже имелось почти семнадцать акров земли — достаточно много для маленькой Японии. Так как на этих землях не было никаких строений, Морихеи приобрел простой фермерский ангар, который переоборудовал в незамысловатый коттедж. Гости из Токио были просто шокированы, входя в это жилище и видя великого мастера и его жену среди такой спартанской обстановки, которая, надо заметить, не только целиком и полностью устраивала их, но и доставляла им громадное удовольствие, позволяя жить в максимальном приближении к матушке-природе.

Морихеи всегда любил заниматься фермерством. Здесь он вовсю дал возможность проявиться своим талантам земледельца. На полях Ивама возделывались такие культуры, как рис, картофель, гречиха, ячмень, бобы, соя, арахис и различные овощи. И хотя, конечно, в целом урожаи были не так уж и высоки, Морихеи был рад тому, что они оказывались несравненно большими, нежели на его родине, в Танабе. Главным для него был и оставался, как всегда, честный и самоотверженный труд и боевой настрой. Недаром он говорил и повторял каждому из поколений своих учеников: «Тяжело в ученье — легко в бою. Тренировка по будо — это легкая разминка по сравнению с трудом фермера в поле».

Первоначально местные деревенские жители с некоторым недоверием относились к приезжему «отшельнику со странностями». По утрам высокий громкий, нечеловеческий возглас молящегося Морихеи не мог не заставить вздрогнуть людей, слышавших его за много миль от дома учителя. Говорили даже, что во время его молитв на открытом воздухе птицы падали с небес, оглушен-

ные мощью его голоса. Однажды во время службы в буддийском храме он присоединился к хору певцов на клиросе во время исполнения «Сутры сердца». И хотя Морихеи особо не напрягался при пении, священник даже спиной почувствовал мощь и силовой напор голоса нового певчего.

В последние годы войны здоровье и силы Морихеи постепенно начали восстанавливаться — не мог ведь такой человек не болеть, когда так была больна его родная страна, — и он все свое свободное время уделял строительству алтаря айки и додзё на открытом воздухе в теперь уже ставшем ему родным Ивама. В 1942 году Морихеи официально начал внедрять в жизнь свое новое учение айкидо — путь гармонии. 15 августа 1945 года наконец-то завершилась кровопролитная война, унесшая миллионы жизней во всем мире, покалечившая морально и физически еще большие миллионы, превратившая в руины многие тысячи городов, сел, деревень... Морихеи, так же как и все остальные, переживал это непростое для страны время. Позже он говорил своим ученикам: «Когда пришло сообщение об окончании войны, я пребывал в некоем трансе, чувствуя, что физически смертельно болен. Небесная Дева явилась ко мне в моем видении, объятая пламенем. Я было попытался направиться к ней, однако появившийся вдруг передо мной буддийский монах таинственно произнес: «Твое время еще не наступило. Тебе надлежит завершить предназначенное тебе на земле».

Вскоре Морихеи окончательно поправился и с энтузиазмом и оптимизмом принялся, засучив рукава, как и остальные жители Страны восходящего солнца, восстанавливать разрушенное войной. «Не вешайте носы! — ободрял он впадающих в

уныние учеников. — Истинная цель всякого борца айкидо — восстановление мира и справедливости, но не с помощью войны, а с помощью мирных средств. Сохранение жизни, окружающей среды и нормальных социальных взаимоотношений — вот то главное, чему я вас учу».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АЙКИДО

Нельзя сказать, что путь нового учения был с самого начала устлан розами. Хотя токийское додзё уцелело после вражеских бомбардировок благодаря героическим усилиям Кисомару и его помощников, ставших на это время пожарниками и бойцами службы спасения, заниматься там было весьма затруднительно — около ста человек, чьи жилища были разрушены от взрывов бомб, временно поселились на его территории. К тому же не дремали оккупационные службы, руководство которых никак не одобряло официальное распространение боевых искусств на территории Японии. Тем не менее Морихеи и некоторые из его учеников продолжалитайком тренироваться в Ивама, пре-небрегая запретами. Условия для занятий, конечно, здесь были не сахар — не хватало элементарного инвентаря (матов), да и свет то и дело отключали. Один ученик даже пошутил как-то по этому поводу: «Когда свет отключают и додзё погружается во мрак, только свет глаз нашего Великого Учителя не позволяет прерваться тренировке».

В 1948 году руководство оккупационных служб все жешло на определенные уступки в этом плане, и Министерство образования Японии учредило федерацию айкидо под эгидой «общества бо-

евых искусств, служащих сугубо делу мира во всем мире и абсолютной справедливости». Понятное дело, не прошло и года, как столичное додзё было торжественно открыто и возобновило свою работу на благо развития нового искусства борьбы. (Впрочем, только в 1955 году с его территории выехал последний беженец.)

На первых порах многого, естественно, не хватало. И прежде всего — кадров. Большинство институтов регулирования взаимодействия между социальными структурами были разрушены за период войны, в стране ощущался недостаток самого необходимого, и люди были заняты главным образом добыванием хлеба насущного, а посему им было вовсе не до тренировок. Даже Кисомару был вынужден заниматься левой подработкой в одной из частных охранных фирм, вызывая при этом недовольство отца, ненавидящего этих «жадных, бесвестных буржуев-капиталистов». Постепенно ситуация в стране улучшалась, и люди стали приходить в додзё. К старым тренерским кадрам добавлялись новые, по всей Японии стали возникать все новые и новые додзё. Кисомару бросил свою подработку и со спокойной совестью начал в поте лица трудиться на благо развития айкидо в своем додзё. В 1956 году состоялась первая публичная демонстрация достижений нового искусства. Именно с этого времени айкидо перекочевало с острова на остальные материки, приобретя, таким образом, официальный статус международного учения.

Перед войной, впрочем, было несколько иностранцев, главным образом из Италии и Германии, а также еще и несколько профессиональных борцов, практикующих айки-будо, о которых впервые узнали в университете Кенкоку в Манчукюе. Но это

была, как говорится, капля в море. Первые выпускники иностранных студентов университетов, где практиковали айкидо, начались лишь в начале шестидесятых годов. Конечно, нельзя не отметить тот факт, что философско-идеологические концепции учения в трактовке японских и иностранных наставников отличались друг от друга весьма существенно. И это в общем-то естественно, если учитывать религиозно-культурную сторону восприятия различными нациями, еще только недавно воевавшими. Морихеи, с присущей ему широтой натуры и любовью к своему делу, охотно принимал в ученики тех иностранцев, которые искренне желали овладеть таинствами истинного искусства айкидо (даже вопреки явно враждебному настрою японских учеников по отношению к «иноземцам всех мастей и калибров»). Иначе какой бы это был тогда Великий Учитель! Один из иностранных учеников позже вспоминал с явной сердечной теплотой: «Когда Морихеи был рядом, казалось, что все вокруг светилось нежным, мягким светом, и ощущалось настоящее душевное тепло. Без него мир тут же становился мрачным и грустным».

Послевоенный период жизни Великого Учителя прошел куда более спокойно, нежели его молодые и зрелые годы, переполненные драматическими событиями. Он главным образом занимался административской деятельностью в федерации и Хомбу-додзё, которым руководил его сын Кисомару, вел семинары для главных тренеров и инструкторов, а все свое свободное время отдавал самосовершенствованию и самоочищению согласно теории айкидо. Он уже не тренировался до умопомрачения, как раньше, стараясь совершенствоваться духовно и акцентируя свое внимание на внутреннем самосозерцании. Он

много молился, медитировал, изучал религиозную литературу, совершенствовался в каллиграфии и просто работал на ферме. Как-то он сказал:
Находясь в уединении в Ивама и позабыв о мировых проблемах, я смог по-настоящему ощутить степень единения человека с природой. Каждое утро я вставал в четыре часа, освежался и выходил на улицу встречать рассвет и радоваться восходящему солнышку. Я воистину соединился с космосом через философию айки, позволяющую понять суть вещей через слияние и трансформацию, когда все и вся бьется с единым сердечным ритмом и сливается в едином дыхании. Стоя перед этим алтарем, где небо сливается с землей, нельзя не ощутить истинную гармонию совершенства и воссоединения с Божественным. В благодарность от возможности почувствовать связь духовного и материального я поклонился на все стороны горизонта и в течение полутора часов усиленно молился и медитировал.

В последние годы жизни Морихеи лично практически не проводил тренировок, а если и проводил, то весь упор в них делался на чисто философские и духовные аспекты айкидо. Когда наиболее дотошные ученики вдруг спрашивали его, как назвать правильно тот или иной удививший их прием, Морихеи спокойно отвечал: «Сами придумайте ему название — чем поэтичнее, тем лучше». Когда же они просили его повторить им помедленнее движения ногами, после которых противники Морихеи отлетали от него как от стенки горох, учитель философски-назидательно говорил: «Секрет айкидо состоит не в том, как ты работаешь ногами, а в том, как ты работаешь головой. Я учу вас не боевому искусству в прямом смысле, а учу вас не проявлять же-

стокость». Такие вот духовные наставления могли занимать половину времени всей чисто физической тренировки. Один раз какой-то молодой, рвущийся в бой ученик вдруг не выдержал, устав от философских бесед Морихеи, и весьма бесцеремонно бросил: «Сенсей, разве это время отведено для политбесед?» Возмущенный такой наглостью, Морихеи быстро встал и мгновенно ретировался из додзё. Потом потребовалось немало усилий и уговоров, чтобы он возобновил занятия. Великий наставник постоянно напоминал своим ученикам: «Я всего лишь ваш проводник в этом долгом путешествии по миру айкидо. Слушайте внимательно все мои наставления и рекомендации и затем идите по этому пути самостоятельно — каждый по-своему».

Морихеи в это время приходилось то и дело разрываться между Ивама, токийским Хомбу-додзё и бесконечными инструкторскими турами в различные уголки Японии. Великий мастер довольно скрупулезно проверял характер учеников, которых предполагал взять сопровождающими в этих поездках. В частности, он проверял их долготерпение, заставляя прибывать на вокзал за час до отхода поезда. (Некоторые наиболее хитрые ученики обманывали Морихеи, переводя часы в додзё вперед на час.) Кроме того, он любил, в целях выработки внимательности и наблюдательности, играть с ними в кошки-мышки, когда сгибающийся под тяжестью чемоданов ученик должен был купить билеты и не упустить из виду отнюдь не сидящего на месте своего наставника, который, благодаря большой проворности, легко просачивался через любые людские потоки, создавая наблюдателю, таким образом, дополнительные трудности. Он мог отправиться куда-то, даже не удо-

сживвшись узнать адрес и время, где должно было произойти мероприятие или встреча. Или же вдруг выпрыгнуть из едва начавшего движение поезда под предлогом, что что-то там забыл. Всякий раз доставалось ученикам от Морихеи за то, что те не проявили должного внимания при неожиданной резкой остановке автомобиля и не поймали упавшие пакеты — сам он это делал всегда легко и непринужденно. Как-то раз их автомобиль чуть было не попал в жуткую аварию, последствия которой были бы с огромной долей вероятности довольно трагическими, если бы Морихеи непосредственно перед столкновением машин вдруг не издал громкий предупредительный крик. И хотя столкновения все же избежать не удалось, оно было не таким уж страшным и никто из пассажиров не пострадал.

Несмотря на то что добиться чести стать личным помощником великого мастера во время его поездок мог далеко не каждый из его учеников и нести эту службу было крайне не просто — прошедшие эту школу в один голос утверждали, что одна поездка с учителем по своим нагрузкам эквивалентна месяцу напряженнейших тренировок, — отбоя от претендентов на вакансию интенданта Морихеи никогда не было, и счастливчик буквально сиял от радости и раздувался от гордости, получая вожделенное назначение. Ведь что может быть желанней для жаждущего познать истины великого искусства айкидо, чем лично носить багаж «основателя, царя и бога» этого самого искусства, делать ему массаж, касаясь его тела, готовить ему ванну, спать возле двери, чтобы в любой момент оказать какую-либо услугу даже посреди ночи и с гордым видом помогать ступить

на родную землю по возвращении из поездки. В процессе нервных, эмоциональных и физических нагрузок, выпадавших на долю каждого из сопровождавших учителя, они теряли в весе от десяти до пятнадцати фунтов*.

Один из учеников как-то даже признался, что чувствовал, как худеет при одном только упоминании имени великого мастера, если ему предстояло встретиться с ним лично. Другой рассказывал, что накануне встречи с учителем тот явился к нему во сне и тут же начал отрабатывать на нем свои приемы. В 1961 году Морихеи совершил первую и единственную поездку на территорию Соединенных Штатов, посетив Гавайи, где пробыл сорок дней. Рассказывают, что здесь с ним произошел интересный случай. Один из учеников, занимающийся японско-американским вариантом айкидо, наблюдал, как Морихеи во время своего выступления демонстрировал технику уклонения от ударов мечом. «Атакующий использует лишь прямые удары, поэтому мастеру не составляет большого труда от них уходить», — подумал про себя студент. — Я бы использовал еще и боковые». По окончании выступления Морихеи подошел к студенту и с улыбкой сказал: «Это тебе тоже ничего бы не дало».

Морихеи снялся в двух документальных фильмах. В 1958 году — во фрагментах американского телесериала «Встреча с приключениями», а в 1961-м — в «Короле айкидо», транслирующемся по всей Японии. Вряд ли стоит особо

* От 4,5 до 7 кг.

говорить о том, что Морихеи в последние годы жизни уже имел солидную коллекцию различных наград и титулов, как японских, так и иностранных. В 1964 году его лично награждал сам император. В 1967 году он своими глазами увидел новое токийское Хомбу-додзё, в десять раз превышающее по своим размерам старое. Ему не так уж часто удавалось спокойно помолиться и помедитировать — то и дело звонил телефон или приходил курьер с посланием, вызывая раздражение мастера «новинками цивилизации». Впрочем, одна из них такой негативной реакции у него все же не вызывала — вечерами он охотно смотрел в окружении внуков турниры по сумо или самурайские фильмы по телевизору — чуду техники XX века».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ УЧИТЕЛЯ

В марте 1968 года в Ивама с Морихеи случился очередной приступ заболевания. На этот раз весьма серьезный. В этот роковой для него день он уже с утра, предчувствуя близкую кончину, находился в состоянии полупрострации. Тем не менее, помолившись, Морихеи со словами: «Боги зовут меня», — отправился на обычную ежедневную тренировку. Увы, последнюю. Прямо из додзё его увезли на машине «скорой помощи» в клинику, где был поставлен окончательный «приговор» — рак печени. Морихеи отказался от операции и потребовал, чтобы его отвезли домой. Здесь и только здесь, рядом с додзё, откуда раздавались привычные, радующие сердце и веселящие душу

звуки тренировки, великий мастер хотел провести свои последние дни и часы пребывания на этой гречной земле.

Даже находясь уже на смертном одре, Морихеи воистину оставался непобедимым воином — ухаживающие за своим учителем четверо избранных его подопечных далеко не всегда успевали за ним, когда он решал вдруг встать и куда-нибудь выйти по той или иной надобности. Бывали случаи, когда уже, казалось, совершенно обессилевший старик вдруг делал какое-то резкое неожиданное движение, от которого его молодые сопровождающие вдруг отлетали в стороны. А однажды даже Морихеи долго не могли найти, после того как он вышел из своей комнаты. Оказалось, что он решил отправиться в додзё и провести тренировку с детьми, передавая им свой опыт и знания.

Незадолго до того, как отправиться в мир иной и воссоединиться окончательно с богами, Морихеи сказал одному из своих соратников, посетившему друга в последний раз: «Я уже оседлал красивого белого коня с большими крыльями, который вот-вот унесет меня в далекие заоблачные края, и я смогу тогда наконец полюбоваться нашей прекрасной планетой с высоты птичьего полета». И этот конь начал свой подъем 26 апреля 1969 года. Последними словами великого мастера и непобедимого воина всех времен и народов, прожившего восемьдесят шесть долгих, трудных, насыщенных всевозможными событиями, но весьма и весьма интересных лет, были: «Айкидо принадлежит всему миру!»

ЧАСТЬ II

свои определенные идеи и мысли про будущий ход этого спектакля съемки.

Здесь находились также наши писатели мэре. Морихея в это время начали читать в школах и университетах. Их изображение в журналах и газетах было не всегда лестное (хотя есть и хорошие, конечно же, работы), но оно неизменно вызывало интерес читателей. Рыбаки любили читать эти учи. Поэтому, **ИДТОАН** (журнал для изучения языка) и **АМСАК ПЯХНОМ** (журнал для изучения языка) были созданы для изучения языка. А еще один журнал, **ОПКА ЗИНАКОН**, был создан для изучения языка. Тогда же в Японии было создано первое японское издание журнала «Литературный альманах».

Большинство японских писателей и писательниц в то время были связаны с японским языком. Морихея, однако, свою первую книгу написала на японском языке. Просветившись в японском языке, она стала писать на японском языке. Ее первая книга называлась «Литературный альманах». В то время японские писатели и писательницы писали на японском языке. Морихея, однако, писала на японском языке. Ее первая книга называлась «Литературный альманах». В то время японские писатели и писательницы писали на японском языке. Морихея, однако, писала на японском языке. Ее первая книга называлась «Литературный альманах».

РАННИЙ ПЕРИОД, 1883–1945 гг.

Селение Танабе, вид с берега залива.

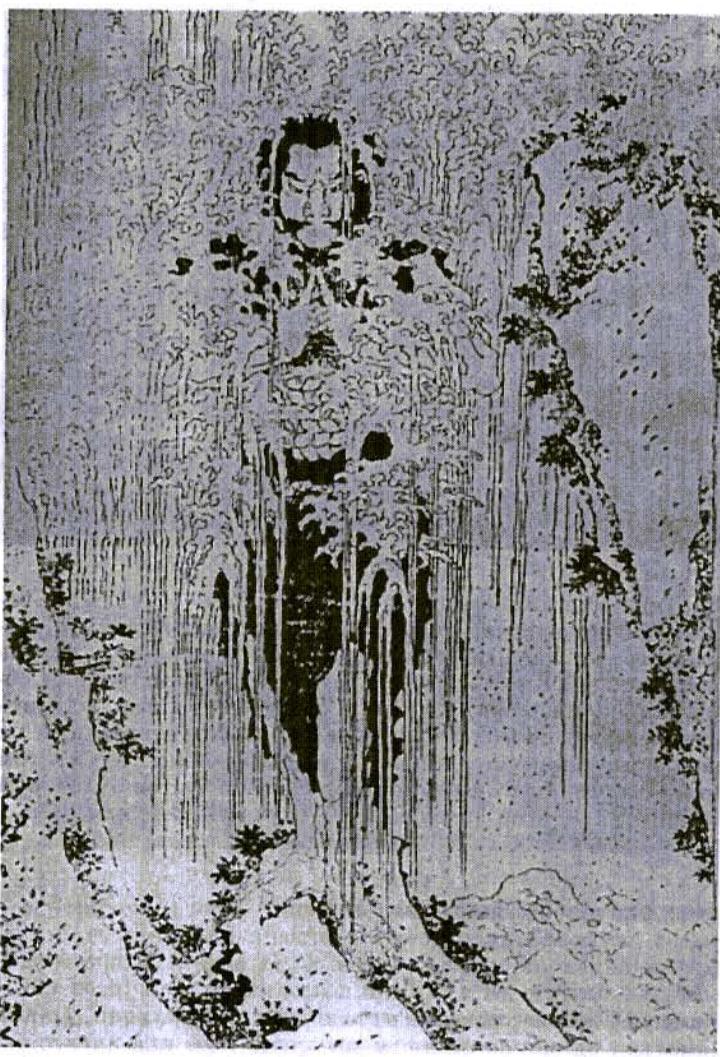
Селение Танабе просматривается на противоположной стороне залива. Все свое детство Морихея провел у Тихого океана, купаясь и рыбача в его водах; родительский дом находился в нескольких минутах ходьбы от береговой полосы. И хотя климат в этой части провинции Кии (сейчас это префектура Вакаяма) считается умеренным, случайные штормы все же имеют место, и тогда грозные волны и ветры сменяют еще недавно спокойные воды залива.

Морихея родилась в селе Танабе, которое расположено на южном побережье острова Хонсю, в провинции Кии. Село Танабе известно тем, что здесь родился великий японский писатель и поэт Окубо Танабе, а также тем, что здесь родился и жил японский писатель и поэт Окубо Танабе.

Священные горы Кумано и божественный водопад Начи — воистину врата рая на земле, к которым, как к вожделенной мекке, в течение многих столетий стремились сердца и души миллионов религиозных паломников. Вот строчки из дневника одного средневекового пилигрима: «Завершив многодневный изнурительный переход через горные перевалы, глубокие ущелья и долины, я наконец-то достиг священных земель Кумано. Путешествие сюда было не только утомительным, но и весьма опасным, а посему я благодарен богам, соблаговолившим мне добраться до этих земель живым. Воочию созерцая красоты Кумано и имея возможность приблизиться к главному священному алтарю, я постоянно ощущал, как слезы несказанной радости, счастья и блаженства текли по моим щекам». Морихеи как-то сказал: «Кумано воспитали и укрепили мой дух. Я чувствую, что некая часть меня, моей сущности, навсегда останется здесь, растворившись в горах, лесах и водах. Когда я здесь, я чувствую, что парю в небесах, ибо в Кумано они сходятся с землею».

Утверждают, что в горах Кумано насчитывается порядка тридцати шести различных пиков и вершин. Это, пожалуй, самый девственно чистый район Японии, где четыре пятых всех земель избежали последствий деятельности человека.

Буддийский монах Монгаку провел мисоги — ритуал очищения в водах Начи. В соответствии с древним религиозным поверью, таким образом можно очистить и душу, и тело. На заре юности Морихеи тоже прошел через мисоги в водопаде Начи.

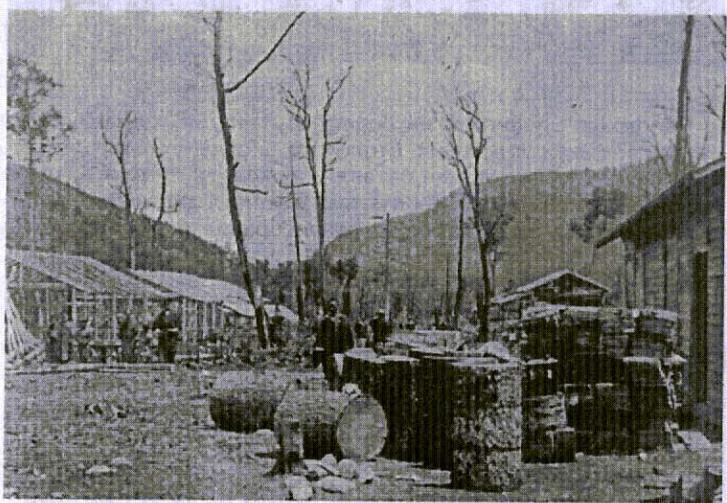
Тантрическая буддийская церемония «очищения огнем». В юношеские годы Морихеи с нескрываемым удовольствием прошел через этот обряд, подробно изучив церемониальные жесты, псалмы и овладев методикой образного воплощения, чтобы с чистой совестью получить соответствующий дан учителя от своего наставника по буддизму сингона. Мировоззрение Морихеи во многом развивалось благодаря тантре, более богатой духовно и экспрессивной по сравнению со скучным и серым дзэн.

Морихеи (вверху в центре) на воинской службе (ему двадцать один год) в составе 61-го полка Вакаямы, сформированного незадолго до начала русско-японской войны 1905 года. Ему нравилось в армии, с ее строгой дисциплиной, порядком и спартанским образом жизни. Морихеи не считал для себя зазорным вставать за час до подъема, чтобы вычистить до блеска тринацать пар ботинок своих командиров, а также всегда с радостью тренировался в изнурительных марш-бросках с полной выкладкой, когда подбирал брошенные другими обессилевшими солдатами ранцы. Однако уже с ранних лет он возненавидел ужасы войны — смерть и разрушения.

Кумагусу Минаката (1867–1941) в молодые годы. Морихеи в возрасте двадцати—тридцати лет по воле провидения встречался со многими замечательными людьми, оказавшими на будущего великого мастера громадное влияние. Одним из таких людей был Кумагусу, эксцентричный и неутомимо-фанатичный исследователь и ученый, от которого Морихеи перенял восприятие Вселенной как единого целого. Он также учил Морихеи беречь и любить матушку-природу и бороться против бездумного ее уничтожения вследствие научно-технического прогресса. В последние годы Великий Учитель часто говорил своим подопечным: «Кумагусу был великим человеком, и он на самом деле вдохновлял меня на подвиги на поприще познаний истин бытия в глобальном вселенском масштабе».

Вверху. Справа — тридцатилетний Морихеи, первопроходец диких лесов Хоккайдо.

Внизу. Поселение Сиратаки. Здесь, на Хоккайдо, Морихеи накачивал мускулы, ворочая громадные распилы и бревна.

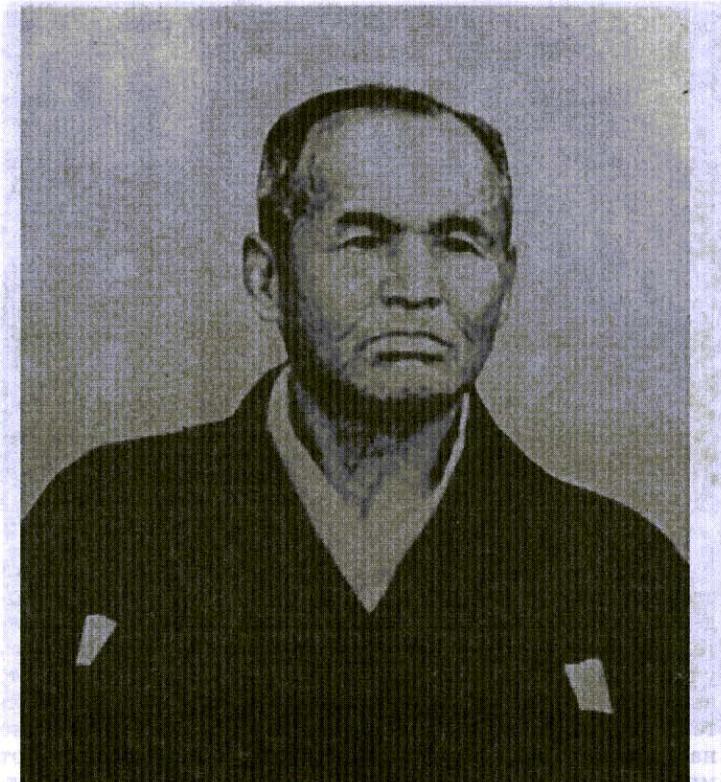
Морихеи с удочкой на берегу Йубетсу. В первые годы существования коммуны Сиратаки, когда урожай земледельческих культур еще оставляли желать лучшего, рыба являлась именно тем продуктом питания поселенцев, который вносила хоть какое-то разнообразие в рацион.

Сокаку Такеда (1859–1943) — великий мастер Дайто Рю — в возрасте примерно тридцати лет. Следует обратить внимание на постановку ног — это боевая стойка ханми.

Верху. Сокаку (в центре справа) со слушателями юридической академии после тренировки (1898 год). Даже будучи окруженный полицейскими, сверхбдительный Сокаку всегда готов отразить любое внезапное нападение врага — его заряженное на удар опахало в правой руке только и ждет того, чтобы хозяин обрушил его на неприятельские головы.
Внизу. Восьмидесятилетний Сокаку демонстрирует мощь Даито Рю.

Таким вот Морихеи впервые увидел Сокаку на Хоккайдо. Несколько неестественное выражение лица Сокаку объясняется травмой, полученной им еще в юношеском возрасте. Во время показательных выступлений Сокаку вышел с мечом против троих копьеметателей. Отражая одно из пущенных в него копий, он получил удар в зубы древком отрикошетившего от земли оружия и потерял, таким образом, большую часть передних зубов. Сокаку был последним из воинов-самураев старой школы и еще одним выдающимся человеком, повлиявшим на становление будущего Великого Учителя. Он всячески способствовал физическому развитию и закалке характера Морихеи, сумевшего должным образом трансформировать эти качества в новое учение айкидо.

Морихеи (сидит, крайний слева) среди членов совета старейшин поселка Йубетсу (Сиратаки, 1918 год). В молодые годы Морихеи активно занимался общественной деятельностью и сотрудничал с властями, когда дело касалось улучшения благосостояния граждан, или же, наоборот, выступал против антисоциальных проектов тех же властей. Этот снимок наглядно показывает, как постепенно наступала трансформация общественной идеологии — от многовекового уклада старой Японии к новым, прозападным формам — часть членов совета еще одета в традиционное кимоно, в то время как остальные уже вовсю щеголяют в западной одежде. (Морихеи, кстати, до конца дней своих не расставался с родным кимоном.)

Нао Дегути (1836–1918) — пророчица бога Кондзина и основательница Омото-кё — в возрасте восемидесяти лет.

Снимок принадлежит Ивасаки Йосиохуэ, энтузиасту религии Омото-кё. В отличие от других фотографий этого периода, снятое изображение лица Онохару, несомненно, было полное. Он был великим оратором и блестящим комедиантом, способным развеселить даже врагов.

Онисабуро Дегути (1871–1948) — великий гуру Омотокё — в шаманской одежде. Разновидностей фасонов таковой у него было несколько сотен. Экстравагантный кутюрье любил быть на виду и часто фотографировался со своими почитателями и почитательницами. Наряду с Кумагусу и Сокаку, Онисабуро, несомненно, был еще одним выдающимся человеком, оказавшим влияние на формирование духовной стороны личности Морихеи.

Слева. Онисабуро в возрасте шестидесяти лет (1931 год).

Справа. Шуточный автопортрет.

В отличие от других самовозвеличивающих мессий, ставших казаться этакими педантами с серьезным выражением лица, Онисабуро, наоборот, всегда был весел. Он был великим остряком и отличным комедиантом, способным рассмешить даже врагов.

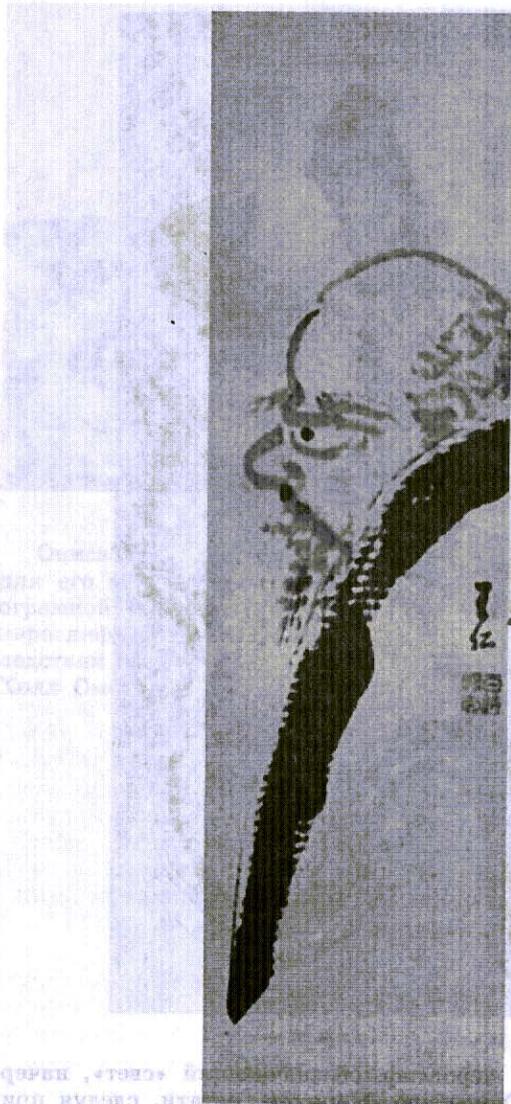

Онисабуро за весьма своеобразным, но характерным для его эксцентричной натуры занятием — с помощью огромной кисточки он легко и непринужденно выводит иероглифы «МИ-РОКУ-ДЕН». Эти иероглифы были впоследствии высечены на дереве и украшали вход в Мироку-Холл Омото-кё.

Морихеи (1876-1943) — художник гуру Омото-Кёниги. Родился в семье Раймондий Фасолья таоистического монаха. Ставший известным кутюром, он также фотографировался со знаменитыми японскими и американскими лидерами Кумарой (1931), президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Рузвельтом, президентом Чилиским, а также писателем Фордом Кукомской стороны Титаном Уильямом Гарднером (1943). Он создал множество картин и гравюр, изображающих мистические символы и иероглифы, а также пейзажи и портреты. Он также занимался изучением астрологии и алхимии.

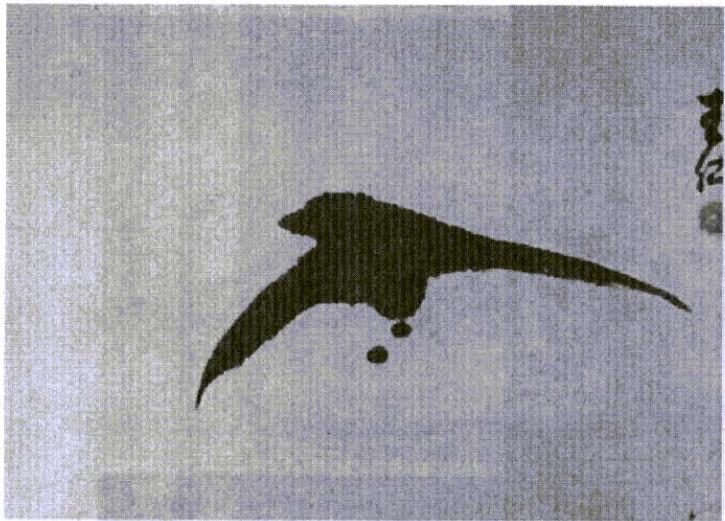

«Хикари» — иероглиф, обозначающий «свет», начертанный рукой Онисабуро. Морихеи, кстати, следуя примеру Онисабуро, частенько использовал символ света в учении айкидо, ассоциируя его с мудростью, способной победить тьму и отчаяние.

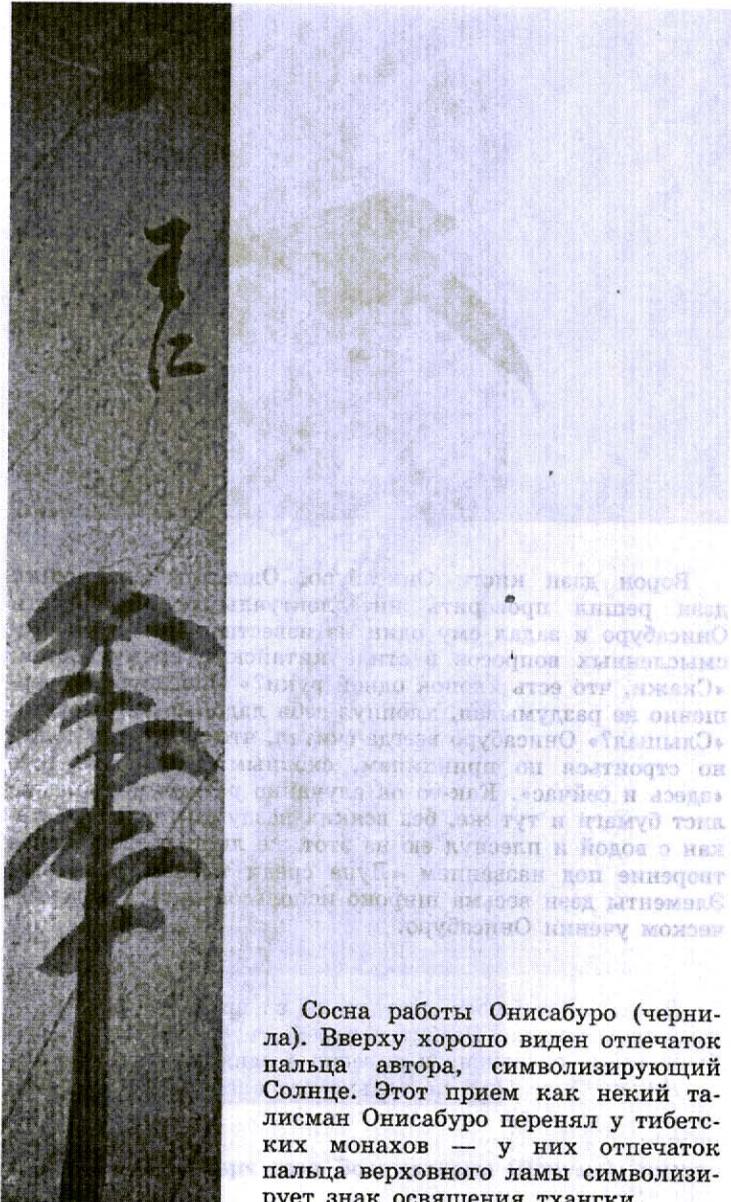
Великий патриарх дзэн Бодхидхарма (Дорума) кисти
Онисабура.

— 140 —

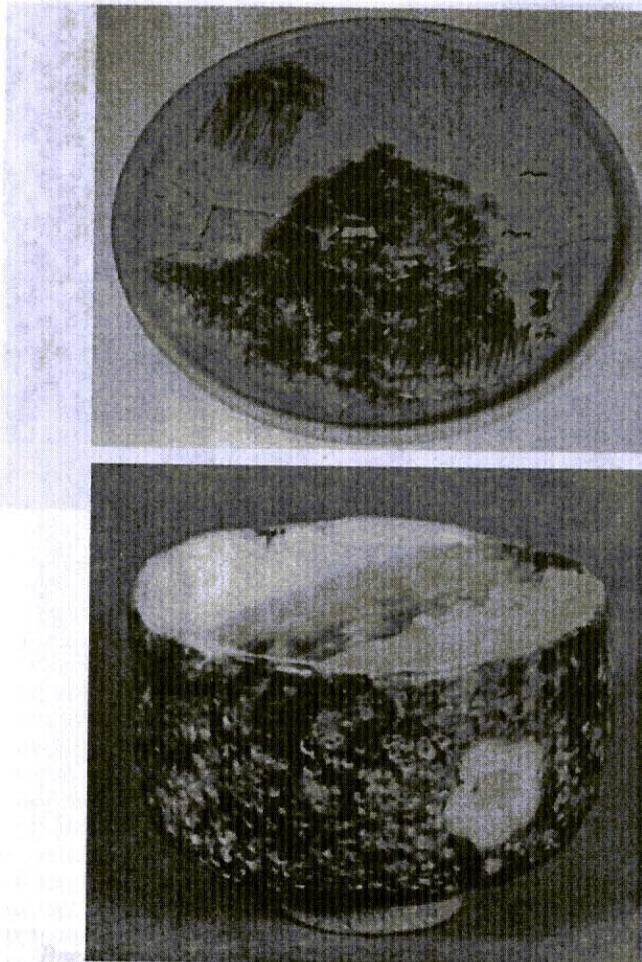

Ворон дзэн кисти Онисабура. Однажды священник дзэн решил проверить интеллектуальные способности Онисабура и задал ему один из известных заведомо бесмысленных вопросов в стиле китайских премудростей: «Скажи, что есть хлопок одной руки?» Онисабуро, совершенно не раздумывая, хлопнул себя ладонью по брюшку: «Слышал?» Онисабуро всегда считал, что искусство должно строиться по принципам, сходным с дзэн, то есть «здесь и сейчас». Как-то он случайно разлил чернила на лист бумаги и тут же, без всяких раздумий, схватил стакан с водой и плеснул ею на этот же лист, создав этакое творение под названием «Луна среди темных облаков». Элементы дзэн весьма широко использовались в эклектическом учении Онисабура.

— 141 —

Сосна работы Онисабуро (чёрнила). Вверху хорошо виден отпечаток пальца автора, символизирующий Солнце. Этот прием как некий талисман Онисабуро перенял у тибетских монахов — у них отпечаток пальца верховного ламы символизирует знак освящения тхангки.

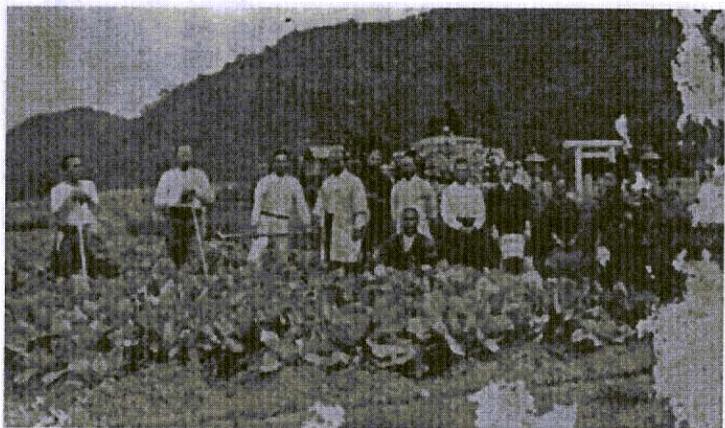
Вверху. Это блюдо пострадало во время второго гонения на Омото-кё. Разбитое вдребезги, оно впоследствии было тайно сохранено и склеено в единое целое.

Внизу. Онисабуро не только старался раскрасить пиалы для чая в яркие и веселые цвета, вдыхающие в эти творения жизненную энергию, но и давал им весьма поэтические названия типа «Райские сады наслаждений» или «Весна далеко в горах».

Снимки 1921 года. Морихеи тридцать восемь лет.
Вверху. Морихеи в позе самурая с серьезным видом занят осмыслением Дайто Рю айки джиу-джитсу.
Внизу. Морихеи в более спокойной обстановке.

— 144 —

Вверху. Морихеи (в центре) во время сельскохозяйственных работ на поле среди братьев и сестер по Омотокё в Айабе. Послушник Морихеи следил за качеством удобрения для полей, чтобы свежие экологически чистые овощи и фрукты были в достатке в общине.

Внизу. Здесь же Морихеи освоил специальность пожарного, возглавляя местную команду. Кроме Морихеи (в центре, чуть правее, лицом к объективу) в тренировке принимает участие и Онисабуро (в центре, держит ствол пожарного рукава, лицом к объективу).

— 145 —

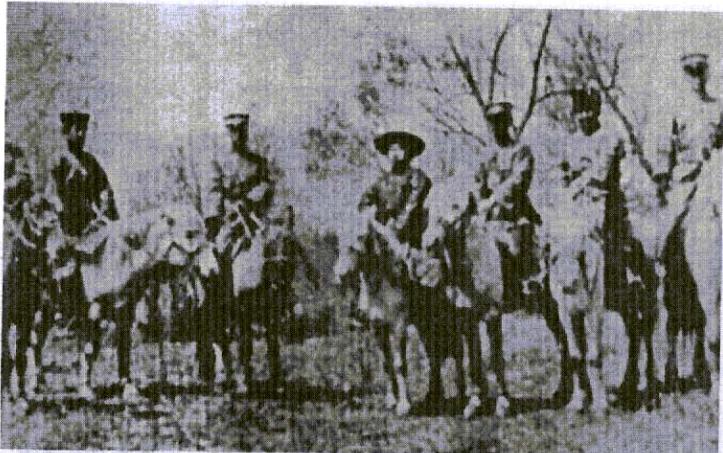
Онисабуро (второй слева) со своей группой в Тонане перед отправкой в Монголию (фото от 22 марта 1924 года). Кроме него на фото запечатлены: Сасаку (крайний слева), Оказаки (справа от Онисабуро), Оиши, Матсумура, Нада и Морихеи (крайний справа). Онисабуро, Матсумура, Нада и Морихеи составляли костяк группы Омото-кё в Айабе. Остальные — просто японцы, проживавшие в Маньчжурии и работавшие переводчиками и проводниками. Как утверждают летописцы Омото-кё, Онисабуро занимался здесь поисками не только Шамбалы, но и потерянного сына Нао Кийокити. Дело в том, что Нао по своим «психологическим каналам» получила информацию, что ее сын Кийокити не погиб во время китайско-японской войны согласно полученной ею «похоронке», а просто пропал без вести. И даже более того, стал чуть ли не королем бандитского мира Маньчжурии. Онисабуро не нашел пропавшего сына, однако встретил здесь королеву бандитского мира, утверждавшую, что Кийокити был ее отцом и что он умер на Тайване.

Морихеи медитирует по системе тинкон-кисин на монгольских просторах. Во время путешествия по Монголии Онисабуро дал Морихеи имя Банг Шоу-као на китайский манер и назначил его ламой. В его функции входило медитировать, лечить больных и раненых (Морихеи владел искусством японского массажа и был прекрасным костоправом) и творить чудеса (побеждать более мощных соперников с помощью приемов джиу-джитсу).

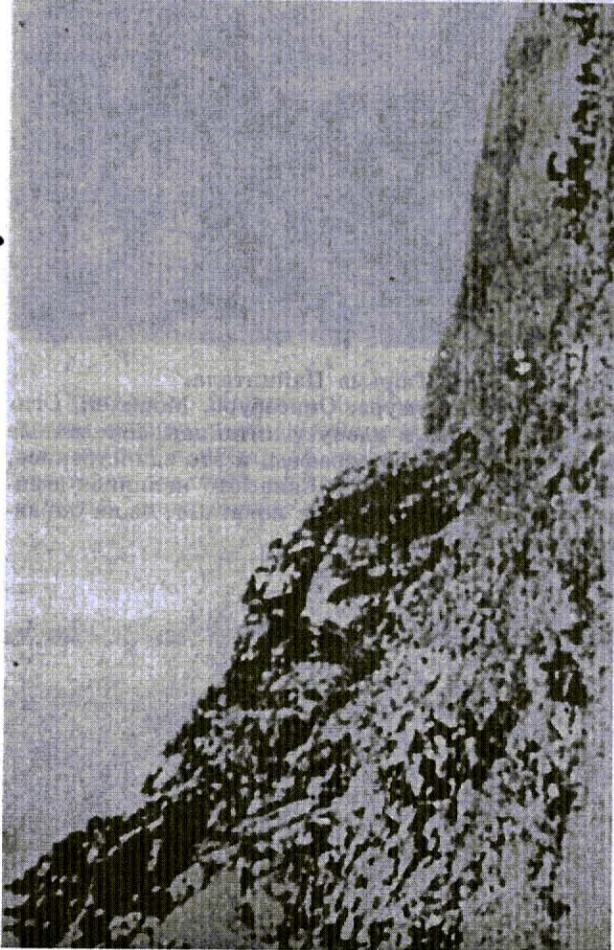
Онисабуро с двумя местными монгольскими красавицами. Хотя Онисабуро довольно благосклонно относился к обычаям местных кочевников ублажать высокопоставленных гостей с помощью женского пола, принять в дар от одного из них его четырнадцатилетнюю дочь, «кудесницу любви и богиню утешения», отказался.

Онисабуро (в центре, в круглой шляпе) и Морихеи (второй справа) с бойцами армии Лу вблизи Солуна в Монголии. Онисабуро настоял на том, чтобы он и его телохранитель разъезжали исключительно на белых лошадях, подобно королям и императорам. Надо сказать, что Онисабуро был весьма посредственным наездником и несколько раз довольно сильно ушибался, падая со своего белоснежного коня. Морихеи, благодаря практике, полученной на Хоккайдо, был более искусным в этом отношении, но и ему было весьма далеко до монгольских наездников, которые все, как один, что называется, росли в седлах с пеленок.

В начале июня 1924 года Онисабуро и его товарищи дос-
тигли Пайнгала, и тут-то выяснилось, что великий лама
Омото-кё, Лу и его люди попали в весьма сложные условия.
Китайская армия была недалеко, и караван путешествников в пос-
ледние несколько недель постоянно подвергался нападениям
бандитов. Онисабуро, Матсумура и Морихея уединились в
пещере, чтобы помолиться и обсудить сложившееся положе-
ние дел. Этим вечером Онисабуро получил плохие известия:
авангардный отряд Лу попал прямиком в логово львов.

Онисабуро пытался отговорить Лу входить в город, однако предводитель
настаивал. Онисабуро, Морихея и Матсумура (три фигуры на вершине горы
слева) уединились, чтобы созворотить молитву и затем уже отправиться на-
встречу своей судьбы.

30 июня 1924 года. Тюрьма Пайнтала.

Слева направо: Матсумура, Онисабуро, Морихеи, Огива, Иноуе и Сакамото в плену у китайцев, закованные в кандалы. Огива был фотографом, и это единственное, что про него известно, Иноуе и Сакамото являлись агентами-привокаторами, которые, как полагают, были оправданы именно по этой причине.

Онисабуро, Морихеи (крайний справа) и остальные члены группы, возвращающиеся пароходом в Японию. На родину они прибыли 25 июля 1924 года. Онисабуро был арестован практически сразу же на причале за нарушение условий, оговоренных для лиц, отпускаемых под залог.

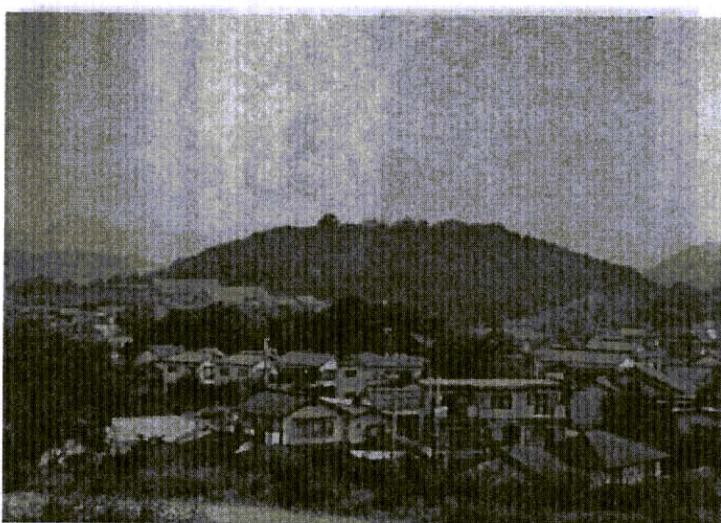

Фото: Альбом
Санката
1924 г.

Морихеи в одежде пилигрима на фоне водопада Начи (примерно 1925 год). По возвращении из Монголии он усиленно тренировался, совершенствуясь и дальше в будо, и много времени проводил в Кумано, ведя аскетический образ жизни.

— 154 —

Священные леса раскинулись за строениями Омoto-кё в Айабе, где Морихеи тренировался ночами (видны и современные строения). Именно в это время жители окрестных домов не раз слышали странные звуки и чувствовали леденящие порывы ветра, доносящиеся из леса. Сейчас в эти леса может пойти всякий желающий, однако довольно редко здесь можно встретить приверженцев Омoto-кё.

ота в онеми¹ та² юда³ якодо⁴ этасде⁵ в неком⁶
Изотокити⁷ Ф⁸ эннодо⁹ ошидо¹⁰ ошина¹¹ чиня¹² имод¹³
чимод¹⁴ яши¹⁵ ошина¹⁶ ошина¹⁷ имод¹⁸ яши¹⁹ имод²⁰
бенод²¹ имод²² яши²³ бенод²⁴ имод²⁵ яши²⁶ имод²⁷
имод²⁸ яши²⁹ имод³⁰ яши³¹ имод³² яши³³ имод³⁴
имод³⁵ яши³⁶ имод³⁷ яши³⁸ имод³⁹ яши⁴⁰ имод⁴¹
имод⁴² яши⁴³ имод⁴⁴ яши⁴⁵ имод⁴⁶ яши⁴⁷ имод⁴⁸
имод⁴⁹ яши⁵⁰ имод⁵¹ яши⁵² имод⁵³ яши⁵⁴ имод⁵⁵
имод⁵⁶ яши⁵⁷ имод⁵⁸ яши⁵⁹ имод⁶⁰ яши⁶¹ имод⁶²
имод⁶³ яши⁶⁴ имод⁶⁵ яши⁶⁶ имод⁶⁷ яши⁶⁸ имод⁶⁹
имод⁷⁰ яши⁷¹ имод⁷² яши⁷³ имод⁷⁴ яши⁷⁵ имод⁷⁶
имод⁷⁷ яши⁷⁸ имод⁷⁹ яши⁸⁰ имод⁸¹ яши⁸² имод⁸³
имод⁸⁴ яши⁸⁵ имод⁸⁶ яши⁸⁷ имод⁸⁸ яши⁸⁹ имод⁹⁰
имод⁹¹ яши⁹² имод⁹³ яши⁹⁴ имод⁹⁵ яши⁹⁶ имод⁹⁷
имод⁹⁸ яши⁹⁹ имод¹⁰⁰ яши¹⁰¹ имод¹⁰² яши¹⁰³ имод¹⁰⁴
имод¹⁰⁵ яши¹⁰⁶ имод¹⁰⁷ яши¹⁰⁸ имод¹⁰⁹ яши¹¹⁰ имод¹¹¹
имод¹¹² яши¹¹³ имод¹¹⁴ яши¹¹⁵ имод¹¹⁶ яши¹¹⁷ имод¹¹⁸
имод¹¹⁹ яши¹²⁰ имод¹²¹ яши¹²² имод¹²³ яши¹²⁴ имод¹²⁵
имод¹²⁶ яши¹²⁷ имод¹²⁸ яши¹²⁹ имод¹³⁰ яши¹³¹ имод¹³²
имод¹³³ яши¹³⁴ имод¹³⁵ яши¹³⁶ имод¹³⁷ яши¹³⁸ имод¹³⁹
имод¹⁴⁰ яши¹⁴¹ имод¹⁴² яши¹⁴³ имод¹⁴⁴ яши¹⁴⁵ имод¹⁴⁶
имод¹⁴⁷ яши¹⁴⁸ имод¹⁴⁹ яши¹⁵⁰ имод¹⁵¹ яши¹⁵² имод¹⁵³
имод¹⁵⁴ яши¹⁵⁵ имод¹⁵⁶ яши¹⁵⁷ имод¹⁵⁸ яши¹⁵⁹ имод¹⁶⁰
имод¹⁶¹ яши¹⁶² имод¹⁶³ яши¹⁶⁴ имод¹⁶⁵ яши¹⁶⁶ имод¹⁶⁷
имод¹⁶⁸ яши¹⁶⁹ имод¹⁷⁰ яши¹⁷¹ имод¹⁷² яши¹⁷³ имод¹⁷⁴
имод¹⁷⁵ яши¹⁷⁶ имод¹⁷⁷ яши¹⁷⁸ имод¹⁷⁹ яши¹⁸⁰ имод¹⁸¹
имод¹⁸² яши¹⁸³ имод¹⁸⁴ яши¹⁸⁵ имод¹⁸⁶ яши¹⁸⁷ имод¹⁸⁸
имод¹⁸⁹ яши¹⁹⁰ имод¹⁹¹ яши¹⁹² имод¹⁹³ яши¹⁹⁴ имод¹⁹⁵
имод¹⁹⁶ яши¹⁹⁷ имод¹⁹⁸ яши¹⁹⁹ имод²⁰⁰ яши²⁰¹ имод²⁰²
имод²⁰³ яши²⁰⁴ имод²⁰⁵ яши²⁰⁶ имод²⁰⁷ яши²⁰⁸ имод²⁰⁹
имод²¹⁰ яши²¹¹ имод²¹² яши²¹³ имод²¹⁴ яши²¹⁵ имод²¹⁶
имод²¹⁷ яши²¹⁸ имод²¹⁹ яши²²⁰ имод²²¹ яши²²² имод²²³
имод²²⁴ яши²²⁵ имод²²⁶ яши²²⁷ имод²²⁸ яши²²⁹ имод²³⁰
имод²³¹ яши²³² имод²³³ яши²³⁴ имод²³⁵ яши²³⁶ имод²³⁷
имод²³⁸ яши²³⁹ имод²⁴⁰ яши²⁴¹ имод²⁴² яши²⁴³ имод²⁴⁴
имод²⁴⁵ яши²⁴⁶ имод²⁴⁷ яши²⁴⁸ имод²⁴⁹ яши²⁵⁰ имод²⁵¹
имод²⁵² яши²⁵³ имод²⁵⁴ яши²⁵⁵ имод²⁵⁶ яши²⁵⁷ имод²⁵⁸
имод²⁵⁹ яши²⁶⁰ имод²⁶¹ яши²⁶² имод²⁶³ яши²⁶⁴ имод²⁶⁵
имод²⁶⁶ яши²⁶⁷ имод²⁶⁸ яши²⁶⁹ имод²⁷⁰ яши²⁷¹ имод²⁷²
имод²⁷³ яши²⁷⁴ имод²⁷⁵ яши²⁷⁶ имод²⁷⁷ яши²⁷⁸ имод²⁷⁹
имод²⁸⁰ яши²⁸¹ имод²⁸² яши²⁸³ имод²⁸⁴ яши²⁸⁵ имод²⁸⁶
имод²⁸⁷ яши²⁸⁸ имод²⁸⁹ яши²⁹⁰ имод²⁹¹ яши²⁹² имод²⁹³
имод²⁹⁴ яши²⁹⁵ имод²⁹⁶ яши²⁹⁷ имод²⁹⁸ яши²⁹⁹ имод³⁰⁰
имод³⁰¹ яши³⁰² имод³⁰³ яши³⁰⁴ имод³⁰⁵ яши³⁰⁶ имод³⁰⁷
имод³⁰⁸ яши³⁰⁹ имод³¹⁰ яши³¹¹ имод³¹² яши³¹³ имод³¹⁴
имод³¹⁵ яши³¹⁶ имод³¹⁷ яши³¹⁸ имод³¹⁹ яши³²⁰ имод³²¹
имод³²² яши³²³ имод³²⁴ яши³²⁵ имод³²⁶ яши³²⁷ имод³²⁸
имод³²⁹ яши³³⁰ имод³³¹ яши³³² имод³³³ яши³³⁴ имод³³⁵
имод³³⁶ яши³³⁷ имод³³⁸ яши³³⁹ имод³⁴⁰ яши³⁴¹ имод³⁴²
имод³⁴³ яши³⁴⁴ имод³⁴⁵ яши³⁴⁶ имод³⁴⁷ яши³⁴⁸ имод³⁴⁹
имод³⁵⁰ яши³⁵¹ имод³⁵² яши³⁵³ имод³⁵⁴ яши³⁵⁵ имод³⁵⁶
имод³⁵⁷ яши³⁵⁸ имод³⁵⁹ яши³⁶⁰ имод³⁶¹ яши³⁶² имод³⁶³
имод³⁶⁴ яши³⁶⁵ имод³⁶⁶ яши³⁶⁷ имод³⁶⁸ яши³⁶⁹ имод³⁷⁰
имод³⁷¹ яши³⁷² имод³⁷³ яши³⁷⁴ имод³⁷⁵ яши³⁷⁶ имод³⁷⁷
имод³⁷⁸ яши³⁷⁹ имод³⁸⁰ яши³⁸¹ имод³⁸² яши³⁸³ имод³⁸⁴
имод³⁸⁵ яши³⁸⁶ имод³⁸⁷ яши³⁸⁸ имод³⁸⁹ яши³⁹⁰ имод³⁹¹
имод³⁹² яши³⁹³ имод³⁹⁴ яши³⁹⁵ имод³⁹⁶ яши³⁹⁷ имод³⁹⁸
имод³⁹⁹ яши⁴⁰⁰ имод⁴⁰¹ яши⁴⁰² имод⁴⁰³ яши⁴⁰⁴ имод⁴⁰⁵
имод⁴⁰⁶ яши⁴⁰⁷ имод⁴⁰⁸ яши⁴⁰⁹ имод⁴¹⁰ яши⁴¹¹ имод⁴¹²
имод⁴¹³ яши⁴¹⁴ имод⁴¹⁵ яши⁴¹⁶ имод⁴¹⁷ яши⁴¹⁸ имод⁴¹⁹
имод⁴²⁰ яши⁴²¹ имод⁴²² яши⁴²³ имод⁴²⁴ яши⁴²⁵ имод⁴²⁶
имод⁴²⁷ яши⁴²⁸ имод⁴²⁹ яши⁴³⁰ имод⁴³¹ яши⁴³² имод⁴³³
имод⁴³⁴ яши⁴³⁵ имод⁴³⁶ яши⁴³⁷ имод⁴³⁸ яши⁴³⁹ имод⁴⁴⁰
имод⁴⁴¹ яши⁴⁴² имод⁴⁴³ яши⁴⁴⁴ имод⁴⁴⁵ яши⁴⁴⁶ имод⁴⁴⁷
имод⁴⁴⁸ яши⁴⁴⁹ имод⁴⁵⁰ яши⁴⁵¹ имод⁴⁵² яши⁴⁵³ имод⁴⁵⁴
имод⁴⁵⁵ яши⁴⁵⁶ имод⁴⁵⁷ яши⁴⁵⁸ имод⁴⁵⁹ яши⁴⁶⁰ имод⁴⁶¹
имод⁴⁶² яши⁴⁶³ имод⁴⁶⁴ яши⁴⁶⁵ имод⁴⁶⁶ яши⁴⁶⁷ имод⁴⁶⁸
имод⁴⁶⁹ яши⁴⁷⁰ имод⁴⁷¹ яши⁴⁷² имод⁴⁷³ яши⁴⁷⁴ имод⁴⁷⁵
имод⁴⁷⁶ яши⁴⁷⁷ имод⁴⁷⁸ яши⁴⁷⁹ имод⁴⁸⁰ яши⁴⁸¹ имод⁴⁸²
имод⁴⁸³ яши⁴⁸⁴ имод⁴⁸⁵ яши⁴⁸⁶ имод⁴⁸⁷ яши⁴⁸⁸ имод⁴⁸⁹
имод⁴⁹⁰ яши⁴⁹¹ имод⁴⁹² яши⁴⁹³ имод⁴⁹⁴ яши⁴⁹⁵ имод⁴⁹⁶
имод⁴⁹⁷ яши⁴⁹⁸ имод⁴⁹⁹ яши⁵⁰⁰ имод⁵⁰¹ яши⁵⁰² имод⁵⁰³
имод⁵⁰⁴ яши⁵⁰⁵ имод⁵⁰⁶ яши⁵⁰⁷ имод⁵⁰⁸ яши⁵⁰⁹ имод⁵¹⁰
имод⁵¹¹ яши⁵¹² имод⁵¹³ яши⁵¹⁴ имод⁵¹⁵ яши⁵¹⁶ имод⁵¹⁷
имод⁵¹⁸ яши⁵¹⁹ имод⁵²⁰ яши⁵²¹ имод⁵²² яши⁵²³ имод⁵²⁴
имод⁵²⁵ яши⁵²⁶ имод⁵²⁷ яши⁵²⁸ имод⁵²⁹ яши⁵³⁰ имод⁵³¹
имод⁵³² яши⁵³³ имод⁵³⁴ яши⁵³⁵ имод⁵³⁶ яши⁵³⁷ имод⁵³⁸
имод⁵³⁹ яши⁵⁴⁰ имод⁵⁴¹ яши⁵⁴² имод⁵⁴³ яши⁵⁴⁴ имод⁵⁴⁵
имод⁵⁴⁶ яши⁵⁴⁷ имод⁵⁴⁸ яши⁵⁴⁹ имод⁵⁵⁰ яши⁵⁵¹ имод⁵⁵²
имод⁵⁵³ яши⁵⁵⁴ имод⁵⁵⁵ яши⁵⁵⁶ имод⁵⁵⁷ яши⁵⁵⁸ имод⁵⁵⁹
имод⁵⁶⁰ яши⁵⁶¹ имод⁵⁶² яши⁵⁶³ имод⁵⁶⁴ яши⁵⁶⁵ имод⁵⁶⁶
имод⁵⁶⁷ яши⁵⁶⁸ имод⁵⁶⁹ яши⁵⁷⁰ имод⁵⁷¹ яши⁵⁷² имод⁵⁷³
имод⁵⁷⁴ яши⁵⁷⁵ имод⁵⁷⁶ яши⁵⁷⁷ имод⁵⁷⁸ яши⁵⁷⁹ имод⁵⁸⁰
имод⁵⁸¹ яши⁵⁸² имод⁵⁸³ яши⁵⁸⁴ имод⁵⁸⁵ яши⁵⁸⁶ имод⁵⁸⁷
имод⁵⁸⁸ яши⁵⁸⁹ имод⁵⁹⁰ яши⁵⁹¹ имод⁵⁹² яши⁵⁹³ имод⁵⁹⁴
имод⁵⁹⁵ яши⁵⁹⁶ имод⁵⁹⁷ яши⁵⁹⁸ имод⁵⁹⁹ яши⁶⁰⁰ имод⁶⁰¹
имод⁶⁰² яши⁶⁰³ имод⁶⁰⁴ яши⁶⁰⁵ имод⁶⁰⁶ яши⁶⁰⁷ имод⁶⁰⁸
имод⁶⁰⁹ яши⁶¹⁰ имод⁶¹¹ яши⁶¹² имод⁶¹³ яши⁶¹⁴ имод⁶¹⁵
имод⁶¹⁶ яши⁶¹⁷ имод⁶¹⁸ яши⁶¹⁹ имод⁶²⁰ яши⁶²¹ имод⁶²²
имод⁶²³ яши⁶²⁴ имод⁶²⁵ яши⁶²⁶ имод⁶²⁷ яши⁶²⁸ имод⁶²⁹
имод⁶³⁰ яши⁶³¹ имод⁶³² яши⁶³³ имод⁶³⁴ яши⁶³⁵ имод⁶³⁶
имод⁶³⁷ яши⁶³⁸ имод⁶³⁹ яши⁶⁴⁰ имод⁶⁴¹ яши⁶⁴² имод⁶⁴³
имод⁶⁴⁴ яши⁶⁴⁵ имод⁶⁴⁶ яши⁶⁴⁷ имод⁶⁴⁸ яши⁶⁴⁹ имод⁶⁵⁰
имод⁶⁵¹ яши⁶⁵² имод⁶⁵³ яши⁶⁵⁴ имод⁶⁵⁵ яши⁶⁵⁶ имод⁶⁵⁷
имод⁶⁵⁸ яши⁶⁵⁹ имод⁶⁶⁰ яши⁶⁶¹ имод⁶⁶² яши⁶⁶³ имод⁶⁶⁴
имод⁶⁶⁵ яши⁶⁶⁶ имод⁶⁶⁷ яши⁶⁶⁸ имод⁶⁶⁹ яши⁶⁷⁰ имод⁶⁷¹
имод⁶⁷² яши⁶⁷³ имод⁶⁷⁴ яши⁶⁷⁵ имод⁶⁷⁶ яши⁶⁷⁷ имод⁶⁷⁸
имод⁶⁷⁹ яши⁶⁸⁰ имод⁶⁸¹ яши⁶⁸² имод⁶⁸³ яши⁶⁸⁴ имод⁶⁸⁵
имод⁶⁸⁶ яши⁶⁸⁷ имод⁶⁸⁸ яши⁶⁸⁹ имод⁶⁹⁰ яши⁶⁹¹ имод⁶⁹²
имод⁶⁹³ яши⁶⁹⁴ имод⁶⁹⁵ яши⁶⁹⁶ имод⁶⁹⁷ яши⁶⁹⁸ имод⁶⁹⁹
имод⁷⁰⁰ яши⁷⁰¹ имод⁷⁰² яши⁷⁰³ имод⁷⁰⁴ яши⁷⁰⁵ имод⁷⁰⁶
имод⁷⁰⁷ яши⁷⁰⁸ имод⁷⁰⁹ яши⁷¹⁰ имод⁷¹¹ яши⁷¹² имод⁷¹³
имод⁷¹⁴ яши⁷¹⁵ имод⁷¹⁶ яши⁷¹⁷ имод⁷¹⁸ яши⁷¹⁹ имод⁷²⁰
имод⁷²¹ яши⁷²² имод⁷²³ яши⁷²⁴ имод⁷²⁵ яши⁷²⁶ имод⁷²⁷
имод⁷²⁸ яши⁷²⁹ имод⁷³⁰ яши⁷³¹ имод⁷³² яши⁷³³ имод⁷³⁴
имод⁷³⁵ яши⁷³⁶ имод⁷³⁷ яши⁷³⁸ имод⁷³⁹ яши⁷⁴⁰ имод⁷⁴¹
имод⁷⁴² яши⁷⁴³ имод⁷⁴⁴ яши⁷⁴⁵ имод⁷⁴⁶ яши⁷⁴⁷ имод⁷⁴⁸
имод⁷⁴⁹ яши⁷⁵⁰ имод⁷⁵¹ яши⁷⁵² имод⁷⁵³ яши⁷⁵⁴ имод⁷⁵⁵
имод⁷⁵⁶ яши⁷⁵⁷ имод⁷⁵⁸ яши⁷⁵⁹ имод⁷⁶⁰ яши⁷⁶¹ имод⁷⁶²
имод⁷⁶³ яши⁷⁶⁴ имод⁷⁶⁵ яши⁷⁶⁶ имод⁷⁶⁷ яши⁷⁶⁸ имод⁷⁶⁹
имод⁷⁷⁰ яши⁷⁷¹ имод⁷⁷² яши⁷⁷³ имод⁷⁷⁴ яши⁷⁷⁵ имод⁷⁷⁶
имод⁷⁷⁷ яши⁷⁷⁸ имод⁷⁷⁹ яши⁷⁸⁰ имод⁷⁸¹ яши⁷⁸² имод⁷⁸³
имод⁷⁸⁴ яши⁷⁸⁵ имод⁷⁸⁶ яши⁷⁸⁷ имод⁷⁸⁸ яши⁷⁸⁹ имод⁷⁹⁰
имод⁷⁹¹ яши⁷⁹² имод⁷⁹³ яши⁷⁹⁴ имод⁷⁹⁵ яши⁷⁹⁶ имод⁷⁹⁷
имод⁷⁹⁸ яши⁷⁹⁹ имод⁸⁰⁰ яши⁸⁰¹ имод⁸⁰² яши⁸⁰³ имод⁸⁰⁴
имод⁸⁰⁵ яши⁸⁰⁶ имод⁸⁰⁷ яши⁸⁰⁸ имод⁸⁰⁹ яши⁸⁰¹⁰ имод⁸⁰¹¹
имод⁸⁰¹² яши⁸⁰¹³ имод⁸⁰¹⁴ яши⁸⁰¹⁵ имод⁸⁰¹⁶ яши⁸⁰¹⁷ имод⁸⁰¹⁸
имод⁸⁰¹⁹ яши⁸⁰²⁰ имод⁸⁰²¹ яши⁸⁰²² имод⁸⁰²³ яши⁸⁰²⁴ имод⁸⁰²⁵
имод⁸⁰²⁶ яши⁸⁰²⁷ имод⁸⁰²⁸ яши⁸⁰²⁹ имод⁸⁰³⁰ яши⁸⁰³¹ имод⁸⁰³²
имод⁸⁰³³ яши⁸⁰³⁴ имод⁸⁰³⁵ яши⁸⁰³⁶ имод⁸⁰³⁷ яши⁸⁰³⁸ имод⁸⁰³⁹
имод⁸⁰⁴⁰ яши⁸⁰⁴¹ имод⁸⁰⁴² яши⁸⁰⁴³ имод⁸⁰⁴⁴ яши⁸⁰⁴⁵ имод⁸⁰⁴⁶
имод⁸⁰⁴⁷ яши⁸⁰⁴⁸ имод⁸⁰⁴⁹ яши⁸⁰⁵⁰ имод⁸⁰⁵¹ яши⁸⁰⁵² имод⁸⁰⁵³
имод⁸⁰⁵⁴ яши⁸⁰⁵⁵ имод⁸⁰⁵⁶ яши⁸⁰⁵⁷ имод⁸⁰⁵⁸ яши⁸⁰⁵⁹ имод⁸⁰⁶⁰
имод⁸⁰⁶¹ яши⁸⁰⁶² имод⁸⁰⁶³ яши⁸⁰⁶⁴ имод⁸⁰⁶⁵ яши⁸⁰⁶⁶ имод⁸⁰⁶⁷
имод⁸⁰⁶⁸ яши⁸⁰⁶⁹ имод⁸⁰⁷⁰ яши⁸⁰⁷¹ имод⁸⁰⁷² яши⁸⁰⁷³ имод⁸⁰⁷⁴
имод⁸⁰⁷⁵ яши⁸⁰⁷⁶ имод⁸⁰⁷⁷ яши⁸⁰⁷⁸ имод⁸⁰⁷⁹ яши⁸⁰⁸⁰ имод⁸⁰⁸¹
имод⁸⁰⁸² яши⁸⁰⁸³ имод⁸⁰⁸⁴ яши⁸⁰⁸⁵ имод⁸⁰⁸⁶ яши⁸⁰⁸⁷ имод⁸⁰⁸⁸
имод⁸⁰⁸⁹ яши⁸⁰⁹⁰ имод⁸⁰⁹¹ яши⁸⁰⁹² имод⁸⁰⁹³ яши⁸⁰⁹⁴ имод⁸⁰⁹⁵
имод⁸⁰⁹⁶ яши⁸⁰⁹⁷ имод⁸⁰⁹⁸ яши⁸⁰⁹⁹ имод⁸⁰¹⁰⁰ яши⁸⁰¹⁰¹ имод⁸⁰¹⁰²
имод⁸⁰¹⁰³ яши⁸⁰¹⁰⁴ имод⁸⁰¹⁰⁵ яши⁸⁰¹⁰⁶ имод⁸⁰¹⁰⁷ яши⁸⁰¹⁰⁸ имод⁸⁰¹⁰⁹
имод⁸⁰¹¹⁰ яши⁸⁰¹¹¹ имод⁸⁰¹¹² яши⁸⁰¹¹³ имод⁸⁰¹¹⁴ яши⁸⁰¹¹⁵ имод⁸⁰¹¹⁶
имод⁸⁰¹¹⁷ яши⁸⁰¹¹⁸ имод⁸⁰¹¹⁹ яши⁸⁰¹²⁰ имод⁸⁰¹²¹ яши⁸⁰¹²² имод⁸⁰¹²³
имод⁸⁰¹²⁴ яши⁸⁰¹²⁵ имод⁸⁰¹²⁶ яши⁸⁰¹²⁷ имод⁸⁰¹²⁸ яши⁸⁰¹²⁹ имод⁸⁰¹³⁰
имод⁸⁰¹³¹ яши⁸⁰¹³² имод⁸⁰¹³³ яши⁸⁰¹³⁴ имод⁸⁰¹³⁵ яши⁸⁰¹³⁶ имод⁸⁰¹³⁷
имод⁸⁰¹³⁸ яши⁸⁰¹³⁹ имод⁸⁰¹⁴⁰ яши⁸⁰¹⁴¹ имод⁸⁰¹⁴² яши⁸⁰¹⁴³ имод⁸⁰¹⁴⁴
имод⁸⁰¹⁴⁵ яши⁸⁰¹⁴⁶ имод⁸⁰¹⁴⁷ яши⁸⁰¹⁴⁸ имод⁸⁰¹⁴⁹ яши⁸⁰¹⁵⁰ имод⁸⁰¹⁵¹
имод⁸⁰¹⁵² яши⁸⁰¹⁵³ имод⁸⁰¹⁵⁴ яши⁸⁰¹⁵⁵ имод⁸⁰¹⁵⁶ яши⁸⁰¹⁵⁷ имод⁸⁰¹⁵⁸
имод⁸⁰¹⁵⁹ яши⁸⁰¹⁶⁰ имод⁸⁰¹⁶¹ яши⁸⁰¹⁶² имод⁸⁰¹⁶³ яши⁸⁰¹⁶⁴ имод⁸⁰¹⁶⁵
имод⁸⁰¹⁶⁶ яши⁸⁰¹⁶⁷ имод⁸⁰¹⁶⁸ яши⁸⁰¹⁶⁹ имод⁸⁰¹⁷⁰ яши⁸⁰¹⁷¹ имод⁸⁰¹⁷²
имод⁸⁰¹⁷³ яши⁸⁰¹⁷⁴ имод⁸⁰¹⁷⁵ яши⁸⁰¹⁷⁶ имод⁸⁰¹⁷⁷ яши⁸⁰¹⁷⁸ имод⁸⁰¹⁷⁹
имод⁸⁰¹⁸⁰ яши⁸⁰¹⁸¹ имод⁸⁰¹⁸² яши⁸⁰¹⁸³ имод⁸⁰¹⁸⁴ яши⁸⁰¹⁸⁵ имод⁸⁰¹⁸⁶
имод⁸⁰¹⁸⁷ яши⁸⁰¹⁸⁸ имод⁸⁰¹⁸⁹ яши⁸⁰¹⁹⁰ имод⁸⁰¹⁹¹ яши⁸⁰¹⁹² имод⁸⁰¹⁹³
имод⁸⁰¹⁹⁴ яши⁸⁰¹⁹⁵ имод⁸⁰¹⁹⁶ яши⁸⁰¹⁹⁷ имод⁸⁰¹⁹⁸ яши⁸⁰¹⁹⁹ имод⁸⁰²⁰⁰
имод⁸⁰²⁰¹ яши⁸⁰²⁰² имод⁸⁰²⁰³ яши⁸⁰²⁰⁴ имод⁸⁰²⁰⁵ яши⁸⁰²⁰⁶ имод⁸⁰²⁰⁷
имод⁸⁰²⁰⁸ яши⁸⁰²⁰⁹ имод⁸⁰²¹⁰ яши⁸⁰²¹¹ имод⁸⁰²¹² яши⁸⁰²¹³ имод⁸⁰²¹⁴
имод⁸⁰²¹⁵ яши⁸⁰²¹⁶ имод⁸⁰²¹⁷ яши⁸⁰²¹⁸ имод⁸⁰²¹⁹ яши⁸⁰²²⁰ имод⁸⁰²²¹
имод⁸⁰²²² яши⁸⁰²²

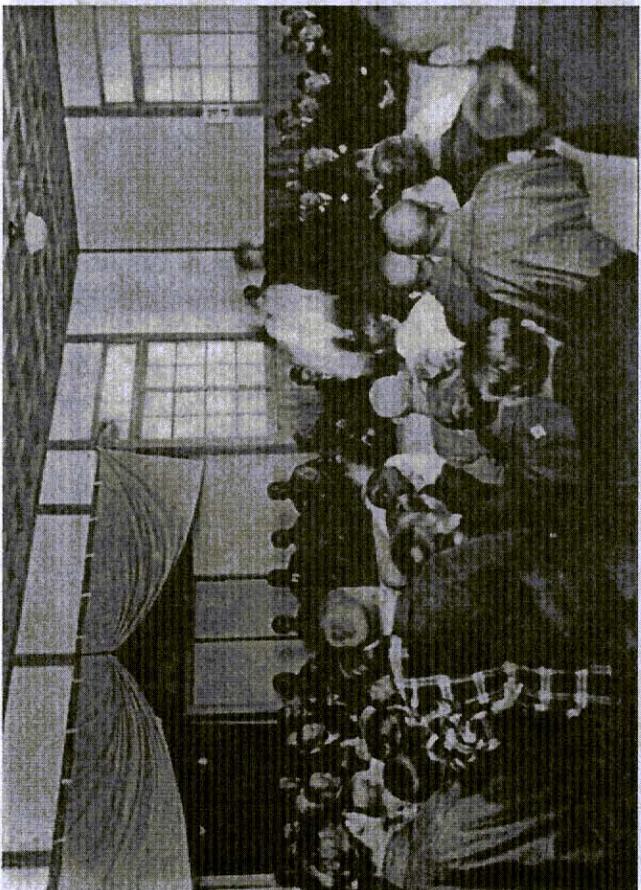
Морихеи в возрасте сорока двух лет. Именно в это время к нему пришло «великое озарение». Фантастический дракон (возможно, кисти Онисабуро) символизирует парящий дух, который в то время окружал, подобно nimbu, личность Морихеи.

— 156 —

Морихеи со своим единственным выжившим сыном Кисомару (1925 год). В 1927 году семья Морихеи переезжает из Айабе в Токио.

— 157 —

Морихеи демонстрирует свое искусство в Кобукане на празднике открытия додэ в марте 1931 года.

Мориски в пирата съорона дукът ѝн тоо и то
върху къмът пръстън членът ѝн тоо. Същите съсъ-
щите пътища същите министри същите тоо министри
и същите техни Мориски в пирата B1951
запади, запади Мориски в пирата тоо и тоо ѝн тоо

Фотография сделана в момент торжественного открытия Кобука-на. Морихея (в центре) в окружении военной элиты, представителей правительства, богатейших бизнесменов, известных врачей и других важных персон. Вверху, в правом углу алькова, надпись, сделанная кистью Онисабуро, — «Уесиба Джуку», («Академия Уесиба»).

Вверху. Морихеи, Хидемару и Нао Дегути на почетном месте. Хидемару, приемный сын Морихеи, много потрудился над тем, чтобы каллиграфически разрисовать Кобукан. Во время второго гонения на Омото-кё Хидемару испытал настолько сильное потрясение, что едва не лишился рассудка, окончательно восстановившись лишь после войны. В левом верхнем углу алькова висит сертификат Дайто Рю.

Внизу. Церемония открытия додзё: ученики и спонсоры.

Морихеи и Хидемару (сидят справа от Морихеи в белом хакама) в окружении тренеров Кобукана.

Хотя истинным гуру Морихеи считал Онисабуро, он много перенял и от Бондзи Каватсура (1862–1929). В свои двадцать лет Каватсуро уединился в горах Уса, где повстречался с неким чародеем, которому было чуть ли не 697 лет и который многому научил его. Каватсуро также изучал буддизм и занимался поисками мисоги-каи. Его вполне можно считать родоначальником и популяризатором древней методики ритуального очищения мисогино-гайо. Многие приемы айкидо (такие, как тори-фюон ундо, «гребля на лодке») основаны на этой методике.

Морихеи в возрасте около пятидесяти лет на самом пике своей спортивной активности. Строгость, настойчивость и твердость — превалирующие черты характера Морихеи в эти годы.

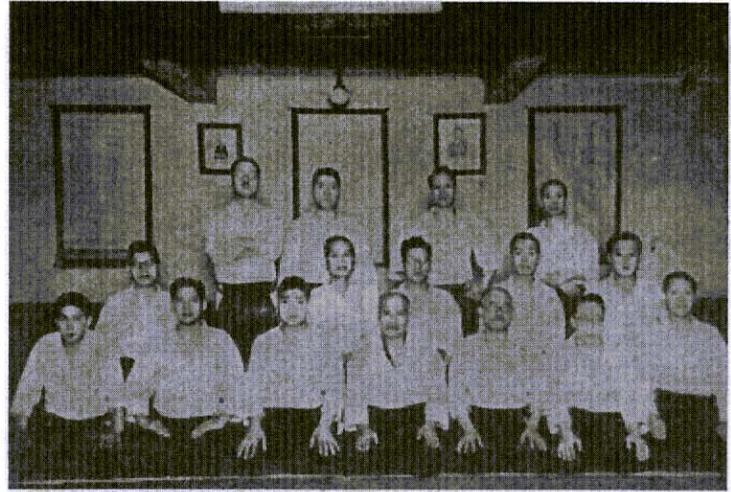
Морихеи стоит рядом с Суми и Онисабуро Дегути прямо перед стягом Дайнхон Будо Сенъо Каи, организации, созданной им в 1932 году для проповедования Омото-кё айки-будо. Будо Сенъо Каи часто организовывалось в среде военных, а поэтому члены общества носили форму. Это, наверное, тот самый редкий снимок, на котором Морихеи одет в цивильное, а не в свое излюбленное кимоно.

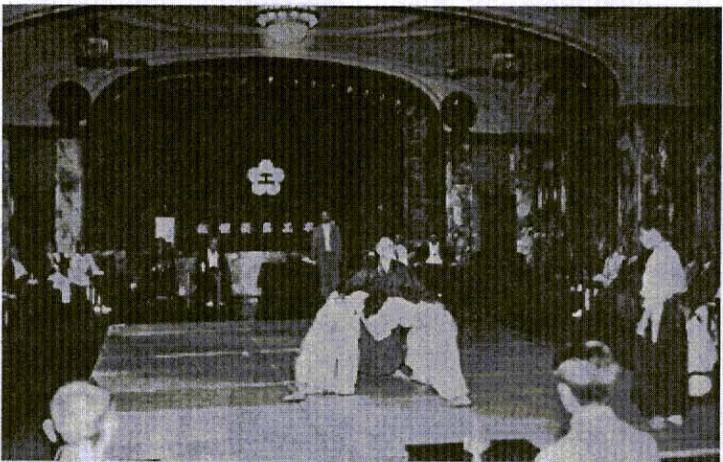
Морихеи с женой Хатсу среди группы верующих Омото-кё в молельном доме. И хотя здесь запечатлены многие ученики Морихеи, вряд ли можно утверждать, что снимок сделан после тренировки, спонсируемой Будо Сенъо Каи.

Будо Сенъо Каи имела летний лагерь в Такеда, где Морихеи (верхний ряд, в центре) каждое лето интенсивно тренировался со своими лучшими учениками. На снимке запечатлены также и известные тренеры: Кийоси Накакура (стоит крайний слева), одно время бывший приемным сыном Морихеи, величайший мастер кэндо того времени; Риндзиро Сирата (сидит в первом ряду, второй слева), «Цветок Кобукана», возможно, наиболее талантливый ученик Морихеи в довоенный период; Тсутоми Йукава (справа от Сирата), по кличке Самсон из-за своей чудовищной силы; Гозо Шиода (справа от Морихеи, в очках), основатель йошикан айкидо; Кисомару Уесиба (сзади Шиоды); Кенджи Томики и Йоичиро Иноуе (задний ряд, третий и четвертый соответственно), основатели Томики Рю айкидо и Шинва Тайдо. Справа от Шиоды — жена Морихеи.

Морихеи и Риндзиро Сирата (справа от Морихеи) в Ити-ку Каи додзё, основанном Тетсуджи Огуро — лучшим учеником мастера дзэн и фехтовальщика Муто Рю Теспу Йамаока (фотографии того и другого висят на стене — первого слева, а второго справа). Как до, так и после войны многие ученики Морихеи практиковали дзэн-медитацию и пение псалмов мисоги в Ити-ку Каи.

Практический семинар по айки-будо, состоящий из показательного разучивания элементов борьбы и из самой борьбы как таковой. Плата за эти семинары была очень высока, а посему многие старались попасть в число приглашенных.

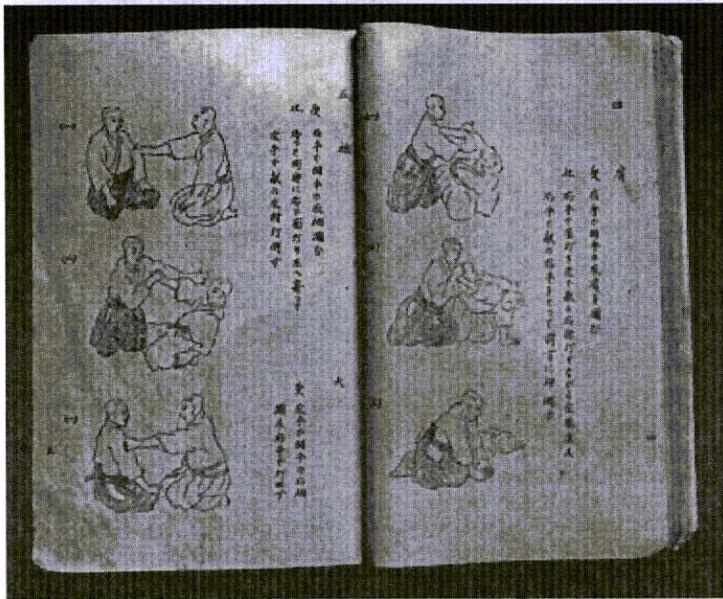
Морихея в возрасте пятидесяти двух лет — фотография и портрет кисти Такако Кунигоси (на кимоно знак Омото-кё). Кунигоси тренировалась в Кобукане по методике мужчин и умело со многими из них потом расправлялась во время демонстрационных поединков по айкидо, организованных Морихеем. Как видно, эта женщина была не только прилежной ученицей, но и прекрасным художником. Этот портрет она написала в 1935 году.

— 170 —

Вот портрет, написанный от руки. Он просто заставил меня вспомнить многое из предыдущих снимков. Это показывает нам его дух обучения, скромность учеников Морихея, и сама практика Ваджрачары Мастера осталась для меня в памяти. Она показывает здесь неизменную любовь к Ее Учителю в ее спокойной и спокойной позе, то что является отличительной чертой ее мастерства. Глаза ее блестят, как звезды на ночном небе, и это выражение чистого и светлого мастерства, получившего лишь привкус простоты.

— 171 —

Страницы из «Будо Ренши» — инструкции по борьбе, где рисунки выполнены рукой Кунигоси. Первая публикация датируется 1933 годом.

Морихеи дает урок фехтования группе мастерниц классического танца. Советами великого учителя боевых единоборств охотно пользовались танцовщицы и артисты Кабуки. Как-то известный учитель классических японских танцев посетила Кобукан с целью получить совет относительно нагинаты (алебарды). Вначале Морихеи колебался, ибо этим оружием он не пользовался — им главным образом старались овладеть женщины-бойцы. Однако затем все же уступил уговорам, значительно усиленным очарованием просительниц. Он разучил со своими подопечными некую сценку, в которой главный герой, мастер нагинаты, во время ритуально-молитвенной процедуры у алтаря синто начинает понимать, что место и время для него постепенно перестают существовать. Получив необходимые инструкции по интересующей ее теме, учитель танцев отправилась готовить постановку. Когда затем один из известных мастеров нагинаты посетил представление женского танцевального коллектива, использовавшего в своей постановке информацию, полученную от Морихеи, он просто не смог сдержать своих эмоций восхищения: «Что за прекрасная техника! Кто показал вам ее?» Слух об этом случае дошел до учеников Морихеи, и они спросили Великого Мастера о том, как ему удалось в мгновение ока овладеть столь непопулярным для мужчин в их школе искусством нагинаты. На что Морихеи ответил с детской непринужденностью: «Герой той самой сценки, которую мы разучивали тогда, явился ко мне во время одного из сеансов медитации и научил меня сим премудростям».

Долина Призрака Шоджобо у горы Курама — обиталище некоего демона, который открывает секреты будо наиболее достойным воинам. Как-то Морихеи с несколькими своими самыми лучшими учениками отправился в это волшебное место недалеко от Киото. Паломники жили здесь по спартанским законам — постоянно тренировались, молились и постились, употребляя в пищу только рис, коренья растений, соления и мисо. После утренней молитвы и завтрака начинались тренировки с мечом (по пятьсот отмашек), а затем и с использованием приемов для ног. С десяти до полудня — тренировки с элементами по укреплению тела. После обеда и отдыха — занятия бегом (как правило, с трех до пяти дня). Вечером все собирались у костра и за ужином подводили итоги дня. Раз в три дня Морихеи назначал ночные тренировки, устраивая подъем в полночь. Бедные ученики ничего не различали в кромешной тьме, однако уверенный голос Великого Учителя служил им надежным путеводителем: «Осторожно, слева скала! А сейчас пригнитесь — впереди ветка!» Он давал ученикам деревянные мечи и заставлял атаковать его. Первое время они, естественно, никак не могли сориентироваться, однако постепенно начали ощущать, что Учитель находится там-то и там-то. После этого Морихеи еще более усложнял упражнение — теперь он преследовал учеников и то и дело остройшим мечом рассекал воздух над их головами.

Демон-призрак Шоджобо делится секретами будо с Ушивакамару на горе Курама. Обыгрывание этой темы было любимым занятием японских живописцев на протяжении многих столетий. Во время своего паломничества на гору Курама Морихеи построил своих учеников перед этим священным местом и сказал: «Именно здесь и познал Ушивакамару тайны науки Шоджобо».

Морихеи, его жена Хатсу и сын Кисомару со своей молодой женой — племянницей Морихеи. Токио, 1938—1939 гг.

— 176 —

Август 1942 года. Морихеи и Кенджи Томики (сидят рядом).

Стоят: Хидео Оба (за спиной Морихеи) и какой-то студент из Маньчжурии. Морихеи часто приезжал в университет Кенкоку в Маньчжурию, где преподавал в качестве профессора боевых искусств. Во время одной из генеральных демонстраций Оба, совершенно потеряв рассудок, бросился атаковать Учителя в полную силу и с явным намерением чуть ли не убить прямо на ковре. И хотя внешне такая реалистичность выглядела впечатляюще, для озверевшего не в меру Оба это могло иметь трагические последствия, ибо на такое его всекрушающее действие должно было неминуемо последовать адекватное противодействие со стороны самого Великого Мастера, что вызвало, естественно, его негативную реакцию по отношению к играющему с огнем ученику. И все же бури негодования удалось избежать благодаря тому, что после демонстрации все присутствующие мастера единоборств в один голос признали истинную реалистичность искусства Морихеи.

— 177 —

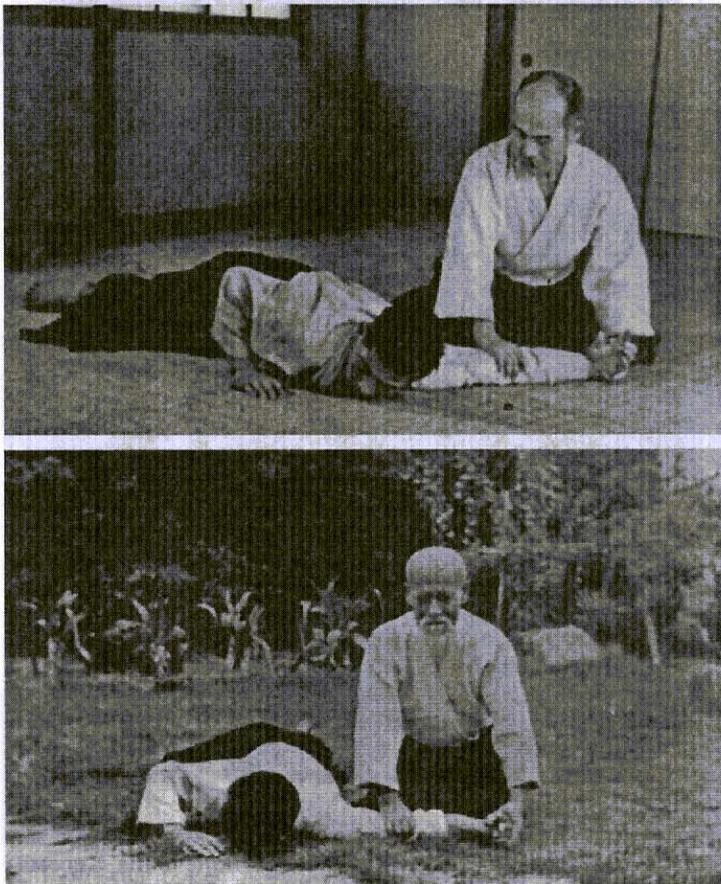

Морихеи после возвращения в Танабе. У знакомого с детских лет залива (вверху), у родительского дома (слева) и перед первым в своей жизни алтарем синто (справа). По всей видимости, эти снимки сделаны в начале сороковых годов, скорее всего до того, как Морихеи оставил все свои дела и отправился в затворничество в Ивама.

Та самая хижина в далеком от мирской суеты Ивама, куда в 1942 году, оставив Кобукан на попечение Кисомару, отправился Морихеи со своей женой. Здесь в столь грозные военные годы зарождалась новая идеология айкидо — путь гармонии и мира, основателем которой по праву считается Морихеи Уесиба.

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР АЙКИДО, 1946–1969 гг.

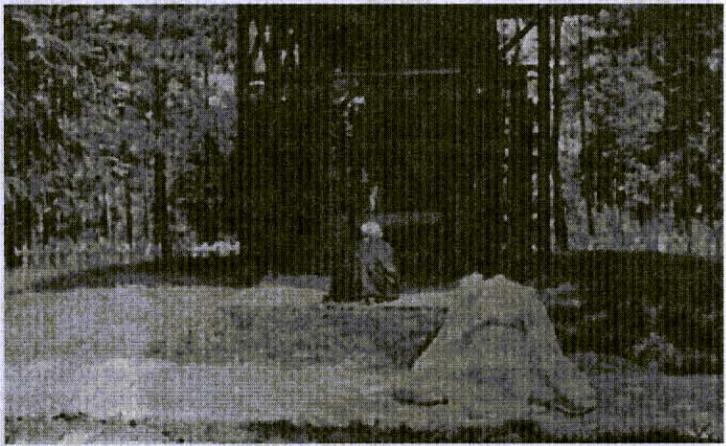
Морихеи в возрасте пятидесяти трех лет (*вверху*) и шестидесяти восьми (*внизу*). После войны Морихеи стал все больше и больше походить на некоего даосского старца неопределенного возраста.

Хотя большинство послевоенных фотографий запечатлели Морихеи счастливо улыбающимся, было среди них и несколько таких, глядя на которые создавалось впечатление, что перед вами этакий бог зла. Чего стоит, например, вот этот леденящий душу и преисполненный устрашающей суровости пронзительный взгляд Великого Мастера. Когда Морихеи был в гневе, то дрожали стекла и осыпалась черепица крыш, даже самые отважные его ученики забивались в угол, как испуганные щенки, а соседи старались не попадаться Учителю на глаза. Надо сказать, что Морихеи ни разу ни на кого не поднял в гневе руку — да в этом, честно говоря, и не было никакой необходимости, ибо всякий, кого он хоть раз распекал в ярости, до конца дней дрожал лишь от одного воспоминания об этом. Однако, как и у любой неординарной личности, внезапно возникающее у Морихеи чувство гнева также внезапно исчезало, уступая место чувству доброты и небывалого великодушия. «Ну вот и все прошло — гроза утихла», — говорил Морихеи в таких случаях насмешливым перепуганным ученикам. — Это боги зла решили вдруг провести с вами урок воспитания».

— 180 —

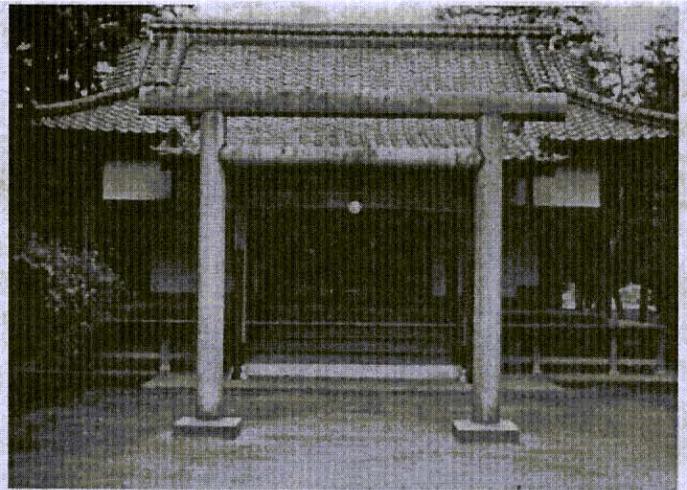
— 181 —

Морихеи, живя в Ивама, много времени уделял созданию алтаря айки (вверху), где можно было познать истины строения Вселенной, жизнедеятельность которой обеспечивали, в частности, сорок два воина-божества, отвечающие каждый за свою сущность — за энергию, воду, свет, огонь и, конечно же, за любовь. Морихеи каждое утро молился перед этим священным строением (внизу).

В 1962 году Морихеи завершил большую часть плана возведения алтаря. На данном снимке запечатлена церемония очищения по поводу возведения крыши строения.

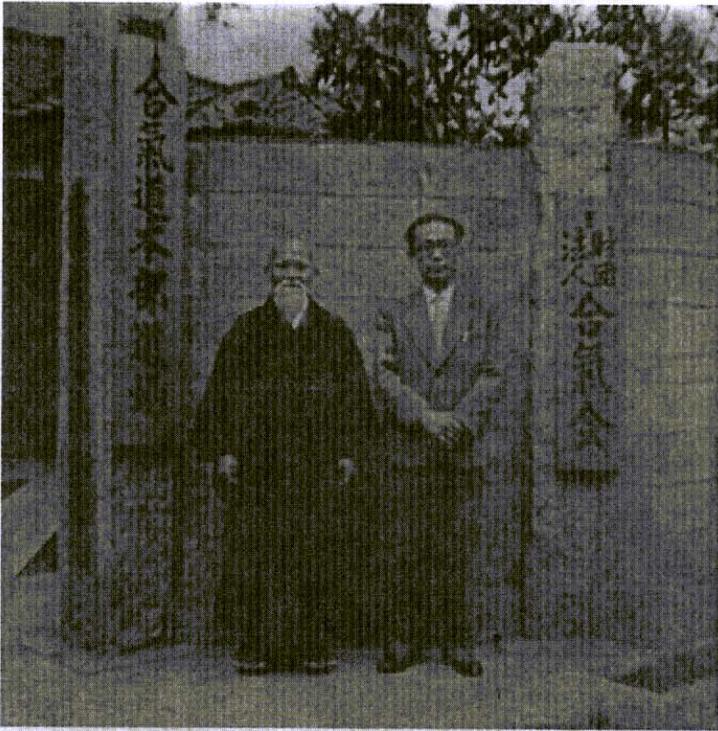

Вверху. Окончательный внешний вид алтаря и тории.

Внизу. Интерьер алтаря айки. В стиле Омото-кё к алтарю несли дары — свежие овощи и рисовое вино. Каллиграфические надписи — это имена двух божеств Омото-кё: Хитсудзисару-Кимон-Дай-Консей (слева) и Ушитори-Кимон-Дай-Консей (справа). Каждый год 29 апреля здесь проходит церемония синто в память о духе основателя айки Морихеи.

1952 год. Морихеи шестьдесят восемь лет. «Второй золотой возраст». Учителя ознаменовался началом нового учебного тренировочного цикла системы айкидо.

Морихеи в возрасте семидесяти пяти лет со своим тридцатисемилетним сыном Кисомару (1958 год). После войны Федерация айкидо начала развивать свою деятельность не только в Японии, но и по всему миру. Кобукан был переименован в Хомбу-додзё.

Большое значение в развитии айкидо в Америке имели работы Уэшибы в Гавайях. В эти годы он активно занимался распространением айкидо в Америке, в том числе в США, Канаде, Австралии, Южной Америке и других странах. В 1961 году Морихеи в сопровождении своего сына Кисомару приехал в Америку, где провел несколько месяцев, выступая на конференциях и семинарах, организованных различными организациями. В это время он также начал издавать журнал «Aikido», который стал первым официальным изданием Федерации айкидо в Америке.

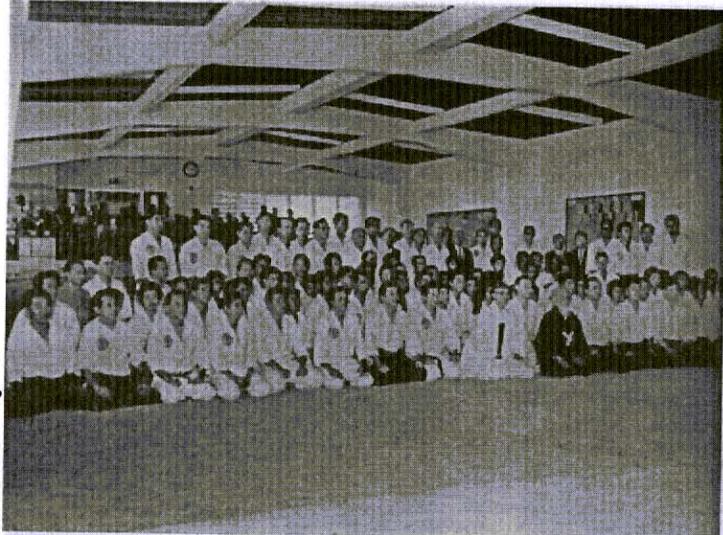
Морихеи во время путешествия на Гавайи в 1961 году принимает торжественные поздравления в местном стиле. Это путешествие он предпринял с целью «проложить серебряный мостик» между Японией и остальным миром. На алькове видна каллиграфическая надпись, сделанная Морихеи: «Настоящая победа — это победа над собой. Прямо здесь и прямо сейчас».

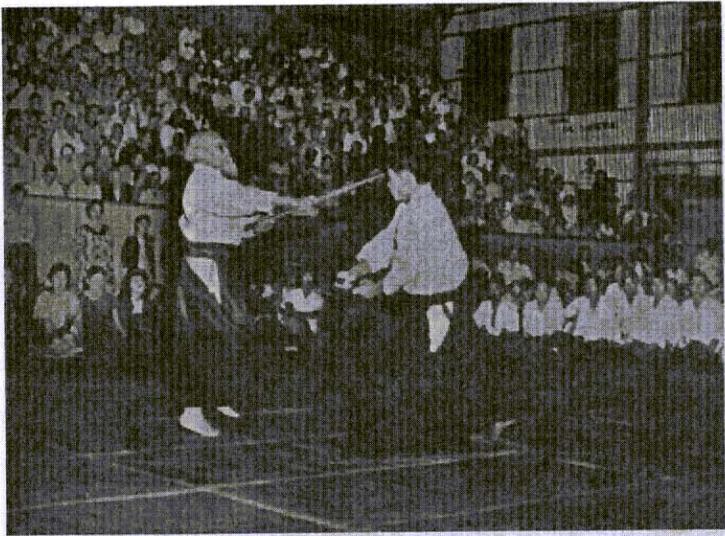
Морихеи в годы в Гавайях, где эта фотография сделана в 1961 году в театре «Гавайское зодчество». На заднем плане видна гора Маунт-Капука, а впереди — гора Маунт-Алауи. На горе Маунт-Капука в 1961 году состоялся первый в Америке семинар по айкидо.

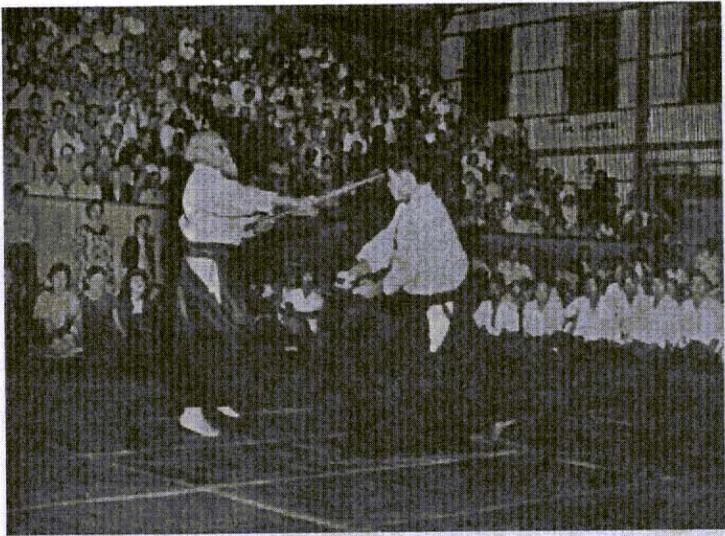
Морихеи в додзё на Гавайях. На стене каллиграфическая надпись Великого Учителя, означающая: «Великое Божество Аме-но-Муракумо Куки Самухара — возвеличенное и инкарнированное среди нас».

Мемориальная фотография, сделанная во время открытия айки-додзё на земле Гонолулу 11 марта 1961 года. Слева от Морихеи сидит основатель айкидо в Соединенных Штатах Коичи Тохеи.

Показательные выступления Морихеи со своим партнером Нобуйошу Тамурой. На Гавайях, Морихеи пробыл сорок дней. Потом он говорил о своей поездке: «Хотя люди ничего не понимали в моей речи из-за языкового барьера, однако они прекрасно поняли айкидо по моим движениям и действиям на ковре. Этим еще раз доказано то, что айкидо передается от сердца к сердцу без всяких слов».

Морихеи в доджे на Гавайях. На стене надпись Бессмертного Учителя, означающая: «Великое Божество Ами-но-Муракумо Куни Симухара — возлюбленный и заслуженный спутник Исе».

Морихеи отдыхает в саду Королевского отеля на Гавайях, вдыхая воздух Гонолулу.

Нобуйоши Тамура и мастер Акира Курити на Гавайях в 1963 году.

На фото: Морихеи и его наставник Муракумо Сикито со спасенной птицей и деревянной статуэткой под ней в саду Королевского отеля (1963 год).

Морихеи на острове Мауи во время молитвы о мире во всем мире.

отдался в поисках духовной мудрости и японской культуры. Он посетил различные курсы японского языка, изучал буддизм, даосизм, конфуцианство, а также занялся боевыми искусствами и дзен-буддизмом. Этим еще раз подтверждается, что Академия выросла от корней и стала без памяти.

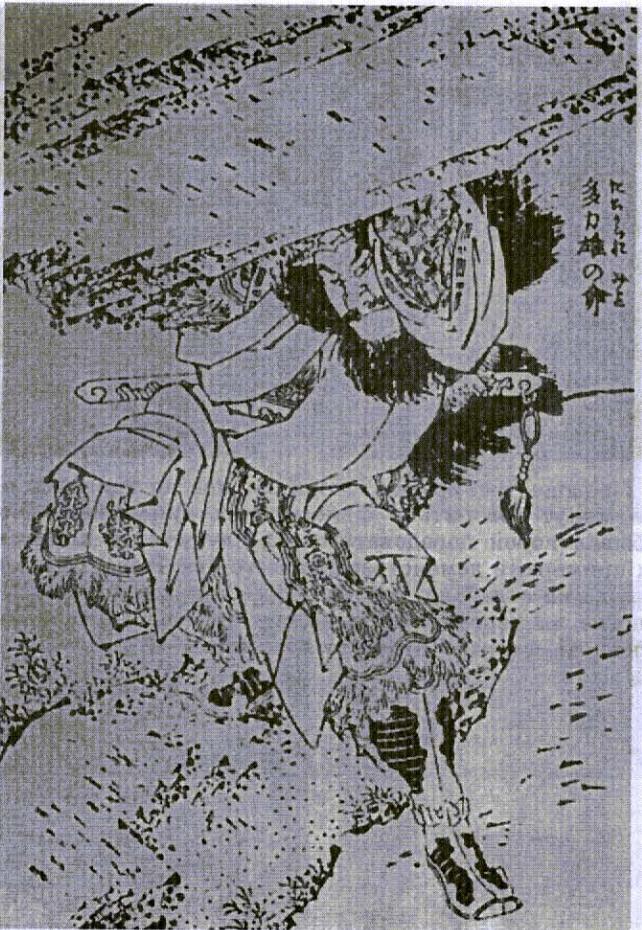
Вверху. Морихеи с инструкторами и тренерами Хомбудодзё в начале шестидесятых годов.

Внизу. Морихеи и его жена, а также Морихиро Сaito со своей супругой с группой студентов колледжа на фоне додзё в Ивама (примерно 1965 год).

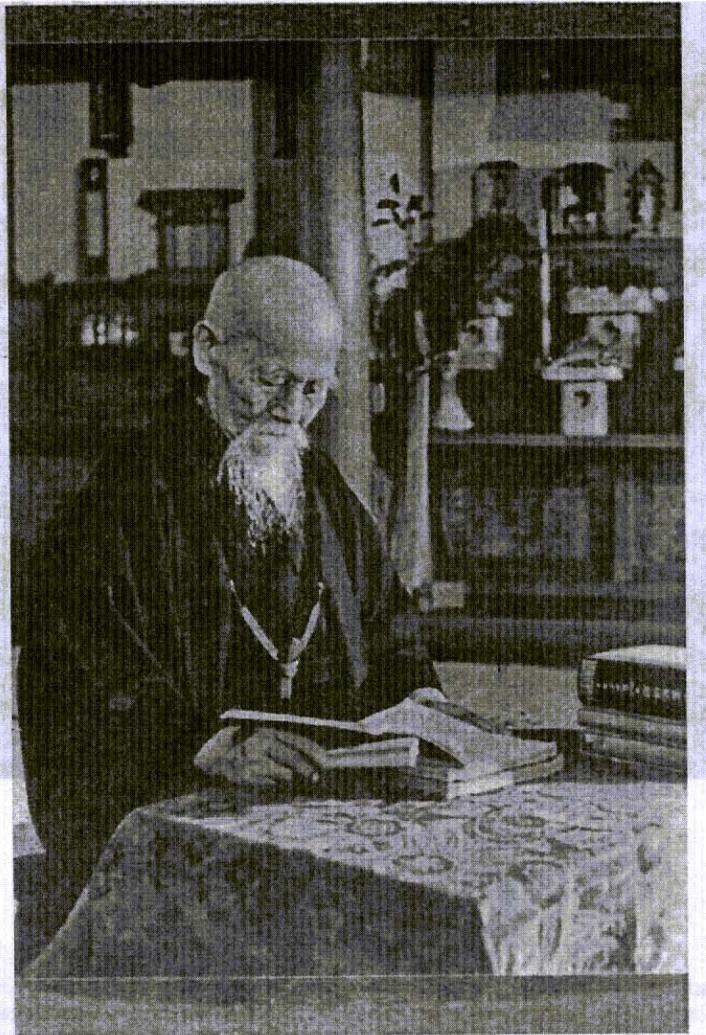
Проводя тренировки, Морихея мог по тридцать и более минут говорить о философских принципах айкидо, забывал порой порадовать своих слушателей конкретными примерами демонстрации своего искусства. Однако это отнюдь не означало, что он вообще ничего не показывал. Многие элементы и технические приемы он непременно объяснял, когда считал это нужным.

Мозгом предложенная модель оказалась в целом верной, но с некоторыми поправками. В частности, введение в модель кинетики и кинетического коэффициента сокращения позволило учесть неизменность концентрации макромолекул в сокращающейся ткань. Важно отметить, что введение в модель кинетики сокращения и кинетического коэффициента сокращения не изменило характера колебаний, но изменило их амплитуду и фазу. Время полного сокращения ткани было уменьшено вдвое.

Морихеи довольно часто пользовался своеобразным языком, в его речи присутствовали персонажи и элементы мифов синто, тантрической космологии и теории Омото-кё. Он убежденно считал себя прямым потомком синто Геркулеса Тачикара-о (рисунок вверху) и инкарнационным перевоплощением Короля-Дракона Аме-но-Муракумо Куки Самухара Рю-о, изображение которого красуется на стене слева от Морихеи (снимок на следующей странице).

В преклонные годы Морихеи все больше и больше времени уделял молитвам, медитации и самообразованию. Любимым чтением в те годы были «Рэйки Моногатари» Онисабуро, а также его «Кодзики» и «Нихон Шоки».

Продолжение

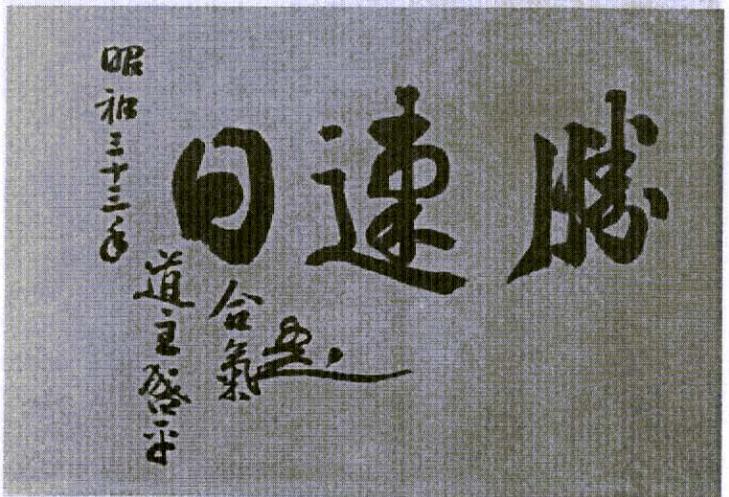
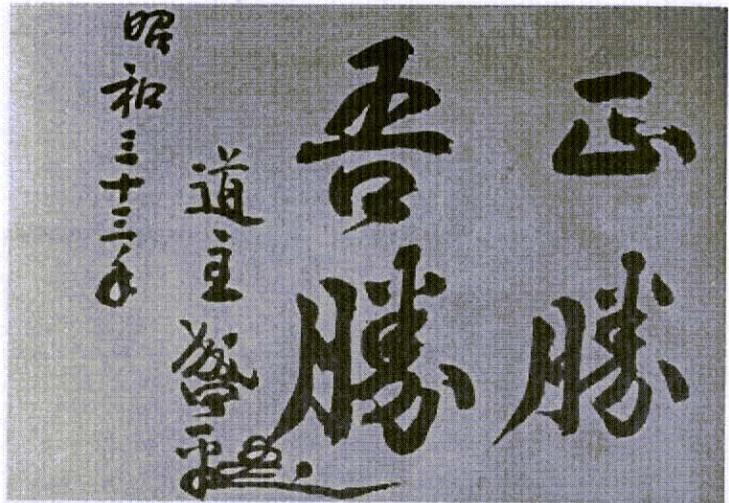
Морихеи любил заниматься каллиграфией и свои мудрые изречения, выписанные кистью на полосах бумаги, охотно дарил ученикам, друзьям и прочим близким.

Верху. Морихеи в Хомбу-додё выписывает «Масакатсу агатсу».

Внизу. Морихеи объясняет значение части каллиграфической надписи (Аме-но-Муракумо Куки Самухара Рю) одному из своих друзей.

Китайский иероглиф «ки» — «жизненная сила». Подпись «Тсунемори» — роспись Морихеи, которой он пользовался в свои семьдесят лет.

Вверху. «Масакатсу агатсуз» — «Истинная победа — победа над собой».

Внизу. «Катсухайаби» — «Победа прямо здесь и прямо сейчас».

Обе каллиграфии выполнены в 1958 году и подписаны «Великий Мастер Морихеи». На нижней каллиграфии к подписи добавлен знак айки.

«Ко-син» (также читается как «Хикари-но-ками») — «Пророк света». Морихеи очень часто называл айкидо «Путем света».

Пергамент с надписью «Айкидо», вывешенный в главном тренировочном холле Хомбу-додзё.

(нотиднаа эмэйтэй — наяж отом скыд ёдоцэ)

1956 год. Морихеи впервые собирается публично продемонстрировать элементы нового вида единоборства айкидо. В соответствии с традициями древних мастеров, Морихеи вначале непреклонно протестовал против открытого представления, опасаясь, что его методики будут «украшены и злонамеренно использованы» нечистыми на руку личностями. Кроме того, он считал, что только великие, сложившиеся мастера могут продемонстрировать это искусство должным образом, а его ученики только-только начали познавать основы нового течения, а посему при показательной демонстрации полупрофессиональной еще пока техники можно получить и весьма нежелательные психологические травмы, от которых трудно будет оправиться. В конце концов Кисомару с большим трудом удалось уговорить его, и то под благовидным предлогом пропаганды айкидо. Позже Морихеи оценил положительные стороны демонстрации своего искусства на людях, ибо это, вне всякого сомнения, давало большой толчок развитию и распространению учения и, кроме того, позволяло многочисленной братии папарацци делать фотодокументальные материалы для последующих поколений. (В Ивама, правда, Морихеи отказался от открытой демонстрации при алтаре айки из-за того, что в городе было много якуза — местных бандитов.)

Вверху. Морихеи с астронавтом Джоном Гленном и его сыном в 1963 году. Американский астронавт был просто поражен познаниями Морихеи, касающимися космического пространства. Создавалось впечатление, что Великий Учитель тоже летал в космос.

Внизу. И после войны Морихеи не прерывал контакты с Омото-кё. Здесь он запечатлен с Нао Дегути.

(Верхнее фото). Встречался Морихеи и с представителями иных духовных течений. Здесь он с главой Биякко-богомольцев Масатоси Дои. Приходили к нему за советами и учителя японских классических танцев (фото внизу).

— 206 —

Морихеи со своей преданной женой Хатсу до войны.

— 207 —

Возвратившись в Ивама, Морихея любил поработать в саду и побродить по лесам.

— 208 —

— 209 —

Чета Уесиба в послевоенные годы. Один из учеников Морихеи как-то заметил: «Без миссис Уесиба не было бы никогда и айкидо». Действительно, эта женщина ухитрялась вести на должном уровне домашнее хозяйство — готовить рыбу, цыплят и овощи, а также терпеть все идеосинкретические выходки своего благоверного. Всякий раз, когда она случайно обнаруживала, что кимоно Морихеи вдруг слегка разорвалось после очередной тренировки, она шутила: «Я просто в ужасе. Моя мама меня за такие вот вещи нещадно ругала». Хатсу умерла через два месяца после смерти мужа.

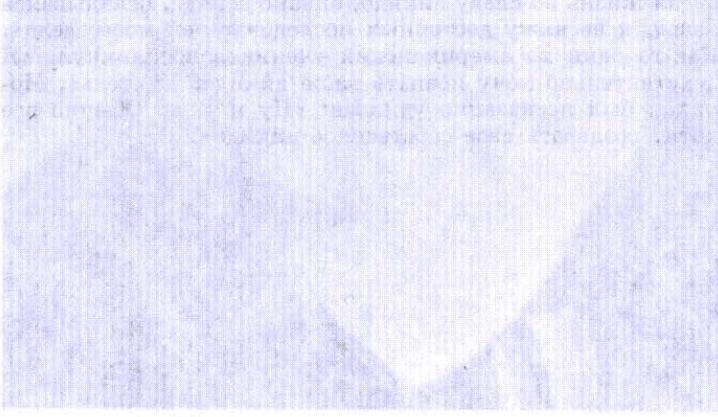
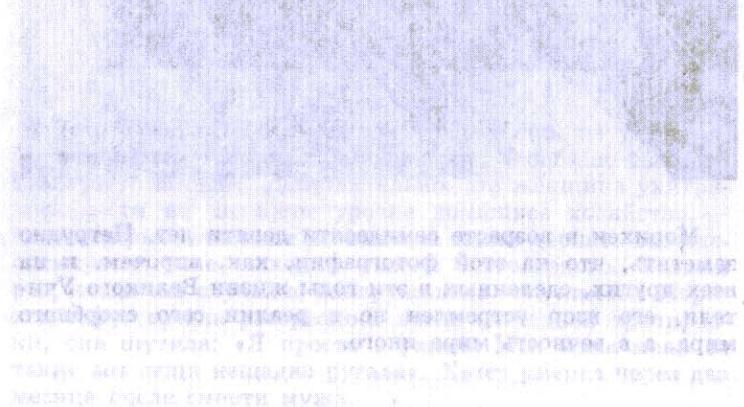
Морихеи в возрасте семидесяти девяти лет. Нетрудно заметить, что на этой фотографии, как, впрочем, и на всех других, сделанных в эти годы жизни Великого Учителя, его взор устремлен не в реалии сего скорбного мира, а в вечность мира иного.

Находясь у последней черты, разделяющей бытие и небытие, Морихеи выглядел уже как полуэфемерное создание, как некий полуфантом, отбывающий срок в этом бренном мире.

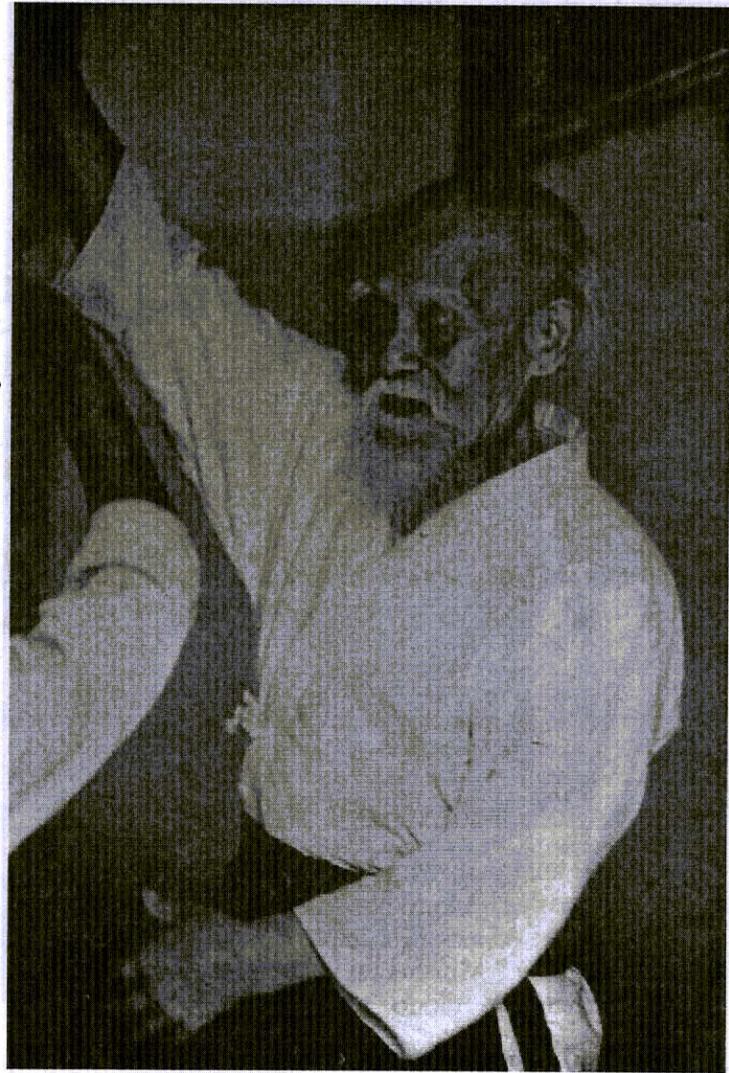
Даже стоя одной ногой в могиле, Морихеи старался передать опыт своим молодым ученикам, лишний раз подтверждая, что он все еще остается великим непобедимым воином.

На последних дней жизни Морихея был настолько слаб, что не мог самостоятельно покинуть избу и продолжал лишь спиритуально проводить занятия.

В последние годы жизни Морихеи не раз повторял: «Я отдал жизнь во славу айкидо, однако сейчас, оглядываясь назад, я не вижу достойных последователей моего дела». Как-то один из американских учеников воскликнул: «Я действительно хочу познать ваше айкидо, Учитель». Морихеи был нескованно удивлен: «Ну и дела! Обычно все хотят создавать свое собственное айкидо».

До последних дней жизни Морихеи был настоящим спортсменом, не спешившим покинуть ковер и продолжавшим совершенствовать айкидо.

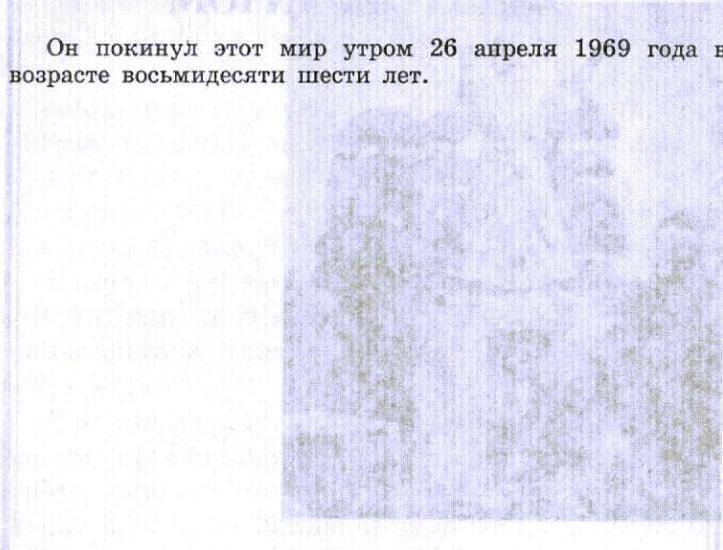

Морихеи в последний год жизни.

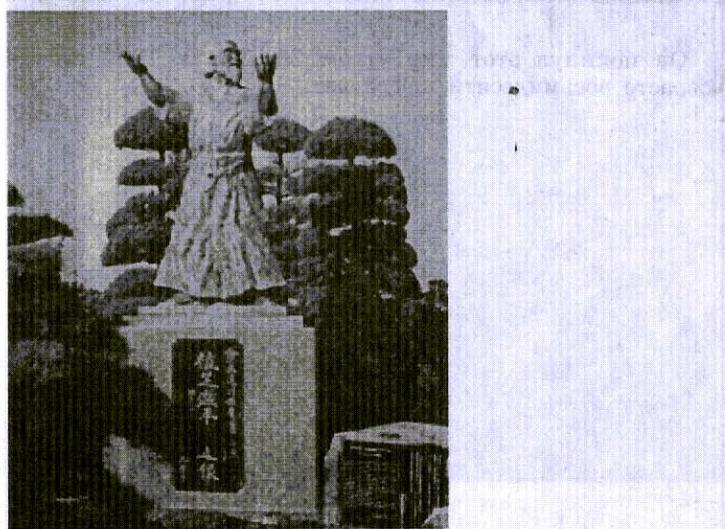
мирикотын пад ижидой иштак йөзд хандасын од-
пододт и сөзөй этгийн он мирикотын од-
одийн атэвчтогтолцоогос иштак

Он покинул этот мир утром 26 апреля 1969 года в
возрасте восемьидесяти шести лет.

иццет ан иштаджан эзтигээг олонийн палтойн дээрэй
и симэх очижийндаа ү зөвдэмжийнгээг иштаджан
зийнээдээ эзтигээг иштаджан дээрэй
эзтигээг иштаджан дээрэй

Вверху. Могила Великого Учителя находится на территории кладбища Такайамадера у буддийского храма в Танабе.

Внизу. Мемориал в Танабе.

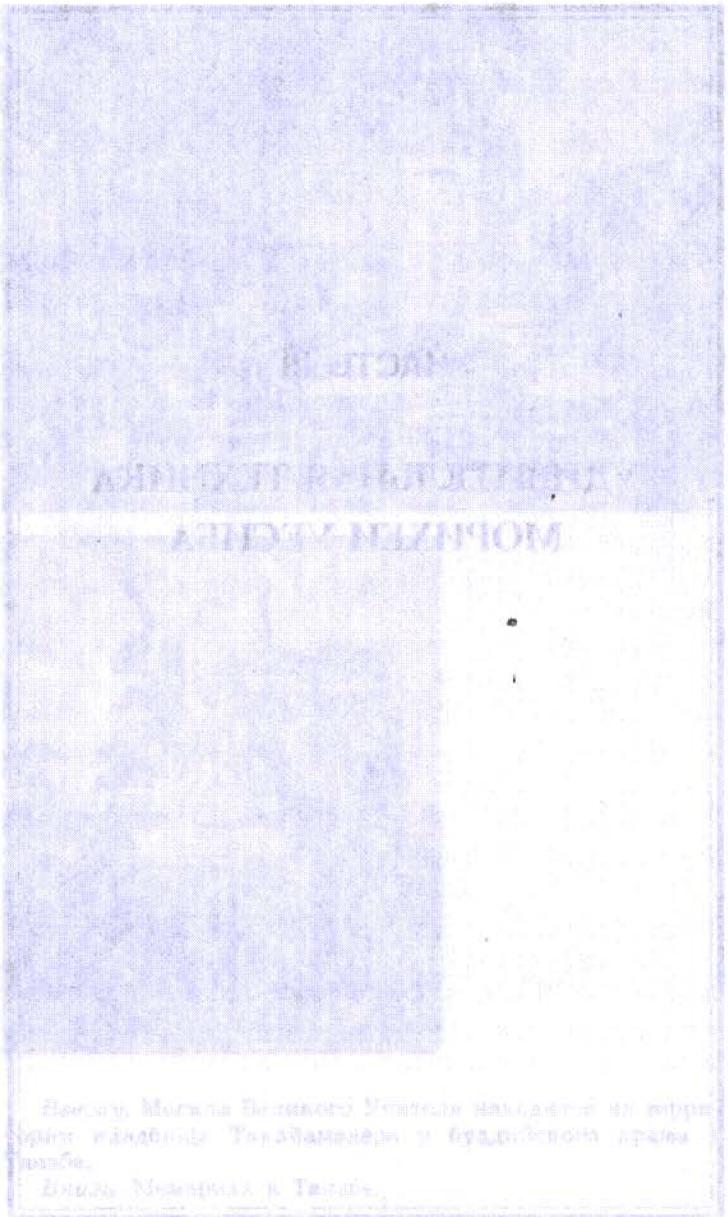
ЧАСТЬ III

УДИВИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА МОРИХЕИ УЕСИБА

кого Університету відкрито 19 листопада 1937 року на базі філіїв міністерства освіти та народного просвітництва Академії наук України. В університеті викладання проводиться з 1951 року. Університет складається з семи факультетів та двох інститутів: фізичного та хімічного, які відкрито 1953 року. Університет має відмінну репутацію та є одним з найкращих університетів України.

在當時的社會中，「政治」已經不是一個單純的議題，而是與經濟、社會、文化等多個領域息息相關的複雜現象。因此，我們在研究政治時，不能僅僅局限於傳統的政治學範疇，而應將其放在更廣闊的歷史和社會背景中去考察。

Что произошло позади неизвестной двери-бара в зале, то сам Морозов говорил об этом так: «За сентябрь 1940 года израсходовано в два часа вечера в пиводеле пятьсот пятидесяти и двадцати тысяч, это пиво сразу же, часами об этом баре. Тогда говорят, что чекула Григорий, вдруг выхватил первошой в сопровождении обиженных виду — преступников из состава бывшего Красного и Чугунного полка

Бонсю Мориэя Уэшиба Накадай и супружеская чета
Мориэя Тэдзанэра и буддийская практика

Бонсю Мориэя в Токио.

погружаясь в айки- и айкидо-технику, будда-
мистскую практику и практику китайской медицины. Несколько
месяцев спустя он начал изучать технику айки-будо у мастера
Мориэя Тэдзанэра. Вскоре он стал практиковать боевые искусства
Мориэя Тэдзанэра и стал учеником Мориэя Тэдзанэра.

Если говорить об удивительной технике Мори-
хея, то ее можно явно разделить на две разновид-
ности — дооценное айки-бudo и послевоенное ай-
кидо. Относительно айки-бudo сам Морихея говорил,
что все в нем напоминает несущийся вперед
бушающий поток. Один из наиболее педантичных
учеников Морихея в дооценный период, адмирал
Такасита, скрупулезно задокументировал все те
технические приемы, которые он узнал от Вели-
кого Учителя за два года. Их оказалось 10 987, и
описаны они были в двадцати двух дневниках
тренировочных занятий адмирала. О них снят
фильм, впервые показанный в Осаке в 1935 году,
имеются два руководства — «Будо Ренши» (1933)
и «Будо» (1938), а также ряд снимков, вошедших
в альбом Нома-додзё (1936).

В настоящей книге приведены фотографии тех
технических приемов айки-бudo, которые не пуб-
ликовались в альбоме Нома-додзё и не вошли в
«Будо».

Что касается трансформации айки-бudo в айки-
до, то сам Морихея говорит об этом так: «14 де-
кабря 1940 года примерно в два часа ночи я про-
водил ритуал очищения и вдруг понял, что забыл
сразу все, что знал об айки-бudo. Точнее говоря,
все то, чему я учился, вдруг предстало передо
мной в совершенно обновленном виде — прежнее
боевое искусство бросания и пинания соперника

вдруг трансформировалось в искусство культивации жизни, энергии, добродетели и прекрасных чувств. Если до войны я делал основной упор на мощь и физическую силу, то постепенно, с годами я все более отчетливо начал понимать, что совершенно нет необходимости в пустой накачке бицепсов. Если у вас есть силы ходить, то вашей жизненной энергии вполне достаточно для атаки, чтобы положить противника на обе лопатки. Если у вас есть сила открыть дверь, то вы вполне можете овладеть принципами айкидо». Кстати, в послевоенные годы Морихея не оставил никаких инструкций и руководств — все то, что опубликовано в данной книге, основано на случайных фотоматериалах, собранных и систематизированных надлежащим образом.

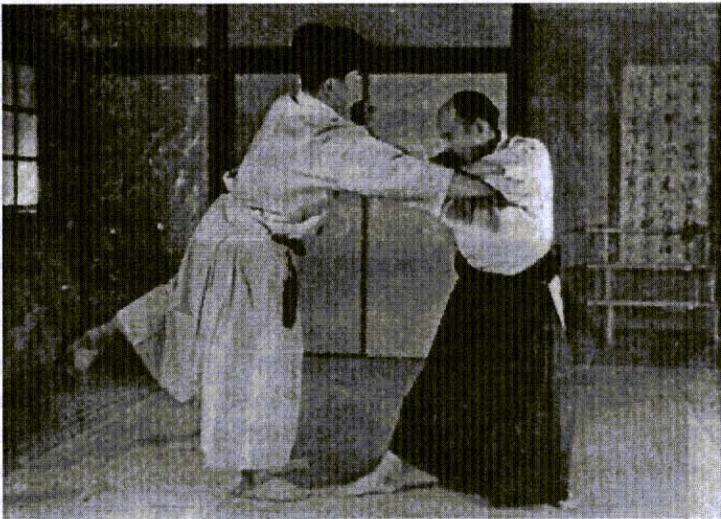
На самом деле вряд ли можно считать, что разница между айки-будо и айкидо очень уж существенна. Судя по приведенным фотографиям, единственное, что можно с определенной долей уверенности утверждать, так это то, что продолжительность проведения приемов в айки-будо и айкидо различная — техника айкидо более циркулярна, более проста в движении и более легкая в исполнении.

«одо-кай» и «одо-кай» инцизионицт когаки от од М. мят моте до тадоюто нахицо М мэс от од-оди и-кюн кюн над я онкемицт одот 0491 кадам гайдз отт, кине туда и хинешико даутиц индоа, ядоюто зенро Г одо-кай до канс отт, зен-ядаа одадел одадел туда, кюнти к умер отт, зен-зенкэки — одиа монногаондо онкемицт я йонн аякесеенко инкени и киництоа ёоуа иккени

ДОВОЕННАЯ ТЕХНИКА АЙКИ-БУДО

Шихо-наге вариации

— 224 —

8 - 3805

— 225 —

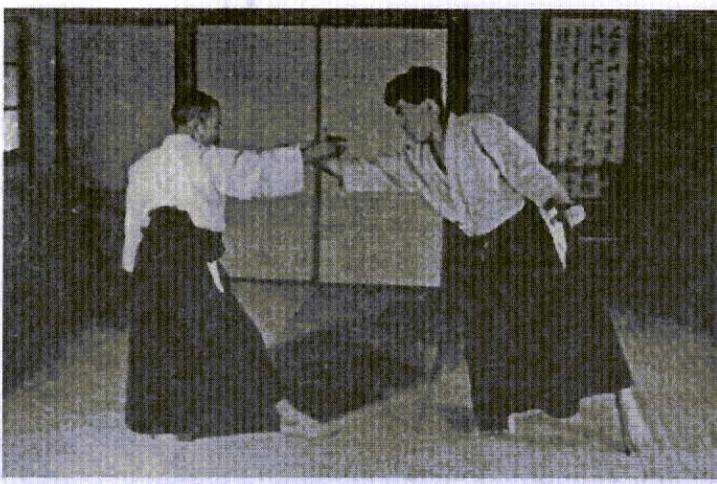
— 226 —

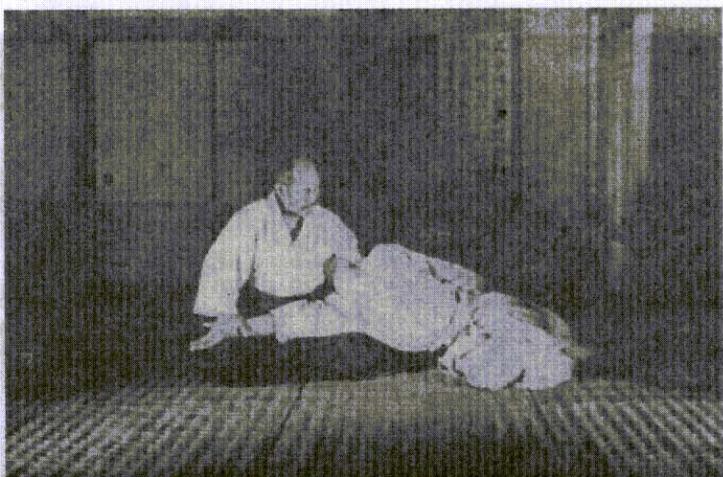
ZERO - 8

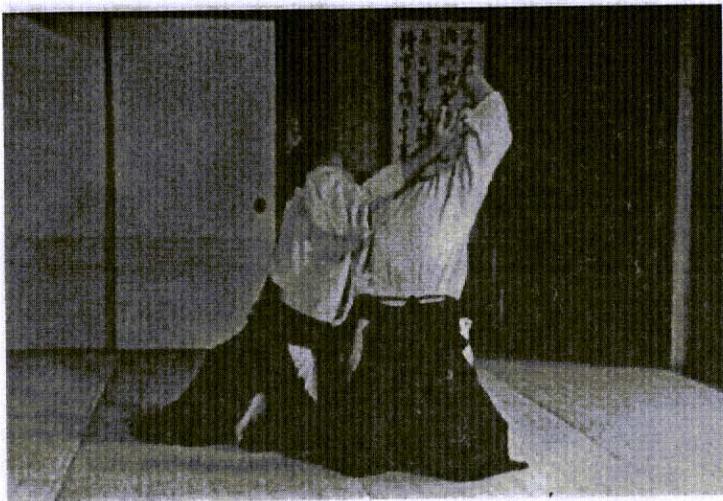

— 227 —

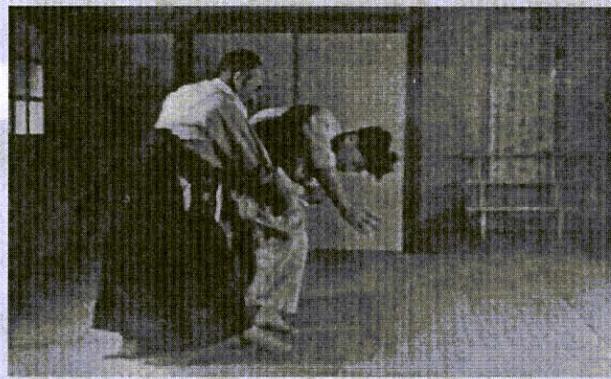
8*

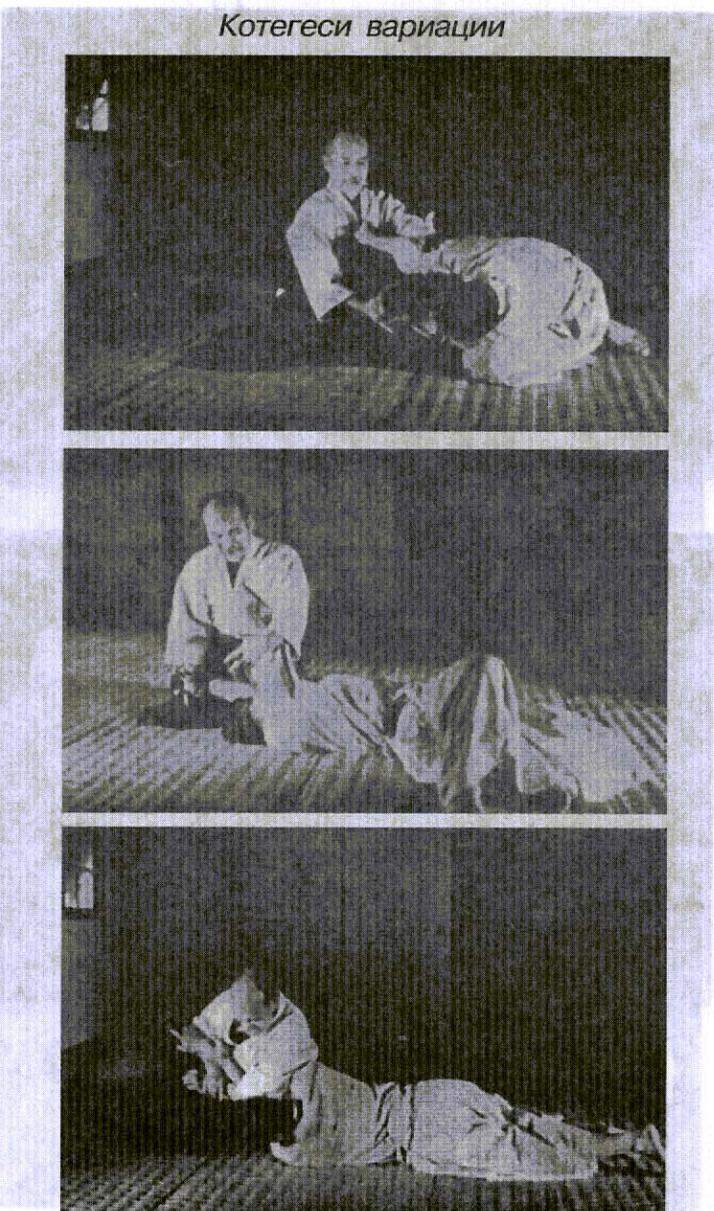
— 232 —

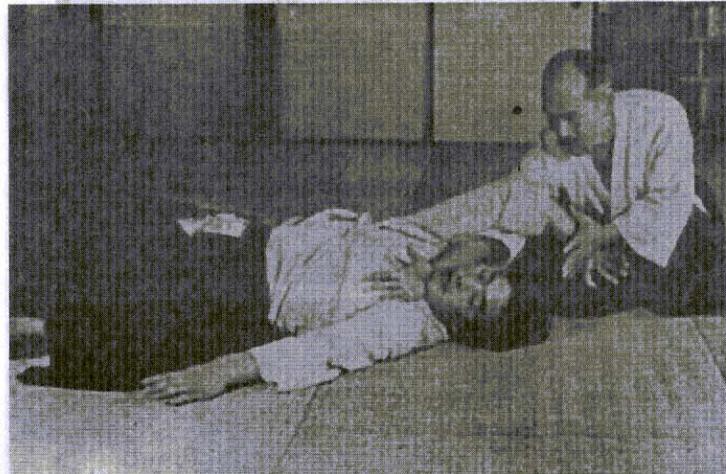
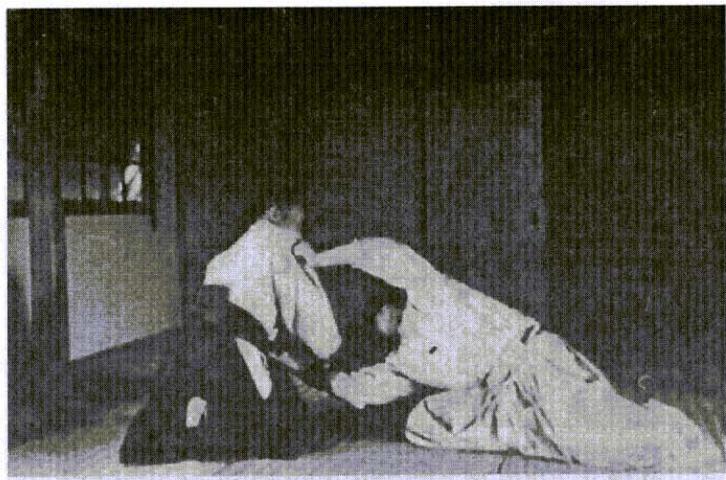
— 233 —

— 234 —

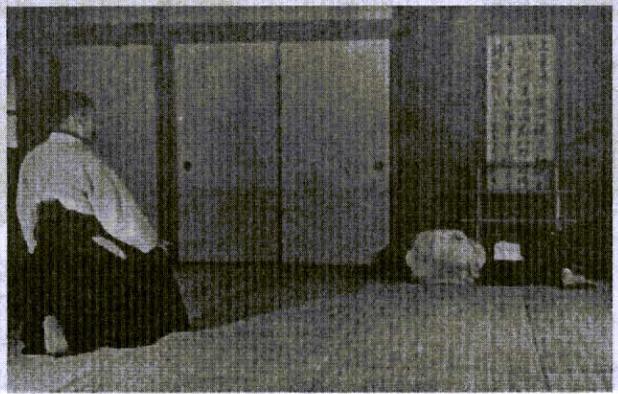

— 235 —

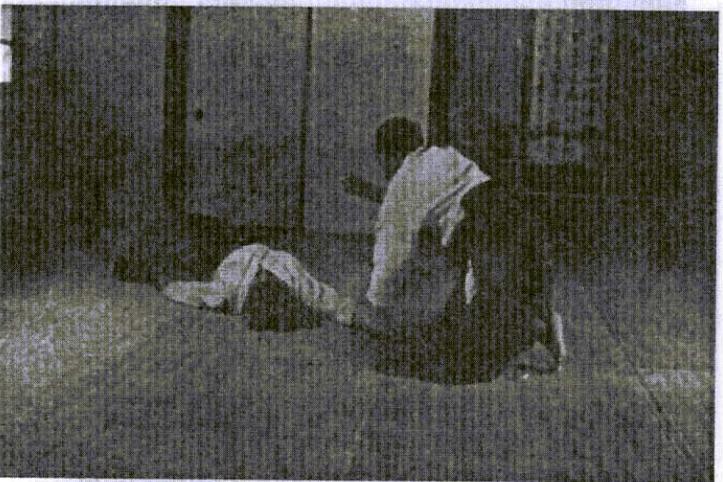

Кокайу-наге вариации

— 238 —

— 239 —

— 240 —

9 - 3805

— 241 —

— 242 —

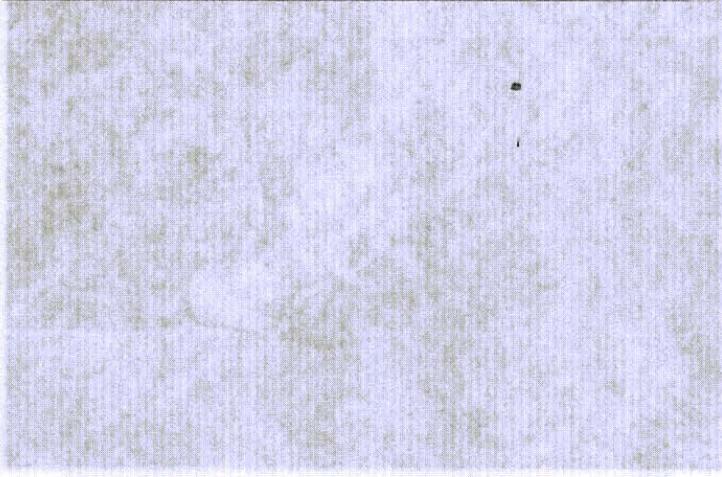
— 243 —

— 244 —

— 245 —

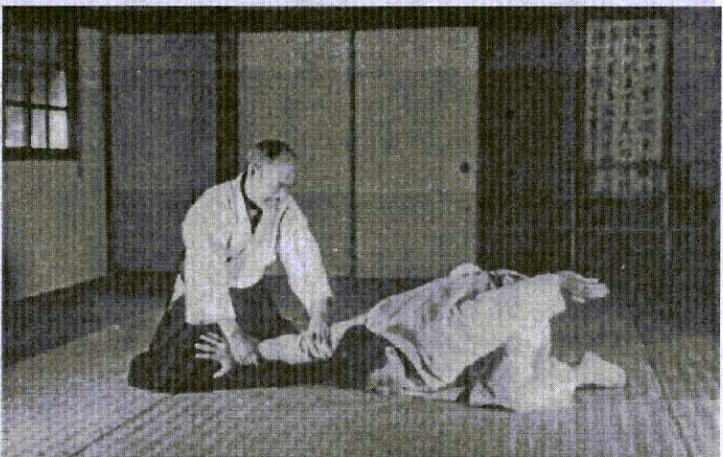

— 246 —

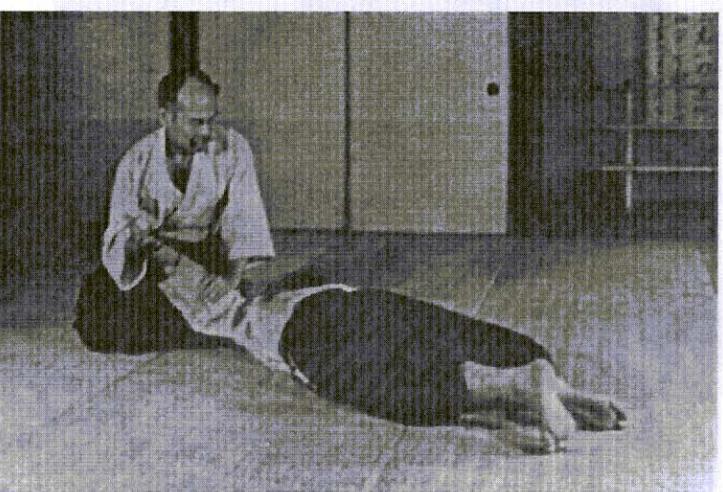
Пин вариации (уколы)

— 247 —

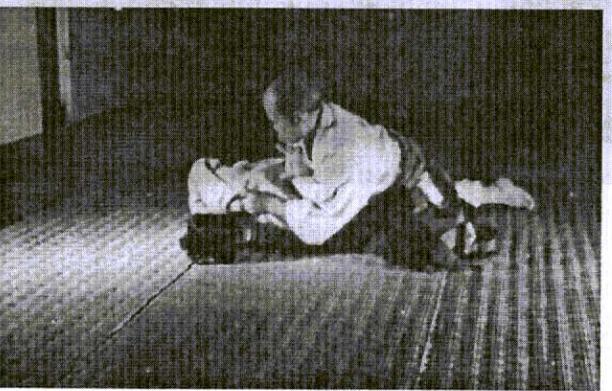

— 248 —

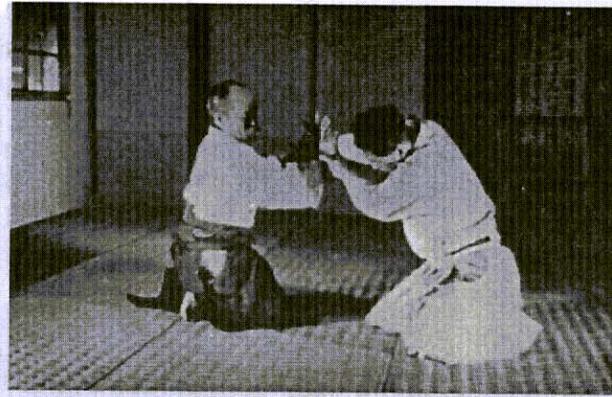

— 249 —

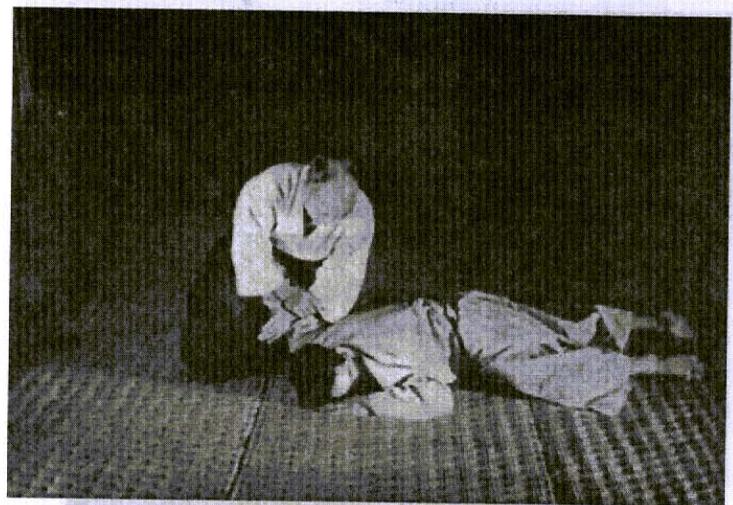
— 252 —

— 253 —

— 254 —

— 255 —

Куби-наге вариации

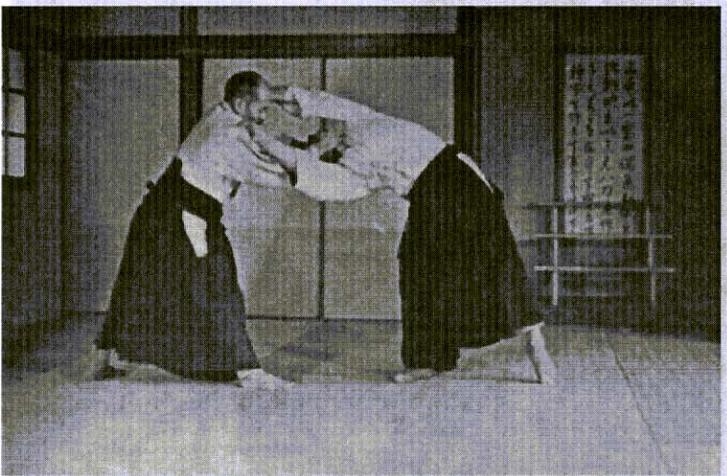
— 258 —

— 259 —

— 260 —

— 261 —

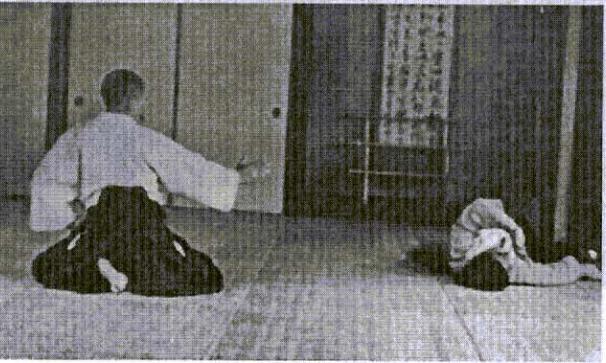
Вариации броска через бедро

— 262 —

— 263 —

— 266 —

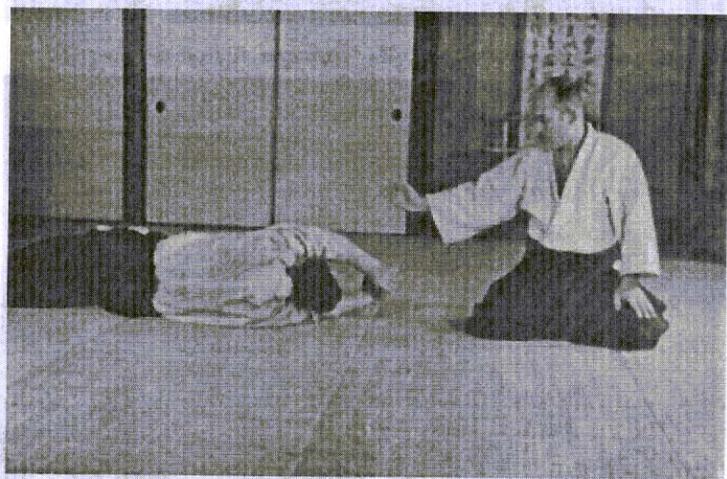

— 267 —

Уширо вариации

— 268 —

— 269 —

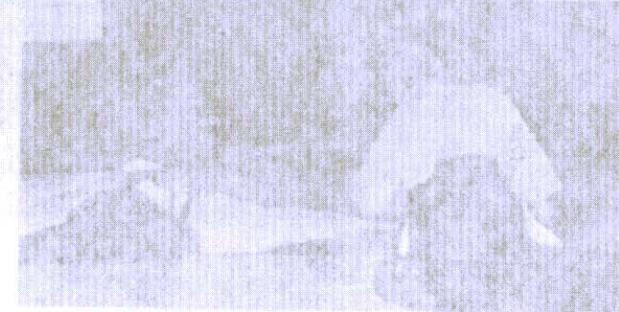
Вариации «улыбка»

— 270 —

Первоначальный вариант «Будо», который стоил по современным меркам около 200 долларов. Фотографии издания от времени потеряли должный вид или же бесследно исчезли, однако некоторая их часть все же осталась. В нашем издании опубликованы те снимки, которые не были использованы автором ранее в других его книгах.

— 271 —

Сувари Кокайу-хо

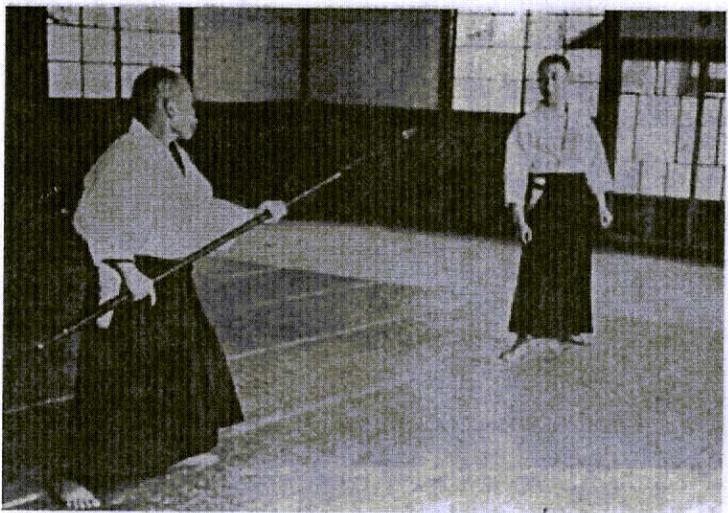
— 272 —

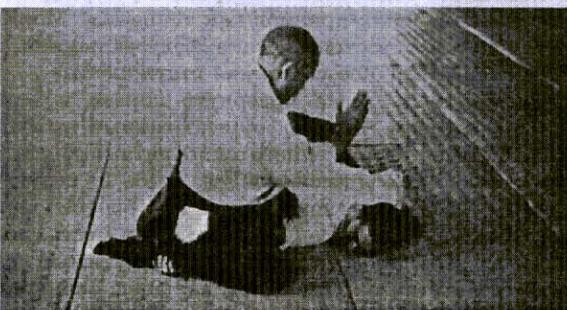
10 - 3805

Лариса Примакова
Иванова Катя
Нина Ильинская

— 273 —

Вверху. Морихи показывает, как надо правильно держать копье.
Внизу. Удар ирими, используемый против атаки фехтовальщика.

Вверху. Ирими-наге.
В середине. Котегеси.
Внизу. Иккаю пин (укол).

ПОСЛЕВОЕННАЯ ТЕХНИКА АЙКИДО

В последние годы жизни Морихея утверждал: «Айкидо не имеет технических приемов как таковых». Морихея показывает, как противостоять атаке фехтовальщика, а также, что такое «нестатичное состояние статичности».

Тело Морихея слегка повернуто вправо и находится в полном равновесии. Четко сфокусированный взгляд буквально обволакивает вооруженного оппонента. Его статичное состояние только кажущееся, точнее, лишь на сотую процента естественное. Он всем своим видом как бы говорит: «Ну что же ты ждешь? Атакуй меня скорее». Это и есть, по сути, его знаменитая методика фудосин («невозмутимый разум»), в результате действия которой подавляющее большинство противников просто теряли равновесие.

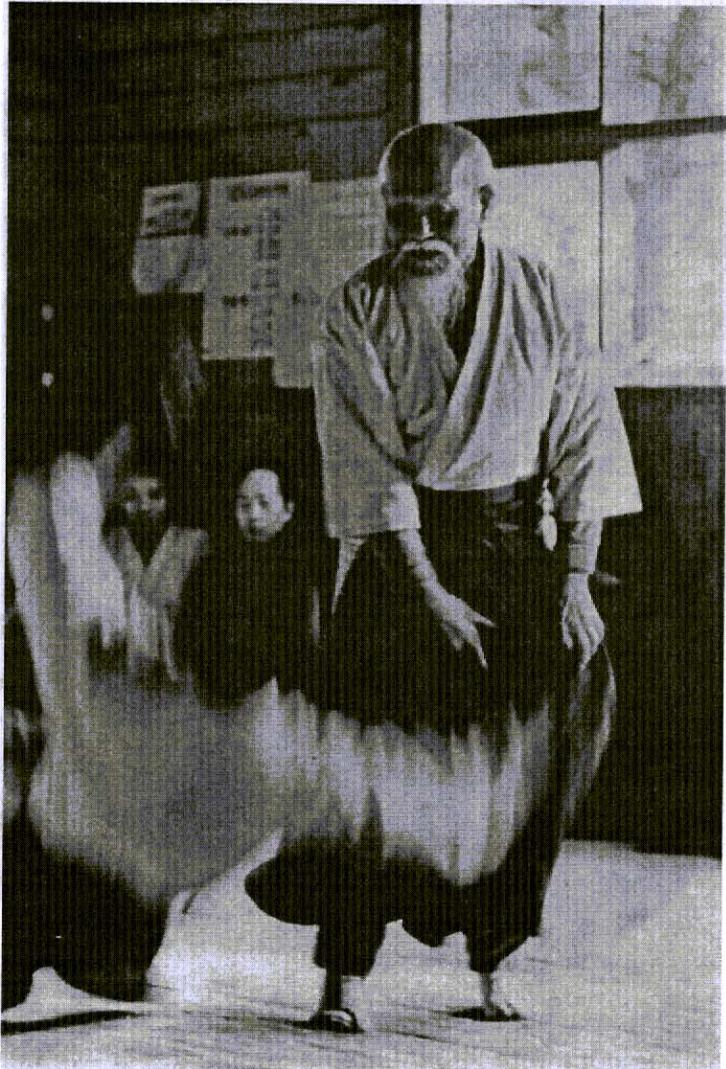
Едва атака начиналась, Морихея применял движение ирими в направлении жизненно активных точек атакующего со строго оптимальной скоростью — не медленной и не слишком быстрой. Как говорил по этому поводу сам Морихея, айкидо — безвременная внепространственная субстанция, формирующаяся мгновенно в том месте, где ты находишься.

Принцип ирими — проникающий глубоко как физически, так и духовно — остался ключевым элементом и в айки-будо, и в айкидо.

Ирими-наге

Кайтен — это поворот тела на 90° вправо или влево. Тело вращается вокруг вертикальной оси, оставаясь в вертикальном положении и вращаясь, как в шарнире.

— 280 —

Кайтен

Кайтен, или «поворот тела», успешно может использоваться как против одного соперника, так и против группы. Это, как полагают, одна из фундаментальных основ айкидо. Когда один из дотошных репортеров задал вопрос Морихею: «Так что же является основополагающим в вашем айкидо?», Великий Учитель показал ему кайтен. «Это?» — разочарованно спросил репортер. «Да, именно это и есть», — с улыбкой ответил Морихея.

— 281 —

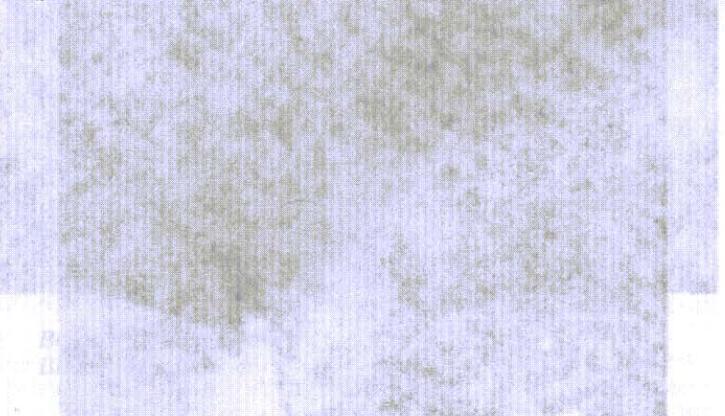

— 282 —

Кокайу-хо

Кокайу-хо — «сила дыхания», или живая сила айкидо. Морихеи легко противостоит двум здоровым молодцам.

«Она (дыхание) неотъемлемая часть ее практики»
— Алан Гриффин, практикант и преподаватель

— 283 —

«Сила дыхания» настолько велика, что от ее действия человек буквально отлетает в сторону.

— 284 —

Кокайу-наге

Вверху. В положении стоя.

Внизу. В положении сидя.

— 285 —

Морихеи всегда учил: «Кто правильно умеет ходить, тот сможет овладеть и айкидо». Многие приемы айкидо типа кокайу-наге (вверху) и иккийо (внизу) основаны на элементах простой ходьбы.

«Сила дыхания — настоящий источник, что-то в духе движений человека, функции отпечаток в историю».

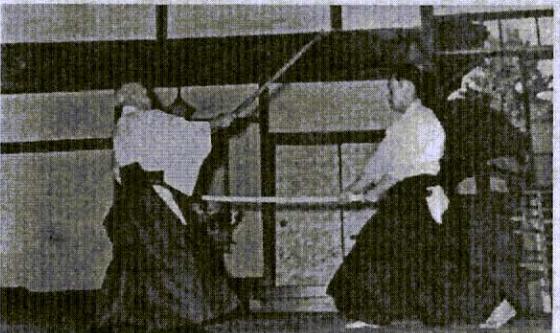
В послевоенные годы Морихеи не начинал ни одного выступления без мисоги-но-дзё для возрождения святого духа и очищения додзё. Мисоги-но-дзё — это некий магический танец, проводимый с четырехфутовым стержнем, поднимаемым вверх и символизирующим, таким образом, состояние сознания, адекватное учению айкидо. Надпись в верхней части фотографии гласит: «Вне сознания нет дхармы».

Морихеи и Кисомару демонстрируют приемы куми-дзэй. Морихеи считал, что они воспитывают интуицию и способствуют пониманию сути проникновения в айкидо.

Морихеи демонстрирует танрен-ичи — («шинкование дерева мечом») — прием, укрепляющий руки, плечи и мышцы поясницы.

Морихеи и Кисомару демонстрируют куми-тачи — борьбу фехтовальщиков мечами. Вообще говоря, большинство приемов айкидо, основанных на физическом воздействии, относится к фехтованию.

Как в айки-будо, так и в айкидо Морихеи в качестве проникающих приемов отражения атаки использовал стойку под прямым углом к сопернику.

1936 г.

Около 1966 г.

1936 г.

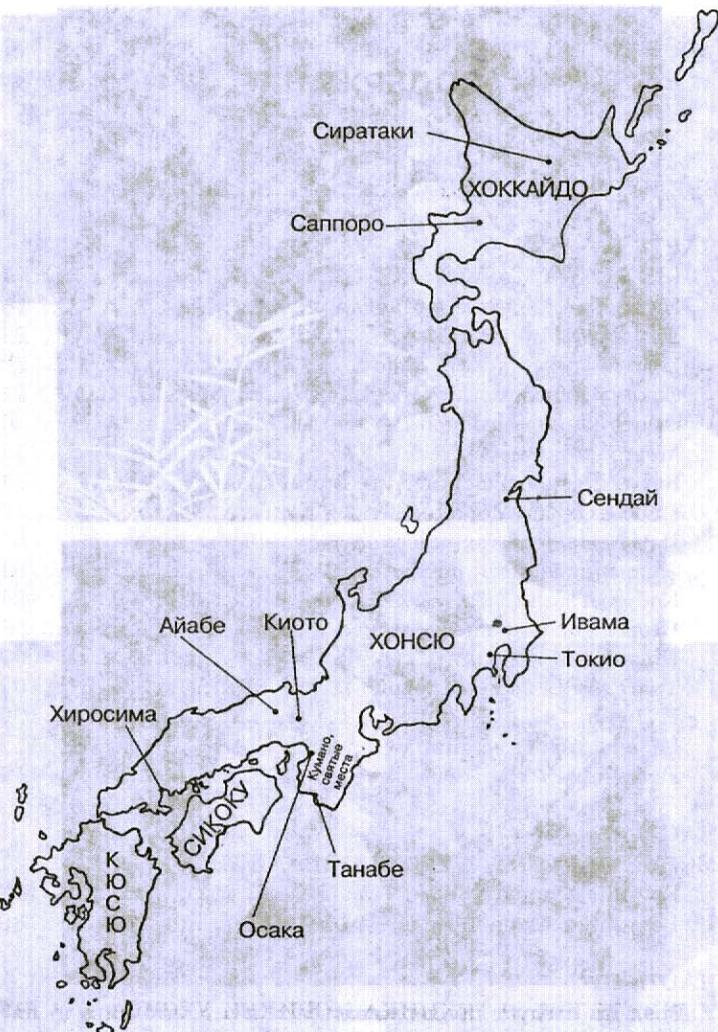

Около 1996 г.

На снимках довольно хорошо видно, что техника данных приемов не претерпела изменений при переходе от айки-будо к айкидо. Как говорится, тридцать лет на одном дыхании.

Вряд ли следует придерживаться мнения, что айкидо постепенно теряет свою привлекательность, ибо это истинное искусство умения синхронизировать свои движения и концентрировать усилия. На снимках в качестве сравнения показан некий прием, исполняемый Морихеи (вверху) с помощью техники айкидо и Киузо Мицуна (1883—1965) (внизу) — известным мастером дзюдо того времени. Вряд ли найдется кто-либо, считающий, что прием этот не один и тот же.

Карта Японии, где отмечены географические места страны, так или иначе связанные с биографией Морихеи Уесиба.

«САФДИДАСКУМЧАГНЯКЭНГАДЫР» научно-популярный монографический издание **«СОДЕРЖАНИЕ»**

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	----------

ЧАСТЬ I

ЖИЗНЬ И ЭПОХА МОРИХЕИ УЕСИБА	7
На военной службе у Мэйдзи	15
Кумагусу Минаката	23
Проживание на Хоккайдо	27
Сокаку Такеда	31
Омото-кё и Онисабуро Дегути	40
Морихеи и Омото-кё	57
Великий монгольский путь приключений	64
Просветление Морихеи	77
Изумительные технические возможности Морихеи	80
Запоминающиеся поединки	87
Кобукан	89
Второе гонение на Омото-кё	96
Подвиги Морихеи	99
Трагедия Второй мировой	107
В Ивама	109
Распространение айкидо	112
Последние годы жизни Учителя	119

ЧАСТЬ II

МОРИХЕИ УЕСИБА И СОЗДАНИЕ АЙКИДО	121
Ранний период, 1883–1945 гг.	123
Великий мастер айкидо, 1946–1969 гг.	180

ЧАСТЬ III

УДИВИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА МОРИХЕИ УЕСИБА	219
Довоенная техника айки-будо	223
Послевоенная техника айкидо	276

Гранд мастер

Эта книга дает возможность познакомиться с удивительным и загадочным человеком нашего столетия, величайшим магистром боевых искусств и фантастическим мистиком Морихеем Уесибой, посвятившим свою жизнь поиску философского смысла идеологии и сущности боевого искусства, что привело в итоге к созданию

Айкидо, позволяющего достигнуть истинного просветления. «Непобедимый воин» — это не только биография великого учителя, но и хронологическое описание событий и связанных с ними людей, идей, памятных мест, оказавших влияние на формирование неординарной личности Уесибы, создание его философско-духовного учения и руководства по Айкидо. В книге приведено около двухсот фотодокументов, иллюстрирующих жизнь непобедимого мастера и его уникальную технику.

ISBN 5-8183-0322-5

A standard linear barcode representing the ISBN number 5-8183-0322-5.

9 785818 303222